АКВИЛОН

Британские исследования

Выпуск VIII

МОСКВА
2024

British Studies

Issue VIII

MOSCOW
2024

УДК 94(41)
ББК 63.3(4Вел)
Б 879

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

С.Н. Гаврилов
(кандидат исторических наук,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.С. Айриян (кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону); *Т.Л. Лабутина* (доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва); *Н.А. Лагошина (ответственный секрета*рь, кандидат исторических наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону); *Н.В. Ласкова* (кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону); *А.В. Мирошников* (доктор исторических наук, профессор, Воронежский государственный университет, Воронеж)

БРИТАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / С.Н. Гаврилов (Ред.).
М.: Аквилон, 2024. Вып. VIII. — 288 с.

Восьмой выпуск альманаха «Британские исследования» является продолжением устоявшейся традиции и включает статьи, охватывающие широкие хронологические рамки и проблемные границы, связанные с историей Британии. В статьях сборника представлен взгляд на наиболее важные проблемы британской истории, отражающие уровень современного исторического знания. В этом выпуске авторы, опираясь на широкий круг исторических источников, исследуют политические, этнокультурные, военные и дипломатические аспекты истории Туманного Альбиона.

BRITISH STUDIES / Sergey Gavrilov (Ed.).
Moscow: Aquilo-Press, 2024. Issue VIII. — 288 p.

The eighth issue of the British Studies almanac continues the tradition and contains articles covering a wide chronological framework and problematic boundaries related to the history of Britain. The authors of the articles in the issue presents views at the most important problems of British history, reflecting the level of modern historical knowledge. Our authors, relying on a wide range of historical sources, explore the political, ethnocultural, military and diplomatic aspects of the history of Albion.

Научное издание

ISBN 978–5–6050283–6–9

© Коллектив авторов, 2024
© Южный федеральный университет, 2024
© Издательство «Аквилон», 2024

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ОТ РЕДАКЦИИ

Восьмой выпуск альманаха «Британские исследования», который наш дорогой читатель держит в руках, является продолжением устоявшейся в научных кругах серии. По уже сложившейся печальной традиции каждый очередной сборник выходит в свет в довольно сложный для исторической науки период. И этот выпуск — не исключение.

Политические события, происходящие в сегодняшнем мире, отразились и на научном сообществе. Исследователям, посвятившим себя изучению проблем зарубежной истории, приходится особенно сложно. Разорваны многие интернациональные научные связи, значительно сокращены возможности как выезда на научные конференции, так и работы в зарубежных архивах. В этих тяжелых условиях оказалось и весьма внушительное по своим масштабам сообщество британоведов. И тем не менее несмотря на все сложности, наука живет. Ученые находят новые возможности заниматься своими «штудиями» и выпускать научные труды. Говорят, трудности закаляют, они, в том числе порождают новые тенденции в исторической науке. Но не менее важно на сегодняшний момент сохранять и традиции. И одна из таких традиций — наш альманах.

Как бы не менялись окружающие нас внешние условия, «Британские исследования» продолжают выходить раз в два года. За это время мы в силу разных обстоятельств потеряли некоторых наших традиционных авторов, но также мы приобрели и новых, готовых с нами сотрудничать. Хочется выразить им всем искреннюю благодарность, ведь наше издание не дает дополнительные баллы в рейтинг, введение которого в вузах и научных центрах далеко не однозначно сказывается на разви-

тии науки. «Британские исследования» не являются изданием, высоко котирующимся в рейтинговой системе, но оно на сегодняшний день осталось чуть ли не единственным периодическим изданием на просторах нашей страны, целиком посвященным истории и культуре Британии. Хочется также отдельно поблагодарить и руководство Института истории и международных отношений Южного федерального университета, являющегося правопреемником Исторического факультета бывшего Ростовского государственного университета, за неизменную финансовую помощь и, что не менее важно, моральную поддержку нашему альманаху.

Данный выпуск содержит как традиционные рубрики, некоторые из которых в предыдущих выпусках исчезали, но затем возрождались, так и новые, рождению которых способствовало появление в наших рядах новых авторов. В свою очередь, внутри каждого раздела выстраивание отдельных статей происходит по хронологическому принципу.

Одна из новых рубрик посвящена истории и культуре Ирландии. В последнее время ирландская тематика становится довольно популярной в среде исследователей. Эта тенденция проявила себя и на ежегодной научной конференции «Британский мир: опыт политического, социального и культурного развития», в марте этого года прошедшей в Санкт-Петербурге. Отчасти любовь к Ирландии потеснила ранее более отчетливо проявлявшуюся любовь к Шотландии. Такие изменения видны и на примере восьмого выпуска нашего альманаха. Сразу три исследования породили необходимость выделения новой рубрики. Мы долго думали о том, как ее назвать, но в итоге пришли к выводу, что «Terra Hibernica» вполне приемлемо в качестве временного варианта. В будущем, что не исключено, мы переименуем эту рубрику. Все зависит от того, сохранится ли интерес к этой британской окраине (подозреваю, что не все те, кто посвятили себя ее изучению, согласятся с такой формулировкой) через два года. Уверен, что наши новые авторы из Воронежского университета, приславшие свои статьи, продолжат сотрудничать с нами.

Один из таких авторов — доктор исторических наук, завкафедрой истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета, профессор Мирошников Александр Викторович, возглавляющий школу ирландистики в Воронеже. В своей статье «Палитра ирландского национализма конца XVIII в.» автор анализирует причины зарождения ирландского национализма в конце столетия и выявляет факторы проявления национального самосознания среди протестантского населения Ольстера. Особое же внимание уделяется проблемам мировоззренческой модернизации политической элиты Ирландии.

Представительницей упомянутой школы ирландистики в Воронежском государственном университете является ученица и коллега профессора А.В. Мирошникова кандидат исторических наук Шишкина Ирина Борисовна, работающая доцентом на упомянутой кафедре истории зарубежных стран и востоковедения. В своей статье «Проблемы принятия Акта об управлении Ирландией 1914 года (третьего гомруля)» она исследует условия, сложившиеся в Парламенте, с выделением важности «Акта о Парламенте 1911 года», который сделал возможным обойти право вето Палаты лордов, настроенной против законопроекта. В работе И.Б. Шишкиной рассматривается как позиции представителей различных политических кругов по ирландскому вопросу, так и сложный процесс принятия гомруля, а также компромиссные условия его реализации.

Ирландской тематике посвящено и исследование кандидата исторических наук Наталии Анатольевны Лагошиной, работающей в Институте истории и международных отношений ЮФУ, а также в течение долгого времени являющейся членом редакционной коллегии сборника. И хотя в последнее время особое внимание автора приковано к истории Ирландии и ирландцев XV–XVI вв., периоду, исследованием которого она занималась еще в студенческие годы, круг ее интересов включает и более позднее время. В статье «“Богатство не является вечным спутником благородства”: к вопросу о статусе ирландских джентри в XVIII веке», вошедшей в данный выпуск, анализируется статус джентри-католиков в Ирландии указанного

столетия, выявляется как их роль в обществе и способы адаптации к новым политическим реалиям, так и основные особенности их мировоззрения. Автор приходит к выводу, что в начале XIX в. ирландские джентри-посредники, являющиеся носителями и элитарной, и народной культуры, сформировали слой крупных католических фермеров, более консервативное дворянство, процветавшее и пользующееся устойчивым положением в обществе.

Следующая наша рубрика «Правь, Британия, морями!» относится к традиционным. Она практически никогда не исчезает, поскольку без обращения к морской тематике образ прошлого Британии был бы ущербным. Во многом особенности развития Туманного Альбиона исторически определялись именно островным положением страны. Но оторванность Британии от континента не только порождала особенности ее развития, но и закладывала необходимость развивать искусство мореплавания.

В этом выпуске теме морской истории островного государства раннего Нового времени свои исследования посвятили Киселев Александр Александрович и Гаврилов Сергей Николаевич, являющиеся постоянными авторами альманаха, занимающиеся проблемами военно-морской истории времени правления династии Тюдоров, той самой эпохи, когда англичане уверенно предъявили свои права на морские просторы, бросив вызов могущественным державам,

В статье «Мартин Фробишер и деятельность английской Катайской кампании во второй половине 1570-х гг.» А.А. Киселев, представитель Волгоградского государственного университета анализирует причины неудач компании, в том числе причины провала попыток создания колонии «Мета Инкогнита», первой английской колонии на территории Северной Америки. Комплексный анализ многочисленных источников, в том числе и архивных материалов, хранящихся в Национальном архиве Великобритании и Британской библиотеке, дал исследователю возможность выявить и особый вклад английской Катайской компании в формировании географических знаний о Северной Америке в последней четверти XVI в.

С.Н. Гаврилов, обычно занимающийся исследованием институционных аспектов английского флота раннего Нового времени, на этот раз обратился к рассмотрению различных научных подходов в исследовании военно-морских сил данного периода. В своей статье «Королевский флот эпохи Тюдоров: научные подходы в изучении» автор рассматривает как уже традиционно применяющиеся и устоявшиеся подходы, сравнивая их между собой и разбирая их преимущества и недостатки, так и зарождающиеся новые, дающие возможность посмотреть на знакомый нам предмет исследования с иных сторон. Новые подходы, отмечаемые автором, имеют большую перспективу и, как показывает С.Н. Гаврилов, способны придать исследованию флота новый импульс.

«Британия и мир» — еще одна уже устоявшаяся рубрика. Без нее также не обходится ни один выпуск альманаха. Это и не удивительно, ведь Британия, будучи островом, не только отличалась особенностями своего развития, но и опережая во многих сферах развития континентальных соседей, всегда претендовала на особую роль в системе международных отношений. Традиции ее довольно активной внешней политики продолжаются и поныне. Этим отчасти объясняется постоянный интерес к данной тематике.

Одним из наших самых преданных авторов, всегда тепло отзывающихся об альманахе и считающих, что его издание должно продолжаться, несмотря на все возникающие трудности, является доктор исторических наук, профессор Лабутина Татьяна Леонидовна. В статье «Английский посол Эд. Финч о свержении Э.И. Бирона (по материалам дипломатической переписки)» автор в рамках известного направления в современной исторической науке — имагологии освещает события, связанные с арестом фаворита российской императрицы Анны Иоанновны — Э.И. Бирона, ставшие известными английскому послу Эд. Финчу. Исследуя материалы дипломатической переписки английского посланника, являвшиеся одними из первых достоверных источников, проливающих свет на происходившие при императорском дворе в России события, связанные со свержением Бирона, Т.Л. Лабутина восполняет существующую

лакуну, поскольку данные материалы ранее привлекались историками лишь фрагментарно.

Представитель Южного федерального университета Ласкова Наталья Васильевна также является нашим постоянным автором. В статье «Шотландский след в истории датско-русской дипломатии XV – первой четверти XVI вв.» она анализирует участие в переговорах на высшем уровне датского посла Дэвида Кокрана. Автор акцентирует внимание на биографии Кокрана, фигура которого представлена в исторических источниках и научной литературе преимущественно в свете русско-датских отношений. Изучение дошедшего до нас документального материала позволило Н.А. Ласковой сделать вывод о том, что в 90-е годы XV века и в первой четверти XVI столетия послом «о любви и дружбе» от датских монархов являлся шотландец по происхождению, называемый в русских летописях Давыдом или Давидом. Это обстоятельство дало возможность автору как дополнить сведения о посещавших Московию британцах еще до времени официального установления англо-русских дипломатических взаимоотношений, так и проследить основания, способствовавшие факту признания в историографии данного лица в качестве первого шотландца, побывавшего в России.

Доктор исторических наук, профессор Склярова Елена Константиновна в своей статье «Граф Албемарл — инициатор санкций против России в период крымской войны» рассматривает деятельность этой исторической фигуры в контексте деятельности британского парламента и внешней политики Великобритании. К сожалению, констатирует автор, в российской историографии до сих пор отсутствуют комплексные исследования, посвященные этому политику. Изучение деятельности Албемарла дает возможность заключить, что он, вопреки широко укоренившемуся мнению о необходимости санкций, выступал против санкционной политики. В этом он поддерживал позицию Торгового совета Великобритании, доказывавшего, что антироссийские санкции приносят вред английской экономике.

В рубрику «Британия и мир» вошла и статья Атапина Евгения Александровича. В исследовании «Дэвид Кэмерон: за-

ложник собственных обещаний или жертва “европейского вопроса”» автор изучает подход премьер-министра к проблемам взаимоотношений Великобритании и Евросоюза и анализирует влияние евроскептического крыла Консервативной партии на его позицию. Е.А. Атапин предпринимает попытку установить причины многочисленных обещаний Д. Кэмерона британскому обществу, затрагивает особенности кампании референдума 2016 г. о членстве страны в ЕС и объясняет влияние итогов референдума на отставку Д. Кэмерона с поста премьер-министра.

Традиционно «Британские исследования» не обходятся и без рубрики «Социально-политические и культурные практики и институты». От выпуска к выпуску она немного варьируется в своем названии, но, учитывая неослабевающий интерес к данной сфере в британистике и ее важность, всегда широко представлена работами наших авторов.

Пожалуй, одним из наиболее ценных и преданных участников альманаха является известный ученый, доктор исторических наук, профессор Лариса Николаевна Чернова. Сфера ее интересов — английский город эпохи Средневековья и раннего Нового времени. В статье «Развитие образования в Лондоне XIV–XVI вв. и городские официалы» выявляется роль должностных лиц Лондона в развитии образования. В ходе проведенного исследования Л.Н. Чернова показывает, что в это время в столице Англии существовал широкий спектр школ, призванных удовлетворить самые разные запросы горожан, при этом значимую роль в расширении сети этих образовательных учреждений играли олдермены, мэры и шерифы. Таким образом, в этом процессе развития образования, говорит автор, частная инициатива довлела над целенаправленной политикой городских властей. Работа Л.Н. Черновой основывается на привлечении широкого круга источников и литературы.

В рубрику также включена и статья Мухина Максима Андреевича «К вопросу о структурной трансформации власти в правление Генриха VII». Автор отмечает двойственное отношение в историографии к системе управления, сложившейся в годы правления первого из рода Тюдоров. М.А. Мухин утверждает, что король не только не стремился ликвидировать

власть аристократии, но и во многом опирался на нее. Более того, свидетельства, подтверждающие мнение о том, что Генрих VII, используя парламент или другие институты, ставил своей целью существенную трансформацию системы управления, не существуют. Хотя король в конечном итоге и сумел добиться финансового превосходства над аристократами, заключает автор, но в вопросах управления Англией он оставался типичным средневековым монархом.

К сожалению, один из наших традиционных авторов, доктор исторических наук Клочков Виктор Викторович, всегда сохранявший преданность «Британским исследованиям» и бывший постоянным участником рубрики, успел подать лишь заявку в данный выпуск. Не так давно В.В. Клочков ушёл из жизни. Редакция сборника выражает соболезнование его родным и близким.

Последняя рубрика «Образы, идеи и ценности», представленная тремя авторами, из выпуска в выпуск присутствует в нашем альманахе, что и не удивительно. Сколько бы мы не изучали социально-политические и экономические структуры, сколько бы мы не исследовали особенности отдельных регионов Британии, ее внешнюю политику и место в мире, всегда история человека, его миропонимание, идеи и образы, которые он создает, и которые формируют его, будут занимать особое место среди историков. Человек не существует сам по себе, он становится таковым лишь в обществе, а общество скрепляется идеями и ценностями.

Одним из наших постоянных авторов является Максим Александрович Ковалев, представитель Владимирского государственного университета. В работе «У. Уиндхэм и полемика в партии вигов вокруг Французской революции (1792–1793 гг.)» рассмотрены политические взгляды лидера «третьей партии», состоявшей из занимающих воинственную позицию по отношению к Франции членов партии вигов. Проведя детальный анализ взглядов политика, М.А. Ковалев пришел к выводу, что Уиндхэм, довольно избирательно используя идеи своего учителя Э. Берка, прежде всего оперировал популярными в то время идеями о международном якобинском заговоре

против христианства, ставя своей целью консолидацию различных сил вокруг правительства. Итогом такой позиции стало политическое одиночество основоположника консерватизма.

В своей статье «Образы Английской Республики в исторической памяти современного британского общества» доктор исторических наук Кирчанов Максим Валерьевич анализирует особенности восприятия и развития образов Республики в мемориальной британской культуре. Проблемы ее роли и места рассматриваются автором в контекстах методологических подходов, в сформированных в современной междисциплинарной историографии памяти и исторической политики в рамках инвенционистского и имагинативного поворотов. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что на фоне сюжетов предшествующей или последующей политической истории Британии, ассимилированной обществом потребления и интегрированной им в свои тактики и стратегии исторического воображения, образы Республики в исторической памяти маргинальны.

В рубрику также вошла статья «Британские интеллектуалы и международное движение в защиту культуры» Ольги Ивановны Рудой. Рассматривая участие интеллектуалов в организации и деятельности международного движения, ставящего своей целью защиту цивилизации от фашизма, автор особое внимание уделяет их политизации, а также изучает их вклад в дело защиты мира от фашистской идеологии и нарастающей агрессии во второй половине 1930-х годов.

Подводя итог, от имени редакции хотелось бы поблагодарить всех авторов, принявших участие в выпуске восьмого выпуска «Британских исследований». Выражаем также и надежду на присоединение к нашему альманаху новых исследователей, занимающихся историей и культурой Британии.

Сергей Гаврилов

Н.А. Лагошина
(Ростов-на-Дону)

«БОГАТСТВО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕЧНЫМ СПУТНИКОМ БЛАГОРОДСТВА»

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ИРЛАНДСКИХ ДЖЕНТРИ В XVIII ВЕКЕ

XVIII век является важной вехой в истории Ирландии. Это время ломки традиционной системы землевладения, властных структур и экономики. Карательные законы привели к социальной трансформации традиционного общества, спровоцировав появление новой прослойки фермеров-посредников. В настоящее время проблемы социальной и культурной истории Ирландии вызывают большой интерес в мировой историографии. Исследуются проблемы адаптации разных слоев многогранного ирландского общества, трансформация идентичности в Новое время, английское завоевание как фактор зарождения национального, диаспора в зарубежье. До сих пор ведутся споры о границах «гэльского мира» и его специфике: была ли Ирландия английской колонией или обществом Старого порядка? Для ответа на этот вопрос необходимо изучить широкий спектр отношений на острове[1]. В исследованиях, вышедших за последнее десятилетие, применяются как методы французской школы Ан-

[1] Connolly S. Religion, law and power: The making of Protestant Ireland 1660–1760. Oxford: Oxford University Press, 1992. 346 p.; Bartlett T. “A people made rather for copies than originals”: the Anglo-Irish 1760–1800 // International History Review. 1990. Vol. 12. P. 11-25.

налов, так и транснациональный подход, анализ конкретных ситуаций, биографический и историко-психологический методы. Внимание историков смещается с неподвижных структур до жизни конкретного человека. Здесь можно выделить работы Каллена, Бартлета, Коннолли и Уилана[1].

В настоящем исследовании затрагиваются некоторые аспекты социальной и культурной истории Ирландии XVIII в., а также исследуется эволюция статуса потомков гэльской аристократии, их социальный уклад и влияние на местные общины.

Фактически, на протяжении всего XVIII в. земля в Ирландии оставалась больше политическим вопросом, а не только аграрным или экономическим. Окончательный контроль над землей, а следовательно, и над политической властью, был целью двух тревожных вызовов 1640-х и 1690-х гг. — событий, которые в мельчайших подробностях запомнились как завоевателями, так и побежденными[2]. Право собственности на землю определяло положение в ирландском обществе, оно также являлось причиной социальных потрясений эпохи. Память о потрясениях XVII в., представления о прежних политических и земельных правах, сохранившиеся в коллективной памяти гэльского мира, а также существование разветвленной ирландской диаспоры за границей усиливали нестабильность в вопросе собственности на землю. Потомки католических лордов Ирландии должны были приспособиться к новым жизненным условиям.

---

[1] Cullen L. The emergence of modem Ireland 1600–1900. L.: Batsford Academic, 1981. 292 p.; Bartlett T. An end to moral economy: the Irish militia disturbances of 1793 // Past and Present. 1983. N. 99. P. 41-64; Connolly S. Religion, law and power: The making of Protestant Ireland 1660–1760. Oxford: Oxford University Press, 1992. 346 p.; Whelan K. The Catholic community in eighteenth-century Country Wexford // Endurance and emergence / Eds. by P. Power and K. Whelan. Blackrock: Irish Academic Press, 1990. P. 137-144.

[2] Лагошина Н.А. Адаптация ирландских мигрантов в Лондоне в конце XVII – начале XIX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 5.6.2. Ростов-на-Дону, 2022. С. 71.

После введения Карательных законов католические собственники лишались земли, политической власти, а также возможности занимать должности в органах местного управления и судах Ирландии. Земли были переданы новой протестантской знати и английским лендлордам, большую часть времени отсутствующим в своих поместьях. Управлением и развитием земельных владений, как правило, занимались местные посредники, выходцы из семей эсквайров и джентри.

В 1690-е гг. и в первые десятилетия XVIII в. лендлорды стремились стабилизировать арендную плату за свои поместья, привлекая главных арендаторов из протестантской среды, которые могли гарантировать стабильные денежные выплаты и по договору аренды были ответственны за развитие своих владений[1]. В 1773 г. один из арендаторов графства Дерри отметил, что с позволения лордов посредники заключают все больше договоров на бессрочную аренду, так как в стране много пустующих ферм, а протестантских йоменов, обеспечивающих собственность лордов, не хватает[2].

Землевладельцы стремились привлечь платежеспособных арендаторов, а не рисковать, отдавая землю в руки неизвестным. Это создало благоприятную среду для посредников, которые процветали с помощью аренды в 1690-х гг. В начале XVIII в. они арендовали сразу несколько земельных участков для последующей сдачи фермерам и рабочим. Эта деятельность привела ирландских джентри, которые выступали в роли главных арендаторов, к поразительному успеху. Они сумели не только извлечь прибыль от земельных сделок, но и распространить

[1] Лагошина Н.А. Адаптация ирландских мигрантов в Лондоне в конце XVII – начале XIX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 5.6.2. Ростов-на-Дону, 2022. С. 71; Cullen L. Catholic social classes under the penal laws // Endurance and Emergence: Catholics in Ireland in the eighteenth century / Eds. by T. Power and K. Whelan. Dublin, 1990. P. 57-84.

[2] A letter to the free electors of the county of Londonderry. 9 Sept. 1775 // Aspects of Irish social history 1750–1800 / Eds. by W. Crawford and B. Trainor. Belfast, 1969. P. 163.

свое влияния по всему графству. Среди обязанностей посредников было определение границ земельных участков и размера ренты, обеспечение непрерывной хозяйственной деятельности, работ по озеленению ландшафта и постройке домов.

Некоторые джентри арендовали поместья на всю жизнь, либо на жизни нескольких поколений, что делало их фактическими владельцами земли. Английские собственники охотно шли на данные условия, поскольку в таком случае арендаторы бережнее относились к земле и вкладывали в ее развитие собственные сбережения. Практика бессрочной аренды также защищала арендаторов от произвольного повышения ренты. Пожизненная аренда предоставляла своему обладателю право голоса, что являлось важным преимуществом землевладельца[1]. Это объясняет стремление потомков гэльской знати стать главными арендаторами в собственных графствах.

Часть английских лордов полностью передавала тяготы по благоустройству своих поместий посредникам. Другие, напротив, старательно обустраивали свои владения, вводили новшества, стремясь модернизировать сельское хозяйство. В 1730-х гг. агент по недвижимости из Девоншира описывал поместье некого Ричарда Бойла как прекрасную английскую колонию, на которой проживали семьи из Англии, поскольку пожилой лорд не хотел сдавать поместье в аренду местным жителям — «совершенно невосприимчивым к преобразованиям»[2].

Интересно, что даже в начале XVIII в. среди англичан были распространены предубеждения по отношению к ирландским католикам, которых считали ленивыми и склонными к традиционализму. Посредник из Корка в 1710 г. описал неосвоенную городскую землю как «папистскую ферму без изгоро-

[1] Лагошина Н.А. Адаптация ирландских мигрантов в Лондоне в конце XVII – начале XIX веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 5.6.2. Ростов-на-Дону, 2022. С. 76.

[2] Bateman J. A just and true relation of J. Bateman's concerns under the Right Hon. Richard, Earl of Burlington ever since the year 1713. 1734. P. 8.

дей и деревьев»[1]. В свою очередь, новые протестантские арендаторы заботились о нововведениях на вверенной им земле. Преобразованная ими местность отражала видимые признаки стабильного и развитого протестантского общества. Эти посредники сознательно утверждали новые ценности, которые нередко не совпадали с традициями коренного населения.

Главных арендаторов из протестантской среды было сложно найти в Ирландии. В таких условиях лендлорды передавали управление своими поместьями наиболее респектабельным католическим джентри, оставшимся без земельной собственности[2]. Новые землевладельцы выбирали их в качестве стабилизирующей силы, гарантирующей признание местного населения и способной сгладить переход от старого режима к новому. Католические джентри становились главными арендаторами в той местности, где сохранилась прослойка старых землевладельцев, где поместья небольшого размера препятствовали крупномасштабной реорганизации, а также там, где было невозможно нанять платежеспособных иммигрантов. На формирование слоя джентри оказала влияние старая католическая знать, приспособившаяся к новым политическим условиям. В настоящее время становится все более очевидным, что эта прослойка составляла больший сегмент общества, чем предполагалось ранее[3]. Неточные оценки масштабов протестантского господства заставили католических джентри ошибочно исчезнуть из нашего представления об Ирландии XVIII в.

Для удержания контроля над землями гэльские аристократические семьи переходили в протестантизм, что позволяло им стать главными арендаторами своих поместий. Таким образом, клятвы верности английской короне и поддержка в парламенте со стороны влиятельных лордов позволили потомкам ирланд-

---

[1] Andrews J.H. Plantation Acres: An Historical Study of the Irish Land Surveyor. Belfast: The Ulster Historical Foundation, 1985. P. 84. 462 p.

[2] Power T.P. Land, Politics, and Society in Eighteenth-Century Tipperary. Oxford: Clarendon Press, 1993. 376 p. P. 119.

[3] Cullen L. Catholics under the Penal Laws // Eighteenth-Century Ireland. 1986. Vol. I. P. 23-36.

ской знати контролировать почти пятую часть земельных владений острова. В основном это были территории Пейла и провинции на западе Ирландии. Некоторые семьи тесно сотрудничали с адвокатами, специализирующимися на конверсии собственности, такими как Эдмунд Берк, которые умело находили возможности для удержания земли в рамках нового законодательства.

Так, поместья в Южном Карлоу, принадлежащие семье Каванов, фактически оставались в распоряжении прежних владельцев. Так как многочисленные имения оставались в руках католиков, английские поселенцы не мигрировали в данную местность. В 1660 г. Боррис был единственным городом в Южном Лейнстере, где не было новых англичан[1]. Еще более поразительно, что главные арендаторы поместий оставались католиками и принадлежали к роду Каванов. В 1747 г. представители гэльского клана арендовали почти четверть поместий региона по низкой стоимости для последующей сдачи земли местным католикам. Так же как влиятельная семья Ормондов в Килкенни и Типперери, они выступали в качестве патронов для многочисленных родственников и клиентов[2]. Обширные владения древнего англо-ирландского аристократического рода Батлеров арендовали преимущественно католики[3]. Представителям старой знати удалось сохранить власть над землями в графстве Дублин и Южном Уэксфорде[4].

Изменения в системе наследования и владения землей способствовали передаче власти от землевладельца к посред-

---

[1] A ‘Census’ of Ireland circa 1659 with essential materials from the Poll Money Ordinances, 1660–1661. Irish Manuscripts Commission / Ed. by Séamus Pender. Dublin: Stationary office, 1939. P. 358.

[2] Whelan K. The Catholic Church in County Tipperary 1700–1900 // Tipperary. History and society / Ed. by W. Nolan. Dublin, 1985. P. 215-255.

[3] Power T. Land, politics and society in eighteenth-century Tipperary. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 149.

[4] Smyth W. Exploring the social and cultural topographies of sixteenth and seventeenth-century County Dublin // Dublin city and county. From prehistory to present / Eds. by F. Aalen and K. Whelan. Dublin, 1992. P. 173.

нику[1]. Несмотря на внешние изменения в системе благоустройства поместий, деятельность посредников обеспечивала социальный и культурный консерватизм. Это отражалось в сохранении фермерских деревень и воспроизведении католических традиций. Местное население воспринимало главных арендаторов истинными лордами с более благородными корнями, чем у протестантских джентри, живущих среди них. В 1658 г. поступали частые жалобы на прежних собственников, живущих в своих владениях и получавших пожертвования от бывших последователей. Это отражало безоговорочное принятие среди народа древней ирландской знати, лишенной политической власти вследствие колонизации.

Преданность и уважение местного населения смягчало политический упадок и позволяло этим семьям сохранять традиционный статус и руководящую роль в обществе. Архиепископ Кинг описывал ирландских католиков из дворянской среды как джентльменов, пользующихся прежними титулами, и оказывающих высокое влияние на население. Местные фермеры относились к этим посредникам как к землевладельцам, оказывая положенные почести, хотя поместья им больше не принадлежали. Прежние собственники вели образ жизни джентльменов и для них было бы большим унижением «посвятить себя какому бы то ни было ремеслу, торговле или промышленной индустрии»[2].

В 1738 г. ирландский автор Сэмуел Мадден заметил, что ирландская нация — единственная в христианском мире, склонная следовать за своими великими лордами[3]. В культур-

---

[1] Whelan K. The Catholic community in eighteenth-century Country Wexford // Endurance and emergence / Eds. by P. Power and K. Whelan. Blackrock: Irish Academic Press, 1990. P. 137-144.

[2] King W. The State of the Protestants of Ireland. L.: Printed for Robert Clavell, 1691. P. 32. — https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A47446.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext (апрель, 2024).

[3] Madden S. Reflections and resolutions proper to the gentlemen of Ireland. Dublin, 1738. P. 104. — https://archive.org/details/bim__eighteenth-century_reflections-and-resoluti_madden-samuel_1738 (апрель, 2024).

ном отношении семьи посредников задавали тон всему обществу, являясь вершиной уцелевшей социальной структуры. Особенно в отдаленных районах или в поместьях, где отсутствовали английские землевладельцы, ирландская знать сохраняла культурный контроль над своими общинами. Ярким примером таких территорий является пограничный район между графствами Керри и Корк. В своих письмах Ричард Хеджес, прибывший в Макрум в начале XVIII в., описывает город, полностью населенный ирландцами, и обращает внимание правительства на отсутствие протестантов. Следствием этого было большое влияние старых семей, нарушающих общественный порядок в графстве Керри и некоторых частях соседнего Корка. По свидетельствам переселенца, некоторые главы ирландских кланов вели незаконную деятельность - скупали оружие и укрывали католических священников, вопреки недавно провозглашенным законам.

Даже в стесненных обстоятельствах древние аристократические семьи гордились своим происхождением и испытывали недовольство по отношению к новым собственникам[1]. В «Улучшении Ирландии» Николас Планкетт предлагал установить четкое различие между дворянством по крови и обогатившимися собственниками, а также призывал новых джентри оказывать почтение обедневшей аристократии, поскольку они заслужили это своим благородным происхождением[2].

Воспоминания о благородных предках и последствиях кромвелевского завоевания оставили яркий след в коллективной памяти ирландских католиков. Рассказы о гонениях и грабежах, которые претерпевали семьи католиков из Уэксфорда, передавались из поколения в поколение. Отцы показывали свои сыновьям земли, принадлежавшие предкам, но теперь на-

[1] Dánta Aoḋagáin Uí Raṫaille. The poems of Egan O'Rahilly / Eds. by P. Dinneen and T. O'Donoghue L.: the Irish Texts Society by D. Nutt, 1911. P. 8. — https://archive.org/details/dntaaoaginuraail03orah/page/n7/mode/2up (апрель, 2024).

[2] Kelly P. The improvement of Ireland // Analecta Hibernica. 1992. N. 35. P. 83-84.

ходящиеся в руках последователей Кромвеля[1]. Мировоззрение семей, происходивших от старых собственников, было проникнуто презрением к новым землевладельцам — дворянству по завоеванию, а не по крови. В 1776 г. новообращенный в протестантскую веру Джордж О'Мэлли из графства Каван с гордостью отмечал, что является прямым потомком древней семьи О'Мэлли из Голуэя, представители которой в течение многих веков являлись суверенными правителями большой плодородной территории, до настоящего времени носящей их имя. Затем он противопоставляет свою родословную «выскочкам Кромвеля», наводнившим страну[2].

Притязания потомков гэльской аристократии просуществовали вплоть до начала XIX в. В 1775 г. агент по недвижимости Джозеф Тейлор из Керри сообщал о людях, чьи семьи в прежние времена имели абсолютную власть и которые все еще желали управлять своими поместьями вопреки правам новых лордов[3]. Чарльз Валланси в 1778 г. был поражен тем, что клиентско-патронажные отношения внутри ирландского общества продолжали существовать[4]. Эти примеры также свидетельствуют о том, что в Ирландии более широкий сегмент общества стремился к получению статуса дворянства, чем в Англии или Франции. Вследствие введения Карательных законов и потрясений XVII в. ряды ирландского дворянства пополнили новые протестантские собственники, вытеснив прежних законных владельцев. Однако сохранение «подпольного» дворянства все более размывало социальные категории, столь очевидные в Англии или Франции. Нечеткие границы социальной структуры и споры о легитим-

[1] Byme M. Memoirs of Miles Byme. 2 vols. Dublin: Maunsel, 1907. Vol. I. P. 3. — https://archive.org/details/memoirsofmilesby01byrniala (апрель, 2024).

[2] O'Malley O. 'O'Malleys between 1651 and 1725' // Galway Archaeological and Historical Society. 1952. Vol. 25. P. 32-46.

[3] Lyne G. Kenmare, Bonane and Tuosist, 1770–1785 // Kerry Archaeological and Historical Society. 1979. Vol. 12. P. 47-48.

[4] Andrews J. Charles Vallancey and the map of Ireland // Proceedings of the Royal Irish Academy: Archaeology, Culture, History, Literature. 2006. Vol. 106C. P. 59.

ности обостряли волнения в ирландском обществе, особенно из-за нерешенности земельного вопроса.

Однако утрата земли в Ирландии не всегда сопровождалась снижением влияния в обществе, пронизанном древними узами подчинения и родства. Для местного населения казалось естественным, что вытесненное католическое дворянство сохраняло статус глав ирландских кланов. В 1747 г. пятнадцать джентльменов из Корка поддержали кандидатуру будущего католического епископа Клойна, опровергнув обвинение в неизвестности происхождения его семьи[1].

Католические джентри продолжали выполнять в своих графствах функции лордов и верховных правителей. Они покровительствовали католической церкви, выступали в качестве патронов для местных жителей и вели образ жизни, характерный для высшей прослойки[2]. В начале XVIII в. Сэмуел Молино отмечал, что старые лорды считают себя слишком знатными, чтобы позволить своим сыновьям заниматься торговлей или физическим трудом...»[3]. В 1755 г. лорд Кенмэр описывал главных арендаторов своих поместий как людей благородных, не занимающихся какой-либо деятельностью, кроме фермерства. Они взимали высокую ренту со своих арендаторов и проводили все свободное время в праздности. Сыновей они воспитывали не для какого-либо ремесла или службы, а лишь для благородных профессий — священника, врача, военного дела[4].

---

[1] Petition of fifteen gentlemen of County Cork, 3 June 1747. Dickson D. An economic history of the Cork region in the eighteenth century. Ph. D. Trinity College, Dublin, 1977. P. 144-145.

[2] Лагошина Н.А. Место и роль католических джентри в ирландском обществе XVIII века // Британские исследования. М.: Аквилон, 2020. Вып. VI. С. 86-96.

[3] Barry P. The Journeys of Samuel Molyneux in Ireland, 1708–1709 // Analecta Hibernica. 2015. N. 46. P. 1-83

[4] The Kenmare manuscripts / Ed. by E. Mac Lysaght. Dublin: Stationary office, 1942. P. 230. — https://www.irishmanuscripts.ie/digital/The%20Kenmare%20Manuscripts/The%20Kenmare%20Manuscripts.pdf (апрель, 2024).

Агент по недвижимости Джозеф Тейлор замечал в 1773 г., что католические посредники пренебрегают ремеслом и обработкой земли из-за таких пороков как гордыня и стремление к праздности[1]. Артур Янг был столь же критичен в своем знаменитом описании образа жизни посредников Манстера. По мнению английского автора, мелкие деревенские джентльмены привыкли жить не по статусу — они распивают красное вино за счет прибыли от ренты[2].

Такие семьи пользовались огромным социальным авторитетом, особенно в удаленных от Дублина районах, где сохранялась тенденция считать личные и территориальные притязания более законными, чем безличные государственные[3]. В 1697 г. главным арендатором поместий Генри Петти площадью 20000 акров, расположенных в Керри, был Джон Махони. Во втором десятилетии XVIII в. его власть значительно возросла: «за семь или восемь лет он смог сделать себя величайшим и грозным правителем графства. Когда кто-нибудь из его подчиненных проявлял непочтение, его арендаторы, которых было очень много — около четырех тысяч человек, все католики, ночью в большом количестве выходили на улицу с покрытыми лицами и вершили справедливость»[4].

В графствах, где отсутствовали землевладельцы, влияние значимых католических семей беспрепятственно возрастало. Уважение, которым пользовались такие семьи, давало им значительное влияние. Местные жители активно искали гэльских лордов, так как они могли обеспечить защиту и покровительство, заключали следки по аренде земельных участков, помогали

---

[1] [Sixth] Marquis of Lansdowne. Glanerought and the Petty-Fitzmaurices. L., NY.: Oxford university press, 1937. P. 75.

[2] Young A. Tour in Ireland. L.: G. Bell and Sons, 1780. Vol. 2. P. 13, 17-25.

[3] Лагошина Н.А. Место и роль католических джентри в ирландском обществе XVIII века // Британские исследования. М.: Аквилон, 2020. Вып. VI. С. 86-96.

[4] Hickson M. Selections from old Kerry records. L.: Printed by Watson & Hazell, 1874. P. 158. — https://archive.org/details/_selections fromol00hick/page/n329/mode/2up (апрель, 2024).

с поиском работы. Их привлекали для разрешения споров и урегулирования конфликтов среди местных жителей в периоды обострения социальной или экономической обстановки в стране. Католические джентри, будучи агентами по недвижимости, нередко выступали в роли судей. Посредникам вверялись все обязанности лендлордов, в том числе право рассматривать мелкие иски в манориальном суде. Те же функции являлись прерогативой короля на западе Ирландии. Король или верховный правитель регулировал правовые обычаи внутри графства, решал споры и представлял местное общество во внешнем мире. Он являлся представителем древнего аристократического рода, как Эдвард Джойс в Голуэе или Эдвард О'Мэлли в Клэр.

Важную роль семьи посредников играли и в поддержке католической церкви. Они обеспечивали высшее духовенство, финансировали места для часовен, а также поддерживали систему образования[1]. Сопутствующим было погружение в народную культуру, которое сохранялось до последней четверти XVIII в. Оно выражалось в покровительстве музыке и поэзии, обильном гостеприимстве, поддержке охоты, верховой езды, метания и петушиных боев. Семьи ирландских джентри сознательно вели архаичный образ жизни, присущий их благородным предкам[2].

Гэльские источники и воспоминания современников свидетельствуют о традиции гостеприимства, неизменном признаке благородного происхождения ирландских джентри, сохранившейся до конца XVIII в. В 1732 г. Мэри-Делани посетила соломенную хижину в графстве Голуэй, принадлежавшую «джентльмену с доходом в полторы тысячи фунтов в год». Она была поражена бедностью дома, но его владелец «держал повара и угощал своих гостей двадцатью блюдами из мяса! Жители этой страны, по-видимому, не заботятся о том, чтобы иметь хорошее жилье или больше мебели, чем это необходимо,

[1] Лагошина Н.А. Место и роль католических джентри в ирландском обществе XVIII века // Британские исследования. М.: Аквилон, 2020. Вып. VI. С. 86-96.

[2] Там же.

они компенсируют это обилием еды и напитков»[1]. Описание гостеприимства ирландских джентри ярко освещено в мемуарах посредника из Голуэя Джона Блейка. «Большой дом» семейства О'Флаэрти представлял собой длинную, крытую соломой хижину, вмещающую обеденные и гостевые комнаты. На обеде, описанном Блейком, присутствовало не менее двадцати человек, включая двух священников, членов клана и родственников. «Изобилие гостеприимного стола», «приятная мелодия волынки», «вино и крепкие спиртные напитки» составляли неотъемлемые атрибуты церемонии обеда[2].

Свидетельства о жизни посредников семьи Каванов в Южном Карлоу в 1788 г. также демонстрируют традиционную практику угощения и увеселения гостей: «Гостеприимные столы обитателей дома обставлены с предельным изобилием и элегантностью. Их главная радость состоит в том, чтобы развлекать своих гостей. Как только какая-либо компания приходит в их дом, известие отправляется большинству родственников, которые присоединяются к празднеству, принося с собой угощения. После нескольких дней развлечения вас приглашают к другим джентльменам, пока вы не посетите всех знакомых. День расставания — единственный повод для печали»[3].

Католические джентри были заинтересованы в сохранении памяти о своем благородной происхождении. Якобитская традиция повлияла на установление тесных связях между католической Ирландией и континентом, не в последнюю очередь благодаря призыву на военную службу. Деятельность профессиональных специалистов по генеалогии, таких как О'Горман, была необходима тем католикам, которые хотели продолжить успешную карьеру в континентальных армиях, что требовало доказательства благородного происхождения, необходимого

[1] Letters from Georgian Ireland. The correspondence of Mary Delany 1731–1768 / Ed. by A. Day. Belfast, 1991. P. 124.

[2] Blake H. Letters from the Irish highlands. L.: J. Murray, 1825. P. 14-15.

[3] Luckombe P. The compleat Irish traveller L.: Printed for the proprietors and sold by the booksellers, 1788. Vol. 1. P. 78-79.

условия для приема в высшие слои европейских обществ[1]. В ответ на поиск свидетельств, подтверждающих дворянское происхождение, появляются предложения по созданию родословных. Ирландские католические семьи, утратившие родовые земельные владения, рассчитывали на офицерскую службу за границей, чтобы поддержать свой дворянский статус, поэтому генеалогия сохраняла центральную роль в их жизни. Французский дипломат де Монбре во время посещения Ирландии с удивлением обнаружил, что даже известные семьи, состоящие на службе во французской армии, такие как Диллоны и Лалли, являлись фермерами-арендаторами поместий Ричарда Кирвана в Голуэе.

Социальное давление на католических джентри было велико, вековые традиции обязывали их проявлять великодушие и гостеприимство, что требовало немалых расходов. В результате расточительного образа жизни, содержания в своих домах многочисленных родственников и клиентов некоторые аристократические семьи стремительно разорялись и отправляли сыновей на службу в европейские армии. Для погашения долгов им приходилось закладывать имущество и продавать в аренду земли. Другим удалось адаптироваться к новым экономическим условиям. Изменение образа жизни отразилось на их мировоззрении. К началу XIX в. католические джентри-посредники укрепили свои интересы в экономической и политической жизни Ирландии, трансформировавшись в крупных фермеров. Они придерживались убеждений, что их притязания на владение землей превосходят права новых протестантских собственников, и ирландское общество подпитывало эти прерогативы.

Менталитет католических джентри отражает переходную эпоху в истории Ирландии, когда разрушались традиционные отношения власти и собственности, а новые только зарождались. Как фактические лидеры католического общества, по крайней мере, в сельской местности, где феодальные отноше-

[1] M'Gauran E. The memoirs of Major Edward M'Gauran, grandson of colonel Bryan M'Gauran, Baron M'Gauran of Tulaha in the county of Cavan. 2 vols. L., 1786. Vol. I. P. 133-134.

ния и патронажные связи сохранялись даже после исчезновения старой земельной власти, такие семьи играли ключевую роль в формировании политической и народной культуры. Привязанность местного населения возрастала благодаря глубокому погружению этих семей в народную культуру крестьянских общин, главным образом в качестве покровителей. После отстранения от власти дворянства и усиления гонений на католическую церковь джентри взяли на себя обязанности по управлению обществом, системой землепользования и хозяйственной деятельностью, а также поддерживали местное духовенство и систему образования.

Ирландские джентри выступали в роли посредников в разных сферах — политической, культурной, социальной и экономической. В культурном отношении они легко приспосабливались к меняющимся условиям, регулировали отношения внутри местных общин, но также активно взаимодействовали с внешним миром, разделяя традиционные ценности и современный образ мышления. У многих ирландских джентри были связи с торговцами и адвокатами как в Англии, так и в континентальной Европе. Такие семьи были центром, вокруг которого вращалось католическое общество, прочной основой зарождающейся католической нации конца XVIII – начала XIX вв.

Таким образом, хотя ирландские джентри-фермеры представляют собой новую социальную прослойку, они унаследовали власть старой родовой аристократии, исчезнувшей с политической арены в XVII в., и стали хранителями католической культуры гэльской Ирландии. Ирландские джентри воспринимали себя будущими собственниками, которые вернут наследство, несправедливо отнятое у их благородных предков, и заложили основу будущему движению по эмансипации ирландских католиков.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Bateman J. A just and true relation of J. Bateman's concerns under the Right Hon. Richard, Earl of Burlington ever since the year 1713. Dublin, 1734.

Blake H. Letters from the Irish highlands. L.: J. Murray, 1825. 359 p.

Byme M. Memoirs of Miles Byme. 2 vols. Dublin: Maunsel, 1907. Vol. I. 354 p. — https://archive.org/details/memoirsofmilesby01byrniala (апрель, 2024).

A 'Census' of Ireland circa 1659 with essential materials from the Poll Money Ordinances, 1660–1661. Irish Manuscripts Commission / Ed. by Séamus Pender. Dublin: Stationary office, 1939. 946 p.

Dánta Aoḋagáin Uí Raṫaille. The poems of Egan O'Rahilly / Eds. by P. Dinneen and T. O'Donoghue L.: the Irish Texts Society by D. Nutt, 1911. 436 p. — https://archive.org/details/dntaaoaginuraail03orah/page/n7/mode/2up (апрель, 2024).

The Kenmare manuscripts / Ed. by E. Mac Lysaght. Dublin: Stationary office, 1942. 544 p. — https://www.irishmanuscripts.ie/digital/The%20Kenmare%20Manuscripts/The%20Kenmare%20Manuscripts.pdf (апрель, 2024).

Hickson M. Selections from old Kerry records. L.: Printed by Watson and Hazell, 1874. 692 p. — https://archive.org/details/ selections fromol00hick/page/n329/mode/2up (апрель, 2024).

King W. The State of the Protestants of Ireland. L.: Printed for Robert Clavell, 1691. 408 p. — https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A47446.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext (апрель, 2024).

Luckombe P. The compleat Irish traveller L.: Printed for the proprietors and sold by the booksellers, 1788. Vol. 1. 189 p.

Letters from Georgian Ireland. The correspondence of Mary Delany 1731–1768 / Ed. by A. Day. Belfast, 1991. 303 p.

Madden S. Reflections and resolutions proper to the gentlemen of Ireland. Dublin, 1738. 255 p. — https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_reflections-and-resoluti_madden-samuel_1738 (апрель, 2024).

[Sixth] Marquis of Lansdowne. Glanerought and the Petty-Fitzmaurices. L., NY.: Oxford university press, 1937. 226 p.

M'Gauran E. The memoirs of Major Edward M'Gauran, grandson of colonel Bryan M'Gauran, Baron M'Gauran of Tulaha in the county of Cavan. 2 vols. L., 1786. Vol. I. 248 p.

Young A. Tour in Ireland. L.: G. Bell and Sons, 1780. Vol. 2. 442 p.

Исследования / Scientific research

Лагошина Н.А. Адаптация ирландских мигрантов в Лондоне в конце XVII – начале XIX веков. Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук: 5.6.2. Ростов-на-Дону, 2022. 229 с. — Lagoshina N.A. Adaptatsiya irlandskikh migrantov v Londone v kontse XVII – nachale XIX vekov. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk: 5.6.2. Rostov-na-Donu, 2022. 229 s.

Лагошина Н.А. Место и роль католических джентри в ирландском обществе XVIII века // Британские исследования. М.: Аквилон, 2020. Вып. VI. С. 86-96. — Lagoshina N.A. Mesto i rol' katolicheskikh dzhentri v irlandskom obshchestve XVIII veka // Britanskie issledovaniya. M.: Akvilon, 2020. Vyp. VI. S. 86-96.

Andrews J.H. Charles Vallancey and the map of Ireland // Proceedings of the Royal Irish Academy: Archaeology, Culture, History, Literature. 2006. Vol. 106C. P. 125-217.

Andrews J.H. Plantation Acres: An Historical Study of the Irish Land Surveyor. Belfast: The Ulster Historical Foundation, 1985. 462 p.

A letter to the free electors of the county of Londonderry. 9 Sept. 1775 // Aspects of Irish social history 1750–1800 / Eds. by W. Crawford and B. Trainor. Belfast, 1969. 199 p.

Barry P. The Journeys of Samuel Molyneux in Ireland, 1708–1709 // Analecta Hibernica. 2015. N. 46. P. 1-83.

Bartlett T. “A people made rather for copies than originals”: the Anglo-Irish 1760–1800 // International History Review. 1990. Vol. 12. P. 11-25.

Bartlett T. An end to moral economy: the Irish militia disturbances of 1793 // Past and Present. 1983. N. 99 P. 41-64.

Connolly S. Religion, law and power: The making of Protestant Ireland 1660–1760. Oxford: Oxford University Press, 1992. 346 p.

Cullen L. Catholic social classes under the penal laws // Endurance and Emergence: Catholics in Ireland in the eighteenth century / Eds. by T. Power and K. Whelan. Dublin, 1990. P. 57-84.

Cullen L. Catholics under the Penal Laws // Eighteenth-Century Ireland. 1986. Vol. I. P. 23-36.

Cullen L. The emergence of modem Ireland 1600–1900. L.: Batsford Academic, 1981. 292 p.

Kelly P. The improvement of Ireland // Analecta Hibernica. 1992. N. 35. P. 47-84.

Lyne G. Kenmare, Bonane and Tuosist, 1770–1785 // Kerry Archaeological and Historical Society. 1979. Vol. 12. P. 19-62.

O'Malley O. 'O'Malleys between 1651 and 1725' // Galway Archaeological and Historical Society. 1952. Vol. 25. P. 32-46.

Petition of fifteen gentlemen of County Cork, 3 June 1747. Dickson D. An economic history of the Cork region in the eighteenth century. Ph.D. Trinity College, Dublin, 1977. P. 144-145.

Power T.P. Land, Politics, and Society in Eighteenth-Century Tipperary. Oxford: Clarendon Press, 1993. 376 p.

Smyth W. Exploring the social and cultural topographies of sixteenth and seventeenth-century County Dublin // Dublin city and county. From prehistory to present / Eds. by F. Aalen and K. Whelan. Dublin, 1992. 450 p.

Whelan K. The Catholic Church in County Tipperary 1700-1900 // Tipperary. History and society / Ed. by W. Nolan. Dublin, 1985. P. 215-255.

Whelan K. The Catholic community in eighteenth-century Country Wexford // Endurance and emergence / Eds. by P. Power and K. Whelan. Blackrock: Irish Academic Press, 1990. P. 137-144.

А.В. Мирошников
(Воронеж)

ПАЛИТРА ИРЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА КОНЦА XVIII ВЕКА

В последние двадцать лет XVIII века ситуация в Ирландии была далека от стабильной. Влияние европейских идей, Американская революция, возникновение, пусть не столь обширной, но местной буржуазии, которая тяготилась «патронатом» Лондона, сохранение жёсткой политики Британии в отношении всего ирландского населения, продолжение религиозной вражды создавали крайне напряжённую социальную атмосферу.

Стремление обеспечить равенство прав без оглядки на религиозную принадлежность было не просто желанием восстановить справедливость, но скорее являлось отражением тех идеологических канонов, что принесла с собой эпоха великих буржуазных революций. Изменения в духовной сфере породили это убеждение и усилили противоречия в ирландском обществе.

Нет сомнений в том, что конец XVIII в. был ознаменован, прежде всего, экономической революцией в Англии и политической во Франции — прологами новой эпохи в истории цивилизации, как очевидно и то, что в Ирландии проходила «революция в сознании». Автономизация парламента могла изменить традиционную политику Британии, стержнем которой было сохранение коренного населения в состоянии зависимости, безжалостное подавление недовольства и предотвра-

щение роста национальной элиты, способной стать лидером общества. «Со всеми его собственными социальными институтами, разрушенными или незаконно уцелевшими, и с отсутствием доступа к альтернативам, местное население колонии было маргинализированным»[1]. Поэтому изменение мировоззрения было в то время важнее, чем политические лозунги. К тому же желаемая политическая полунезависимость еще не гарантировала единства всех ирландцев, и если в других странах Европы, как отмечает Р. Комерфорд, язык был силой, помогавшей формированию современных наций, то в Ирландии расслоение населения в сфере землевладения и одновременно религии сдерживало аналогичные процессы[2]. Эйфористическое употребление современниками термина «Конституционная революция», когда в стране был восстановлен собственный парламент, Дойл, объективно снижалось как сохранением весомых полномочий британских законодательных и исполнительных властей в Ирландии, так и тем, что выгода 1782 г. касалась прежде всего лендлордов, надеявшихся, что английские силы сохранят порабощённое положение католиков[3]. Неудача демократизации нового парламента демонстрировала корыстные интересы протестантских верхов.

Формирование новой идеологии, изменение мировоззрения определенной части ирландского общества было связано с деятельностью национальной организации «Объединённые ирландцы» и непосредственным влиянием Французской революции. Совершенно оправданно Ш. Кроунин пишет, что именно эта революция дала Ирландии ее первое республиканское движение[4], хотя идеология политического освобождения ранее была стимулирована североамериканскими событиями.

---

[1] O'Caollai M. Irish Nationality and the Language Movement // Irland. Gesellschaft und Kultur. III. Halle, 1982. P. 103.

[2] Perspectives on Irish Nationalism / Ed. by Th.E. Hachey, L.J. McCaffrey. Lexington, 1989. P. 21.

[3] Cronin S. Irish Nationalism. A History of its roots and ideology. Dublin, 1980. P. 17.

[4] Ibid. P. 1.

С лета 1789 г. новости из Франции стали преобладать в ирландских газетах, а общественное мнение все более проникалось симпатией к революционерам Парижа[1]. Демократические устремления националистов, восстановление идеи реформирования парламента были усилены революционными принципами. Закономерна в этом ряду публикация несколькими газетами страны известного памфлета Т. Пэйна «Права человека»[2].

Революционный дух нашел благодатную среду обитания в среде ольстерских пресвитериан, воспитанных в канонах Просвещения и веривших в равенство религий. Это влияние пресвитериан простиралось и на некоторых националистов внутри протестантской общины[3]. Идеи вигизма в их ирландской специфике усиливали тенденции самоуправления[4]. Риторика французской революции в Ольстере может быть понята лишь при анализе процесса политизации пресвитериан в течение предшествующего десятилетия. Между 1778 и 1785 гг. радикальная агитация превратила Ольстер в движущую силу ирландской политики, равно как и волонтёрская кампания за законодательную независимость и реформу парламента. Тогда только активность просвещенных и наиболее духовно свободных ольстерцев могла породить силу национализма[5]. Именно белфастские волонтёры, отойдя от структур старой милиции, тем самым демонстрировали свою независимость от государ-

---

[1] Elliott M. Partners in Revolution: The United Irishmen and France. New Haven, 1982. P. 92ff

[2] Beckett J.C. The Making of Modern Ireland 1603-1923. L., 1966. P. 246.

[3] Kelly J. Relations Between the Protestant Church of Ireland and the Presbyterian Church in Late Eighteenth Century Ireland // Éire-Ireland. 1988. Vol. XXIII. N. 3. P. 38-56.

[4] Kennedy D. The Irish Whig, Administrative Reform, and Responsible Government, 1782–1800 // Éire-Ireland. 1973. Vol. VIII. N. 4. P. 55-69.

[5] Curtin N. The United Irish Organisation in Ulster // The United Irishmen / Eds. by D. Dickson, D. Keogh, K. Whelan. Dublin, 1993. P. 112ff.

ственного механизма и стали связующим звеном с «Объединёнными ирландцами». Близкие к волонтерам общественные деятели Фр. Хатченсон, Дж. Арбакл и У. Брус, взращенные на идеях Гаррингтона и Шефтсбери, образовали направление «Новые светлые пресвитериане». Огромное значение для волонтёров имела вигская концепция «вооруженных граждан», морально узаконившая владение оружием[1].

Внутри парламентских радикалов симпатии к демократическим идеям также усиливались. Их аккумуляции во многом способствовало создание Граттаном в 1790 г. Вигского клуба, который по-прежнему добивался реформы законодательной власти и расширения электората. Вигская активность проявлялась в Ирландии и до создания Клуба и характеризовалась четкими стремлениями влиять на политику Британии в пределах острова[2]. Окрепнув и получив поддержку в более широких, чем палата общин, сферах, виги Граттана стали составлять весьма солидную социально-политическую силу Ирландии[3]. Казалось бы, активность ольстерцев и оживление в парламенте на фоне французских событий давали в целом неплохие шансы националистам, но обстановка в стране не была однозначной. Хотя волонтёры сохраняли революционный настрой, они могли опираться лишь на средние слои общества и влияния на аристократию не имели. Болезненно проходило соединение пресвитериан и католиков, даже не в силу укоренившегося их противостояния на всех уровнях, а скорее за счёт того, что католическое население не воспринимало революционный энтузиазм ольстерцев, поскольку римско-католическая церковь была настроена антиреволюционно. Высший клир, социально консервативный, верил в то, что просьбы будут наилучшим

[1] Stewart A.T.Q. A Deeper Silence: the hidden origins of the United Irishmen. Dublin, 1993; McBride I., Stewart A.T.Q. A Deeper Silence: the hidden origins of the United Irishmen. Dublin, 1993 // History Ireland. 1993. Vol. 1. N. 2. P. 59.

[2] Kennedy D. The Irish Whigs and Regency Crisis in Ireland, 1788-89 // Éire-Ireland. 1983. Vol. XVIII. N. 3. P. 69.

[3] Schweitzer D.R. The Prince of Wales, The Whigs, and Irish Politics, 1794-98 // Éire-Ireland. 1986. Vol. XXI. N. 3. P. 72-89.

способом сохранения безопасности конфессии от карательных акций правительства и гарантией от введения новых жёстких законов[1]. Церковь не одобряла насильственные методы борьбы и отшатывалась от всех секретных обществ задолго до появления «Объединённых ирландцев». Церковные иерархи выступали в союзе с властью против ирландского радикализма, а британское правительство поддерживало связи с католическими епископами в надежде, что они смогут должным образом повлиять на паству. И хотя некоторые священники, например, отец Мёрфи, склонялись к возможности использовать оружие для достижения независимости, церковь преимущественно проклинала восстания и насилие[2]. МакДоналд отмечал, что если Кьёу полагает, что силы, выступавшие против авторитета церкви, наносили удар и по обществу[3] то такое положение небесспорно. На первый взгляд, оно логично, но оставляет открытой проблему консерватизма церкви во время неизбежного взлета радикализма. В конце концов, политические новации французского Просвещения не исключали его взаимодействия с ирландской теологической мыслью в лице отдельных ее представителей. Возможность гибкого использования политических моделей просветительства в национальных интересах Ирландии проявлялась в действительности, как демонстрировал такой симбиоз преподобный Льюк Хук[4]. Протестантская иерархия хотя и тяготела по своим идейным канонам к Британии, испытывала влияние чисто патриотических мотиваций и была более свободной в сравнении с католичеством[5]. Среди

[1] Harris F.W. // Irish Literary Supplement. 2. 1983. P. 48.

[2] Keogh D. «The French Disease». The Catholic Church and Irish Radicalism, 1790–1800. Dublin, 1993.

[3] McDonald B., Keogh D. «The French Disease». The Catholic Church and Irish Radicalism, 1790-1800. Dublin, 1993 // History Ireland. 1993. Vol. 1. N. 4. P. 60; Miller D.W. // Irish Literary Supplement. 13. 1994. P. 26-27.

[4] O'Connor Th. An Irish Theologian in Enlightenment France: Luke Joseph Hooke, 1714–96. Dublin, 1994.

[5] James F.G. The Church of Ireland and the Patriot Movement in the Late Eighteenth Century // Éire-Ireland. 1982. Vol. XVII. N. 2. P. 53-55.

редких «изгоев католицизма», повлиявших на национальное революционное движение, выделялся преподобный О. Кэруан, написавший «Ирландский Катехизис»[1], проникнутый идеями радикализма. Экклезиастическое давление сдерживало католиков Ирландии, но в 1791 г. их политический Католический Комитет перешел под контроль демократов, и тогда же У. Питт Младший, опасаясь французского влияния и желая укрепить единство Англии и Ирландии, отменил большинство антикатолических законов.

Сложность ирландской действительности состояла в том, что сама по себе прогрессивная идея равенства католиков и протестантов, встав в центре внимания парламента, вызвала смену акцентов, что не могло устраивать ольстерцев, видевших задачу более объемно и не желавших пустой траты сил. Прибавив сюда и тех протестантов, которые просто не желали терять свою власть, получим серьезное антикатолическое движение «оранжистов»[2].

18 октября 1791 г. в Белфасте было основано первое общество «Объединённых ирландцев». Члены его не были проникнуты гэльскими традициями и старались рассматривать ирландцев как единую нацию. Весьма важные позиции в их программе занимал «экономический национализм». Поскольку среди белфастцев лидирующую роль играли промышленники и торговцы — МакКракен, Нилсон, Хейзлитт, МакИлвен, то их стремления сводились к формированию независимой экономики и свержению власти земельной аристократии[3].

Дублинские «Объединённые ирландцы», сплотившиеся вокруг радикального демократа Дж.Н. Тэнди и доктринального республиканца У. Дреннэна, с 1794 г. склонялись к идеям парламентской реформы, суть которой виделась в предоставлении всеобщего избирательного права для мужчин, создания равных электоральных округов, годичного парламента, ликвидации

---

[1] Doctor Kirwan's Irish Catechism / Ed. by W.J. Mahon. Cambridge (Mass), 1991.

[2] Beckett J.C. Op.cit. P. 253, 256.

[3] Cronin S. Irish Nationalism. P. 48, 62.

имущественного ценза для кандидатов в депутаты, установления жалования коммонерам[1].

Политическая смелость католиков тормозилась дилеммой. С одной стороны, вхождение их в революционный альянс с протестантами давал шанс на получение свободы, если бы, конечно, общая победа была бы достигнута. С другой, — в случае разгрома протестантских республиканцев католическая лояльность правительству могла также принести ощутимую для них пользу. Поэтому «Объединённые ирландцы» в 1794 г. оставались преимущественно протестантами, а католики проявляли прежнюю пассивность. Тем не менее их общественность горячо поддержала идею католической эмансипации, с 1795 г. ставшей одной из актуальных в работе парламента.

В 1790-х гг. дублинская политическая жизнь, оппозиционная режиму, стала складываться в развитую подпольную систему, имевшую задатки влияния на страну[2]. Тенденция расширения социальной базы движения набирала силу лишь после 1796 г., когда ирландские власти предприняли наступление на крестьянство, примкнувшее к «Объединённым ирландцам». Крестьянские массы испытывали на себе также и традиционное отношение со стороны других классов. Их протест, выраженный в насильственных действиях против лендлордов, нагнетал внутреннюю политическую и социальную атмосферу. Огромные массы католических земледельцев и рабочих, оцениваемых верхними классами обеих религий как «варвары», проявляли серьезную склонность к политическому сопротивлению[3]. Крестьянство потенциально было самой революционной силой, но его отпугивал республиканизм «Объединённых ирландцев». Те многочисленные секретные общества, что создавались крестьянами, как замечал У. Лекки, были монархиче-

[1] Ibid. P. 52.

[2] Smyth J. Dublin's Political Underground in the 1790s//Parliament, Politics and People / Ed. by G. O'Brien. Blackrock, 1989. P. 147-148.

[3] Kavanagh A. Lord Clare and His Historical Reputation // History Ireland. 1993. Vol. 1. N. 3. P. 22-23.

скими, и недаром члены их давали клятву верности Короне[1]. Средние же католические классы интересовались «Объединёнными ирландцами» не столько потому, что любили Французскую революцию, а потому что организация сулила им равные права. Эта надежда способствовала возникновению в Дублине католической секции движения[2].

В основе доктрины «Объединённых ирландцев» лежало несколько постулатов — концепция Г. Граттана о единой ирландской нации, тезис У. Молиньюкса о конституционной независимости ирландского парламента, идеи Локка о правах человека и общества. Их вдохновлял и опыт революционной Америки. В 1794–96 гг. социальный состав организации расширился[3].

«Объединённые ирландцы» имели в своем составе ряд видных идеологов и практиков. Одним из них был упомянутый выше У. Дреннэн, который еще в недрах движения волонтёров в начале 1780-х гг. первым разработал программу секретного радикального общества. Его перу принадлежит клятва «Объединённых ирландцев», он был президентом дублинского филиала организации в 1792–93 гг.[4]

Среди основателей Белфастского и Дублинского обществ находился Томас Расселл. Этот импульсивный и противоречивый в жизни человек был необычайно последователен в своем демократизме и приверженности к революции. Рассел был казнен в 1803 г. за участие в восстании. Его произведение «Китайские письма» стали одним из первых проявлений культурного национализма[5]. В работах Расселла заметен поворот от идей

---

[1] Lecky W.E.H. A History of Ireland in the Eighteenth Century. London, 1892. Vol. II. P. 28.

[2] Cronin S. Irish Nationalism. P. 52-53.

[3] Curtin N.J. The Transformation of the Society of United Irishmen Into a Mass-based Revolutionary Organisation, 1794–96 // Irish Hist. Studies. 1985. Vol. XXIV. P. 490-492.

[4] См.: The Trial of William Drennan / Ed. by J. Larkin. Dublin, 1991.

[5] См.: Russell Th. Journals and Memoirs of Thomas Russell, 1791–1795 / Ed. by C.J. Woods. Dublin, 1991.

высвобождения католической веры, что было свойственно, например Чарлзу О'Конору[1], к осознанию единой культурной общности ирландского народа. Обе эти линии не противоречили друг другу, а лишь отражали многообразные проблемы ирландского общества. Допустимой представляется социопсихологическая обстановка, требовавшая внимания к интеграции через культуру (Расселл), либо уравнения в правах (О'Конор). С точки зрения исторической перспективы первое направление было более многообещающим, но реальность диктовала важность и второй тенденции. Х.М. Туэнте справедливо замечает, что комментарии Вудза к работам Расселла не дают полной картины деятельности Расселла как участника культурного движения[2]. Между тем важна не просто роль Расселла, а сам бесспорный факт начала формирования культурного национализма в Ирландии XVIII в.

Кроме этих людей среди активистов общества следует отметить Дениса Дрисколла. Как и многих его коллеги, Дрисколла вдохновлял радикализм Локка и Пэйна, идеи Просвещения. Он поддерживал принципы Французской революции, часто переходя на рельсы фанатизма. «Во многом Денис Дрисколл был архитипичным членом якобинской интеллигенции 1790-х гг.»[3].

Несмотря на то, что эти националисты, а также МакКракен, Нилсон и другие были ключевыми фигурами в «Объединённых ирландцах», в исторической памяти деятельность общества в первую очередь ассоциируется с именем Тиобалда Уолфа Тоуна.

Т.У. Тоун начинал свою политическую деятельность в качестве вига-граттановца, но уже в 1790 г. в статье «Обзор последней сессии парламента» он желает расширения электората

[1] Letters of Charles O'Conor of Belanagare: A Catholic Voice in Eighteenth-Century Ireland / Ed. by R.E. Ward, J.F. Wrynn S.J, C.C. Ward. Washington, 1988. P. 93-94, 108.

[2] Thuente M.H. Ending the Neglect of Thomas Russell // Irish Literary Supplement. 12. 1993. P. 36.

[3] Durey M. Ireland and Jefferson's Republic: Denis Driscol in Ireland and in America, 1793-1810 // Éire-Ireland. 1990. Vol. XXV. N. 4. P. 75.

и самостоятельности парламента в иностранных делах. Протестант по вере, Тоун в то же время стремился опираться на союз всех средних классов, на крестьян, стопроцентно католических. В этом проявился его реализм как политика[1]. Мировоззрение Тоуна быстро радикализировалось — он поддержал идею революции как средство полного освобождения от Англии, выступал за республиканскую Ирландию, ориентировался на помощь со стороны врагов Британии, ратовал за отделение церкви от политической деятельности, чем подрывал протестантскую основу современного ему парламента[2].

Черпая революционное вдохновение из принципов свободы человека, Тоун простирал кардинальные требования до границ нации и государства. Подобно многим людям на континенте, он увидел в событиях лета 1789 г. в Париже знаменательное явление. Позже Тоун связывал «освещение общественного мнения в Ирландии» со «светилом правды и свободы во Франции»[3]. Вера в республиканскую Францию как освободителя Ирландии сочеталась у Тоуна с признанием основных идей революции конца XVIII в. «Французская революция стала испытанием политического кредо для каждого человека»[4].

В июне 1791 г. «Секретный манифест друзей свободы в Ирландии», составленный при непосредственном участии Тоуна, утвердил в качестве главной цели приоритет прав человека и шёл в русле требований Французской революции[5].

Старейшина ирландской историографии Р.Б. МакДауэлл оценивал Тоуна как «знающего памфлетиста», человека с радикальными взглядами и оригинальным мышлением. Он во-

---

[1] Cronin S. Irish Nationalism. P. 62.

[2] Elliott M. Wolfe Tone: Prophet Of Irish Independence. L., Boston, 1989; Curtin N.J. The Belfast Uniform: Theobald Wolfe Tone // Éire-Ireland. 1985. Vol. XX. N. 2. P. 40-69.

[3] Tone W. The Life of Theobald Wolfe Tone. Washington, 1826. Vol. II. P. 55.

[4] Ibid. Vol. I. P. 51.

[5] MacSiomoin T. Irish republicanism: roots and contemporary // Irland. Gesellschaft und Kultur. VI. Halle, 1989. P. 135-137.

площал в себе «время и дух Босуэлла и Руссо, мир, который славен выражением вашего собственного чувствования и эмоций». «Но мы не можем, в конце концов, я не могу, думать о нём как о выдающейся фигуре в интеллектуальной жизни Европы. По очевидным причинам он стал героем, одним из националистического пантеона...» Тоун был человеком действия; к несчастью для него, он действовал в небольшом пространстве и безуспешно»[1]. На «любительское», то есть в известной мере идеалистическое содержание мировоззрение Тоуна, сыгравшего с ним злую шутку по поводу планов освобождения Ирландии, указывает Лэффен[2].

Как бы ни разнились оценки глубины идей Тоуна, никто не отказывает ему в праве быть одним из родоначальников революционного течения в ирландском национализме[3]. Наделение Тоуна эпитетами «революционер, республиканец, демократ»[4] корреспондирует со многими его личными высказываниями[5] и практической деятельностью.

Говоря обобщенно, суть программы «Объединённых ирландцев» включала в себя установление независимости страны, всеобщего избирательного права для мужчин, отделения церкви от государства, создания представительного правления в виде годичного парламента. Предусматривалось создание равных избирательных округов, отмена имущественного ценза для кандидатов и оплата работы коммонерам. Фактически это был эгалитаризм XVIII в. Полагалось, что парламент защитит национальную промышленность, культуру и возьмет на себя функции образования народа, сделает нацию грамотной. В экономической деятельности предлагалась отмена десятины.

---

[1] McDowell R.B. Interview. McDowell at Eighty // History Ireland. 1993. Vol. 1. N. 4. P. 12.

[2] Laffan M. // Irish Literary Supplement. 3. 1984. P. 46.

[3] Cronin S. // Irish Literary Supplement. 3. 1984. P. 42-43; Woods C.J. Tone's grave at Bodenstown: Memorials and Commemorations, 1798-1913 // Irland. Gesellschaft und Kultur. VI. Halle, 1989. P. 138-139.

[4] Cronin S. Wolfe Tone. Dublin, 1963. P. 46.

[5] Tone Th.W. Autobiography. P. 180-183.

Эти положения нашли отражение в документе марта 1794 г.[1] Видно, что во многом план был отзвуком идей Дрисколла. Антиклерикализм «Объединённых ирландцев» сталкивал их с католическим клиром.

Проблема парламентаризма в практике «Объединённых ирландцев» трактуется справедливо как идеалистический радикализм, навеянный «революционной эпохой справедливости»[2].

Ш. Кроунин, как отмечалось выше, вычленяет социальный консерватизм этой организации[3]. Такое определение не совсем оправданно. Против его односторонности говорит многогранность компонентов политической идеологии «Объединённых ирландцев»[4]. Являясь частью политической и мировоззренческой культуры радикального европейского Просвещения, Войны за независимость и Французской революции[5], эта идеология включала в себя права человека, а среди них господствовали принципы свободы, суверенитета народа, естественные права и право нации на сопротивление угнетению, права женщины, включая политические, эмансипацию католиков, трактовавшуюся как «универсальную», охватывавшую все классы и нации; всеобщую человеческую общность; национализм и патриотизм; политическое и культурное единство ирландского народа. Необходимо согласиться с мнением Нэнси Кёртин о том, что республиканизм «Объединённых ирландцев» имел глубокие корни в «классическом гражданском национализме XVIII в.», шотландском просвещении и в индивидуалистических ориентирах Дж. Локка. Важно, что эволюция «Объединённых ирландцев» от реформизма к революционности каса-

---

[1] The United Irishmen plan of Parliamentary Reform // Irish Historical Documents, 1172-1922 / Ed. by E. Curtis, R.B. McDowell. L., 1943. P. 237-238.

[2] McDowell R.B. United Irish Plans of Parliamentary Reform, 1793 // Irish Hist. Studies. 1942. Vol. III. P. 56ff.

[3] Cronin S. Irish Nationalism. P. 3.

[4] Moody T.W. The political ideas of the United Irishmen // Ireland To-day. 1938. Vol. III. N. 1. P. 15-25.

[5] Metscher T. Between 1789 and 1798 // Irland. Gesellschaft und Kultur. V. Halle, 1987. P. 116.

лась не только идеологии, но и организации, стратегии и тактики[1]. Это мало похоже на консерватизм.

В первую фазу своего существования, в начале 1790-х гг., «Объединённые ирландцы» политизировали основные группы населения в той мере, которая ранее не наблюдалась. С 1795 г. их усилия были направлены на укрепление политической и военной организации, чему способствовали попытки Тоуна заручиться поддержкой в США[2]. В 1797 г. общество приобрело черты стабильного устройства[3].

Осложнение англо-французских отношений и неприкрытые симпатии к Франции в Ирландии[4], циркулирующая работа Тоуна и его коллег вынуждали метрополию сомневаться в лояльности колониального населения. В феврале 1796 г. в Ирландии был принят Акт о предотвращении бунта, по которому лорд-лейтенант мог единолично вводить чрезвычайное положение. В ответ «Объединённые ирландцы» приступили к реализации военной программы. Она предусматривала получение реальной помощи со стороны Франции, её союзников и проведение восстания в Ирландии. Тоуну удалось добиться поддержки от Директории, и эскадра адмирала Л. Гоша в составе 43 кораблей двинулась ему на помощь. В «Прокламации к ирландской нации» Гош писал об идеях равенства и братства, рожденных Французской революцией и утвержденных ныне Республикой. Франция не оставит ирландский народ, нацию, которая стонет под игом британского деспотизма. Все силы, в том числе и вооруженные, Республика предоставит Ирландии ради достижения благородной цели освобождения страны. Л. Гош призвал ирландцев к оружию и союзу с его солдатами[5].

.

---

[1] Curtin N.J. The United Irishmen: Popular Politics in Ulster and Dublin, 1791–1798. Oxford, 1994.

[2] Mark J.J.St. Wolfe Tone's Diplomacy in America: August-December 1795 // Éire-Ireland. 1972. Vol. VII. N. 4. P. 3-11.

[3] Irish Historical Documents. P. 238-242.

[4] Woods C.J. Ireland and the French Revolution // Éire-Ireland. 1973. Vol. VIII. N. 2. P. 34-36.

[5] Hoche and the Irish Invasion // The Irish Volunteer. 1914, 25 July.

Но усилия эскадры, равно как и аналогичные последующие попытки в 1798 г. закончились крахом[1]. «Объединённые ирландцы» стремились укрепиться при помощи союзников в других частях континента, например, в Голландии[2].

Запланированное на 23 мая восстание «Объединённых ирландцев» были ликвидировано превентивными ударами властей. Руководители организации были схвачены и казнены. В некоторых частях Ирландии летом и осенью 1798 г. отмечались отдельные попытки мятежа и его расширения. Одним из таких регионов стал Уэксфорд[3].

В подготовке восстания участвовали и активисты Войны за независимость США. Полковник американской армии, англичанин Э. Освалд, преисполненный идеями свободы и республиканизма, покинул Париж и бросился на помощь Ирландии. Он являл собой ту космополитическую генерацию, что ставила независимость и справедливость превыше всего и готова была сражаться за них[4].

Несмотря на то, что французское влияние прямо или косвенно проявилось в 1790-х гг., ни английские, ни ирландские республиканцы не инспирировались напрямую Францией, но накопленное ими впечатление от европейской активности сыграло роль усилителя[5]. Можно согласиться с М. Эллиотт, что внимание, которое уделяли Ирландии Франция и континент в 1797 г., было основано не на проирландских чувствах, а на антибританском политическом расчете[6].

---

[1] Beckett J.C. Op. cit. P. 262ff.; Kennedy W.B. The United Irishmen and the Great Naval Mutiny of 1797 // Éire-Ireland. 1990. Vol. XXV. N. 3. P. 7-10, 16-18.

[2] Homan G.D. Palmer vs. Brown: The Society of the United Irishmen in the Batavian Republic // Éire-Ireland. 1979. Vol. XIV. N. 4. P. 30-32.

[3] Gahan D. The Military Strategy of the Wexford United Irishmen in 1798 // History Ireland. 1993. Vol. 1. N. 4. P. 28-32.

[4] Mark J.J.St. The Oswald Mission to Ireland from America: 20 February to 8 June 1793 // Éire-Ireland. 1988. Vol. XXIII. N. 2. P. 25-27.

[5] Elliott M. Partners in Revolution. P. 139.

[6] Ibid. P. 140ff.

Внимание к восстанию было проявлено в исторической литературе. Довольно подробно его история дана Т. Пэкинхэмом[1]. Еще в XIX в. восстание оценивалось как первый шаг Ирландии к свободе[2]. Оно возвестило факт рождения ирландского национализма[3].

На этом фоне диссонансом звучат слова о том, что «мятежники из «Объединённых ирландцев» были более озабочены служебными обидами, чем политикой»[4].

Тоуну и его единомышленникам не удалось внедрить идеи республиканизма в широкие слои ирландского католичества, по меньшей мере в течение жизни двух поколений[5], но именно от «Объединённых ирландцев» республиканская традиция начала постепенно входить в ирландскую жизнь, превратившись в XIX в. в одну из определяющих доктрин националистов страны.

Поражение восстания неминуемо отзывалось во всех сферах англо-ирландских отношений и на ирландской жизни. Для Лондона лишний раз стало ясно, что законодательная самостоятельность Ирландии не гарантирует стабильности. Однако ликвидация автономии местного парламента представлялась Британии не простым делом. Если в начале XVIII в. националисты-протестанты склонны были видеть в союзе с Англией свое спасение, в том числе и от католиков, то в конце столетия они уже не желали расставаться с самоуправлением, носившим цвета их религии, как не хотели экономической и законодательной регуляции своей деятельности из Альбиона[6]. Но если радикалы и реформисты смотрели на «патриотический подвиг» 1782 г. трезво и скептически, то большая часть протестантского общества

---

[1] Pakenham Th. The Year of Liberty. L., 1969.

[2] Kavanagh P.F. A Popular History of the Insurrection of 1798. Cork, 1898.

[3] Furlong N. // History Ireland. 1993. Vol. 1. N. 3. P. 62.

[4] McDowell R.B. Ireland in the Age of Imperialism and Revolution, 1760–1801. Oxford, 1979. P. 494-495.

[5] Fenians and Fenianism / Ed. by M. Harmon. Seattle, 1970. P. 69.

[6] Curtin N. The Search for a «Final Ajustment» // Irish Literary Supplement. 12. 1993. P. 34.

любовалась этой победой с гордостью. В начале века протестанты хотели союза с католиками для решения своих конституционных и экономических обид от Британии, но после 1782 г. патриоты ревностно защищали трудную цену победы законодательной независимости. Политические катаклизмы не устраняли экономические противоречия в Ирландии[1]. Процессы местного характера, особенно в направлении локального противостояния, складывались в общенациональную картину[2].

Ирландское общество в течение всего XVIII в. продолжало дробиться на причудливые страты, и водоразделом оставались происхождение по крови, конфессиональная принадлежность, имущественное состояние, политические ориентиры[3].

Восстание «Объединённых ирландцев» навсегда осталось в памяти нации. Великий ирландский поэт Томас Мур опубликовал биографию одного из его руководителей[4]. Актуальность события для новых поколений подтверждало многократное издание «Истории ирландского восстания 1798 г.» У. Мэксвелла[5], снабженное иллюстрациями известного мастера Дж. Крукшэнка (в 1877 г. вышло 10-е издание, которое потом повторялось в 1880-х гг.). Торжественное празднование 100-летнего юбилея восстания соединило традиции прошлого с насущными задачами национального движения той поры[6].

---

[1] Power T. Land politics and society in eighteenth-century Tipperary. Oxford, 1993.

[2] Wheelan K., Power T. Land politics and society in eighteenth-century Tipperary. Oxford, 1993 // History Ireland. 1994. Vol. 2. N. 1. P. 56-57.

[3] Carpenter A. Eighteenth-Century Society // Irish Literary Supplement. 5. 1986. P. 4.

[4] Moore Th. The Life and Death of Lord Edward Fitzgerald. L., 1831. 2 vols.

[5] Maxwell W.H. History of the Irish Rebellion in 1798; with Memoirs of the Union, and Emmett's Insurrection in 1803. L., 1845.

[6] O'Keefe T. The 1898 Efforts to Celebrate the United Irishmen: The '98 Centennial // Éire-Ireland. 1988. Vol. XXIII. N. 2. P. 51-73; Idem. "Who Fears to Speak of '98": The Rhetoric and Rituals of the United Irishmen Centennial, 1898 // Éire-Ireland. 1992. Vol. XXVII. N. 3. P. 67-91.

В конце же XVIII в. поражение восстания усилило идеализацию «граттановского парламента» современниками, хотя эта «Конституционная революция» мало порывала с колониальным прошлым, а «ни один британский политик в 1780-х гг. не был удовлетворен законодательной независимостью»[1].

Было бы неверным полагать, будто идею Унии Англии и Ирландии породило восстание 1798 г. Политические мотивы, безусловно, сыграли свою роль, но задолго до мятежа мысль о модернизации отношений двух стран всецело завладела умом британского премьера Уильяма Питта Младшего. Являясь сторонником «свободной торговли», Питт предложил ирландцам создать систему фритреда в рамках империи, включив Ирландию в орбиту единой тарифной политики метрополии. Иными словами, ирландские коммонеры должны были открыть границы для проникновения британских товаров и ликвидировать те таможенные пошлины, что были установлены «граттановским парламентом» и способствовали росту национальной экономики. Общественное мнение, как и итоги голосования в палате общин ирландского парламента, показали, что проект Питта не устраивает страну. Премьер скоро потерял всякий интерес к механизму реализации своего плана и все более склонялся к идее установления союза Ирландии и Англии, дававшему гарантии политической стабильности и открытости в экономике. Восстание 1798 г. окончательно ускорило решимость в этом направлении. Спокойствие Британии давали бы ирландские депутаты, заседавшие среди своих английских и шотландских коллег в Вестминстере.

Вряд ли всерьёз можно говорить о том, что причиной ликвидации ирландского парламента была его нелояльность к Англии, напротив, иногда он был удивительно лоялен. Но, во-первых, законодательный орган Ирландии характеризовался высокой коррумпированностью, даже по меркам тогдашнего Вестминстера, а во-вторых, что было сильнее и ужаснее, — он

[1] Kelly J. Prelude to Union: Anglo-Irish Politics in the 1780s // Studies in Irish History. 3rd ser. Cork, 1992. P. 238.

противостоял уступкам ирландским католикам[1], тем самым постоянно подогревал недовольство в стране и усиливал антибританские чувства.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Act of Union. Education Facsimiles. Nos. 41-60. n.p., n.d. 21 p.

Doctor Kirwan's Irish Catechism / Ed. by W.J. Mahon. Cambridge (Mass), 1991. 334 p.

Hoche and the Irish Invasion // The Irish Volunteer. 1914, 25 July.

Irish Historical Documents, 1172–1922 / Ed. by E. Curtis, R.B. McDowell. L., 1943. 331 p.

Letters of Charles O'Conor of Belanagare: A Catholic Voice in Eighteenth-Century Ireland / Ed. by R.E. Ward, J.F. Wrynn S.J, C.C. Ward. Washington, 1988. 537 p.

Russell Th. Journals and Memoirs of Thomas Russell, 1791–1795 / Ed. by C.J. Woods. Dublin, 1991. 199 p.

The Trial of William Drennan / Ed. by J. Larkin. Dublin, 1991. 139 p.

The United Irishmen plan of Parliamentary Reform // Irish Historical Documents, 1172–1922 / Ed. by E. Curtis, R.B. McDowell. L., 1943. P. 237-238.

Tone Th.W. Autobiography / Ed. by S. O'Faolain. Dublin, 1937. 243 p.

Tone W. The Life of Theobald Wolfe Tone. Washington, 1826. 2 vols.

Исследования / Scientific research

Beckett J.C. The Making of Modern Ireland 1603-1923. L., 1966. 496 p.

Carpenter A. Eighteenth-Century Society // Irish Literary Supplement. 5. Spring 1986. P. 4.

Cronin S. Irish Nationalism. A History of its roots and ideology. Dublin, 1980. IX, 391 p.

Cronin S. Wolfe Tone. Dublin, 1963. 178 p.

Cronin S. // Irish Literary Supplement. 3. 1984. P. 42-43.

Curtin N. The Search for a «Final Ajustment» // Irish Literary Supplement. 12. 1993. P. 34-35.

[1] Act of Union. Education Facsimiles. Nos. 41-60. n.p., n.d. Introduction.

Curtin N. The United Irish Organisation in Ulster // The United Irishmen / Eds. by D. Dickson, D. Keogh, K. Whelan. Dublin, 1993. P. 100-143.

Curtin N.J. The Belfast Uniform: Theobald Wolfe Tone // Éire-Ireland. 1985. Vol. XX. N. 2. P. 40-69.

Curtin N.J. The Transformation of the Society of United Irishmen Into a Mass-based Revolutionary Organisation, 1794-96 // Irish Hist. Studies. 1985.Vol. XXIV. P. 463-492.

Curtin N.J. The United Irishmen: Popular Politics in Ulster and Dublin, 1791–1798. Oxford, 1994. 194 p.

Durey M. Ireland and Jefferson's Republic: Denis Driscol in Ireland and in America, 1793–1810 // Éire-Ireland. 1990. Vol. XXV. N. 4. P. 56-76.

Elliott M. Partners in Revolution: The United Irishmen and France. New Haven, 1982. 193 p.

Elliott M. Wolfe Tone: Prophet Of Irish Independence. L., Boston, 1989. 488 p.

Fenians and Fenianism / Ed. by M. Harmon. Seattle, 1970. 101 p.

Furlong N. // History Ireland. 1993. Vol. 1. N. 3. P. 62.

Gahan D. The Military Strategy of the Wexford United Irishmen in 1798 // History Ireland. 1993. Vol. 1. N. 4. P. 28-32.

Harris F.W. // Irish Literary Supplement. 2. 1983. P. 48.

Homan G.D. Palmer vs. Brown: The Society of the United Irishmen in the Batavian Republic // Éire-Ireland. 1979. Vol. XIV. N. 4. P. 30-34.

James F.G. The Church of Ireland and the Patriot Movement in the Late Eighteenth Century // Éire-Ireland. 1982. Vol. XVII. N. 2. P. 46-55.

Kavanagh A. Lord Clare and His Historical Reputation // History Ireland. 1993. Vol. 1. N. 3. P. 22-26.

Kavanagh P.F. A Popular History of the Insurrection of 1798. Cork, 1898. XXVII. 259 p.

Kelly J. Prelude to Union: Anglo-Irish Politics in the 1780s // Studies in Irish History. 3rd ser. Cork, 1992. 276 p.

Kelly J. Relations Between the Protestant Church of Ireland and the Presbyterian Church in Late Eighteenth Century Ireland // Éire-Ireland. 1988. Vol. XXIII. N.3. P. 38-56.

Kennedy D. The Irish Whig, Administrative Reform, and Responsible Government, 1782–1800 // Éire-Ireland. 1973. Vol. VIII. N. 4. P. 55-69.

Kennedy D. The Irish Whigs and Regency Crisis in Ireland, 1788-89 // Éire-Ireland. 1983. Vol. XVIII. N. 3. P. 54-70.

Kennedy W.B. The United Irishmen and the Great Naval Mutiny of 1797 // Éire-Ireland. 1990. Vol. XXV. N. 3. P. 7-18.

Keogh D. "The French Disease". The Catholic Church and Irish Radicalism, 1790–1800. Dublin, 1993. 320 p.

Laffan M. // Irish Literary Supplement. 3. 1984. P. 46.

Lecky W.E.H. A History of Ireland in the Eighteenth Century. L., 1892. 5 vols.

MacSiomoin T. Irish republicanism: roots and contemporary // Irland. Gesellschaft und Kultur. VI. Halle, 1989. P. 124-137.

Mark J.J.St. The Oswald Mission to Ireland from America: 20 February to 8 June 1793 // Éire-Ireland. 1988. Vol. XXIII. N. 2. P. 25-38.

Mark J.J.St. Wolfe Tone's Diplomacy in America: August-December 1795 // Éire-Ireland. Vol. VII. Winter 1972. N. 4. P. 3-11.

Maxwell W.H. History of the Irish Rebellion in 1798; with Memoirs of the Union, and Emmett's Insurrection in 1803. With numerous handcoloured illustrations drawn and engraved by George Cruikshank. L., 1845. VII. 477 p.

McBride I., Stewart A.T.Q. A Deeper Silence: the hidden origins of the United Irishmen. Dublin, 1993 // History Ireland. 1993. Vol. 1. N. 2. P. 59-60.

McDonald B., Keogh D. "The French Disease". The Catholic Church and Irish Radicalism, 1790-1800. D., 1993 // History Ireland. 1993.Vol. 1. N. 4. P. 60.

McDowell R.B. Interview. McDowell at Eighty // History Ireland. 1993. Vol. 1. N. 4. P. 9-12.

McDowell R.B. Ireland in the Age of Imperialism and Revolution, 1760–1801. Oxford, 1979. 510 p.

McDowell R.B. United Irish Plans of Parliamentary Reform, 1793 // Irish Hist. Studies. 1942. Vol. III. P. 39-59.

Metscher Th. Between 1789 and 1798: The "Revolution in the form of thought" in Ireland // Irland. Gesellschaft und Kultur. VI. Halle, 1989. P. 113-123.

Miller D.W. // Irish Literary Supplement. 13. 1994. P. 26-27.

Moody T.W. The political ideas of the United Irishmen // Ireland To-day. 1938. Vol. III. N. 1. P. 15-25.

Moore Th. The Life and Death of Lord Edward Fitzgerald. L., 1831. 2 vols.

O'Caollai M. Irish Nationality and the Language Movement // Irland. Gesellschaft und Kultur. III. Halle, 1982. P. 101-114.

O'Connor Th. An Irish Theologian in Enlightenment France: Luke Joseph Hooke, 1714–96. Dublin, 1994. 240 p.

O'Keefe T. «Who Fears to Speak of '98»: The Rhetoric and Rituals of the United Irishmen Centennial, 1898 // Éire-Ireland. 1992. Vol. XXVII. N.3. P. 67-91.

O'Keefe T. The 1898 Efforts to Celebrate the United Irishmen: The '98 Centennial // Éire-Ireland. 1988. Vol. XXIII. N. 2. P. 51-73.

Pakenham Th. The Year of Liberty. L., 1969. 174 p.

Perspectives on Irish Nationalism / Ed. by Th.E. Hachey, L.J. McCaffrey. Lexington, 1989. 160 p.

Power T. Land Politics and Society in eighteenth-century Tipperary. Oxford, 1993. 317 p.

Schweitzer D.R. The Prince of Wales, The Whigs, and Irish Politics, 1794-98 // Éire-Ireland. 1986. Vol. XXI. N. 3. P. 72-89.

Smyth J. Dublin's Political Underground in the 1790s // Parliament, Politics and People: Essays in Eighteenth-Century Irish History / Ed. by G. O'Brien. Blackrock, 1989. P. 129-148.

Stewart A.T.Q. A Deeper Silence: the hidden origins of the United Irishmen. Dublin, 1993. 278 p.

Thuente M.H. Ending the Neglect of Thomas Russell // Irish Literary Supplement. 12. 1993. P. 35-36.

Wheelan K.; Power T. Land politics and society in eighteenth-century Tipperary. Oxford, 1993 // History Ireland. 1994. Vol. 2. N. 1. P. 56-57.

Woods C.J. Ireland and the French Revolution // Éire-Ireland. 1973. Vol. VIII. N. 2. P. 34-41.

Woods C.J. Tone's grave at Bodenstown: Memorials and Commemorations, 1798-1913 // Irland. Gesellschaft und Kultur. VI. Halle, 1989. P. 138-147.

И.Б. Шишкина
(Воронеж)

ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ АКТА ОБ УПРАВЛЕНИИ ИРЛАНДИЕЙ 1914 ГОДА (ТРЕТЬЕГО ГОМРУЛЯ)

Ирландия традиционно была неспокойным регионом, перманентно пытающимся освободиться от британского владычества, о чем свидетельствуют восстания 1798, 1803, 1867 годов. Однако в последней четверти XIX – начале XX века ситуация меняется. С одной стороны, происходит рефлексия над недостатками подобного подхода и причинами провала восстаний. С другой стороны, ирландское общество постепенно политизируется и адаптируется к британской политической системе, развивается политическая культура, которая заимствует многие идеи и практики из британской. Параллельно идет поиск разрешения «ирландского вопроса». И одно из решений, которое рассматривалось, это идея Home Rule, или домашнего правления (или правительства), изначально довольно аморфная, а впоследствии со временем оформившаяся в движение по достижению статуса доминиона легальными политическими средствами.

Примечательно, что идея гомруля изначально зародилась в протестантской среде. Именно протестанты видели гомруль средством, которое могло бы оптимизировать управление Ирландией, так как из Лондона «не было видно» местные проблемы, и принимаемые решения далеко не всегда учитывали специфику местных условий, что вызывало рост недовольства,

общественных брожений и национализма. Возможность взять власть в свои руки и проводить более сбалансированную политику во имя стабилизации ситуации и для разработки более разумного и полезного для Ирландии курса – вот чем изначально был гомруль для протестантов[1]. Тем не менее, довольно быстро они поняли, что с учетом уравнивания в правах и того, что они составляли уверенное меньшинство, власть им не удержать. После этого протестантский Север стал оплотом непримиримого юнионизма, выступая за сохранение связей с Соединенным Королевством и против проектов гомруля.

Однако идея была подхвачена, движение стало разрастаться и шириться, оформившись сначала в Ассоциацию Домашнего правительства, потом — в Лигу Гомруля, а позже — в Ирландскую Парламентскую Партию (ИПП). Именно благодаря усилиям последней уже в конце XIX века в Парламент было внесено два билля о гомруле — «Билль об управлении Ирландией 1886 года» и «Билль об управлении Ирландией 1893 года»[2]. Оба раза билли вносились либералами, а именно по инициативе Премьер-министра У. Гладстона. При этом если первый билль не прошел даже Палату Общин[3], то второй билль ее успешно миновал[4], но был отклонен более консервативной и экономически заинтересованной в сохранении британского господства над Ирландией Палатой Лордов[5].

В дальнейшем следует некоторое затишье, позволившее Ирландской Парламентской Партии накопить силы, совершенствуя и программу, и подходы к решению ирландского вопроса, и конкретное видение гомруля. После недлительного раско-

---

[1] Мирошников А.В. Три века Ирландии. В 3 книгах. Книга 2. 1845–1900 гг. Воронеж, 2014. С. 235-237.

[2] Jackson A. Home Rule: An Irish History. 1800–2000. Oxford, 2004. P. 42-46.

[3] Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 07 June 1886. Vol. 306. P. 1245.

[4] Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 01 September 1893. Vol 16. P. 1736-1839.

[5] Hansard's Parliamentary Debates. House of Lords Debates. 08 September 1893.Vol 17. P. 563-649.

ла, в начале XX века она вновь воссоединилась и стала основной политической силой Ирландии, несмотря на целую мозаику возникших националистических организаций.

Ко второму десятилетию XX века политический ландшафт Великобритании стал претерпевать значительные изменения, что создало уникальные условия для Ирландии. В результате выборов 1910 года сложилось относительное равновесие сил в Парламенте: ни Либеральная партия, ни Консервативная не смогли сформировать уверенного большинства. Тогда либералы были вынуждены заручиться поддержкой Ирландской Парламентской Партии, и, соответственно, пойти на определенные уступки. В этой поддержке они нуждались отчаянно, так как еще в 1909 году столкнулись с проблемой превосходства полномочий Палаты Лордов, настойчиво отклонявшей проекты бюджета, принятые Палатой Общин. Выход из патовой ситуации был очевиден и претворен в жизнь уже следующим составом Палаты Общин в форме «Акта о Парламенте 1911 года», который аннулировал право абсолютного вето Палаты Лордов, мешавшее и принятию гомруля. Это стало одной из предпосылок к возобновлению рассмотрения ирландского вопроса.

Третий Билль о Гомруле был внесён на рассмотрение 11 апреля 1912 года Премьер-министром от либералов Гербертом Асквитом при поддержке лидера ИПП Джона Редмонда[1]. Обсуждение его стало довольно доброжелательным[2]. Дебаты по поводу законопроекта были оживленными, однако прения завершились 16 апреля, когда О. Биррелл, Главный Секретарь Ирландии, выступил перед депутатами, констатировав, что никакие чрезвычайные меры уже не позволяют эффективно обеспечивать правопорядок в Ирландии.

В итоге билль поддержали представители Ирландской Парламентской Партии, а также либералы и лейбористы. Про-

[1] Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 11 April 1912. Vol. 36. P. 1399.

[2] Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 08 May 1912. Vol. 38. P. 419-87; Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 09 May 1912. Vol. 38. P. 593-712.

тив выступали группировки консерваторов и юнионистов, однако они не смогли помешать принятию билля. После одобрения Палатой Общин законопроект был направлен в Палату Лордов, которая его ожидаемо отклонила. Ситуация развивалась по прежнему сценарию.

Мы должны заметить, что параллельно с дальнейшим процессом принятия гомруля на севере Ирландии усилиями юнионистов будет развиваться «ольстерский кризис», который затянется на период 1912–14 годов[1]. При этом стоит отметить, что подготовка к нему началась еще с 1910 года, когда был сформировал секретный комитет для контроля над формированием военизированных сил в Ольстере на случай вооружённой борьбы против введения гомруля, а также начались переговоры о закупках оружия[2]. Кризис будет идти по двум линиям – выражение радикального протеста ольстерских юнионистов против гомруля, а также прагматичный поиск путей избежать «попадания под власть Дублина».

Ко второму направлению относятся довольно ранние предложения об исключении Ольстера из-под действия гомруля. Одно из первых прозвучит в комитете гомруля в июне 1912 года, когда будет предложено вывести Антрим, Арму, Даун или Лондондерри из-под действия будущего гомруля. В дальнейшем среди юнионистов будет идти дискуссия по вопросу границ «изъятий» — гомрулю должна подчиниться вся историческая провинция Ольстер в составе девяти графств, либо шести, либо четырех. Вопрос границ был связан с факторами экономической целесообразности и необходимости достижения внутри «изъятого» региона максимального протестантского доминирования. Кроме того, полное отделение тогда казалось нежелательным.

Относительно первой линии, будет приложено немало усилий к подписанию документа Ольстерской Торжественной

---

[1] Stewart A.T.Q. The Ulster crisis: resistance to Home Rule 1912–1914. L., 1979. 311 p.

[2] Walker G. A History of the Ulster Unionist Party: Protest, Pragmastism and Pessimism. Manchester, N.Y., 2004. P. 27-30.

Лиги и Ковенанта (Ulster's Solemn League and Covenant), которые будут выражать протест Ольстерцев и подчеркивать их стремление не допустить реализации гомруля, если он будет принят. Соответствующие документы будут подписаны более чем полумиллионом человек[1], мужчин и женщин, разных социальных слоев, что демонстрировано единство юнионистского Ольстера и разделение данных идей вне зависимости от социального статуса.

Также в начале 1913 года, был создан и реорганизован корпус Ольстерских Волонтёров — военное формирование, которое провозглашает своей целью недопущение реализации самоуправления на территории Ирландии[2]. Костяк Ольстерских Волонтёрских Сил составили бывшие офицеры британской армии, а число добровольцев изначально составило 90 000 человек, которые начали вооружаться, активно ища пути поставок оружия на север Ирландии.

Дискуссия вокруг судьбы Ольстера и нарастающая острота кризиса заставляли настороженно относиться к проекту гомруля. Тем не менее процесс был инициирован еще раз. Палата Общин приняла билль о гомруле в июле 1913 года, и он также был отклонен Палатой Лордов.

За этим последует новый виток Ольстерского кризиса — в сентябре выйдет прокламация Юнионистского Совета Ольстера о создании Временного правительства Ольстера, которое возьмет власть и возглавит сопротивление гомрулю, когда он будет принят[3]. Это уже была демонстрация готовности к неповиновению и противодействию, фактически, закону.

Также 27 сентября 1913 года прошел смотр белфастских подразделений Ольстерских Волонтёрских сил[4]. Считается, что

---

[1] About the Ulster Covenant // Nidirect. — https://www.nidirect.gov.uk/articles/about-ulster-covenant#toc-5 (май, 2024).

[2] Loughlin J. Ulster unionism and British national identity since 1885. L., 1995. P. 83.

[3] Ulster Provisional Government Proclamation, poster printed in blue, 755 x 500mm., Belfast, Old Town Hall, 24 September, 1913 // The National Archives. CO 904/27.

[4] Ulster Volunteer Forces. Belfast Division. Official Arrangements.

параде приняло участие около 12 000 человек, далеко не все волонтеры присоединились к нему, однако это был также весьма однозначный сигнал в Лондон[1]. Фактически Ольстер начинает все активнее использовать политику шантажа, перенося акцент с артикулирования своего несогласия на угрозу военного противостояния гомрулю.

Однако юнионисты чередуют негативные сигналы с в меру позитивными, в частности, примерно в то же время сэр Эдвард Карсон сообщил правительству королевства, что предлагаемый законопроект может быть принят, но только с условием преодоления трудностей определения границ Ольстера для этой цели[2].

Ольстерская оппозиция гомрулю окончательно стала серьёзным и даже угрожающим фактором, с которым приходилось считаться. На фоне этих процессов Дж. Редмонд от имени Ирландской Парламентской Партии пересматривает отношение к идее разделения страны. Он соглашается на выведение Ольстера из-под действия ирландского самоуправления на 6 лет в качестве компромиссного решения[3]. Это предложение не вполне удовлетворяло конфликтующие стороны, южных националистов — из-за их неприятия идеи разделения страны, юнионистов — из-за того, что разделение планировалось лишь как временная мера, по факту лишь оттягивающая неизбежное.

Националисты не могли равнодушно наблюдать за Ольстерским кризисом и вооружением Ольстера, они чувствовали в этом угрозу и были намерены от нее защититься, тем более, что Великобритания, сама не столь желающая гомруля и воспринимавшая его скорее как вынужденный компромисс либе-

---

Inspection by Sir Edward Carson, K.C., M.P. and the General Officer Commanding U.F.V. in the Agricultural Show Grounds, Balmoral, on Saturday, 27th September, 1913. At 4-4.45 p.m. Price one penny. (The poster) // RTÉ. Century Ireland. — https://www.rte.ie/centuryireland//images/uploads/further-reading/Ed11-InspectionDoc.pdf (май, 2024).

[1] The Belfast Telegraph. 1913, 27 Sept.

[2] Jackson A. Home Rule: An Irish History. 1800–2000. P. 144.

[3] O'Connor Lysaght D.R. The rhetoric of Redmondism 1914–16 // History Ireland. Spring, 2003. P. 46.

ралов с ИПП и всей страны с Ирландией, смотрела на нее сквозь пальцы.

1 ноября 1913 года один из лидеров националистов Оун МакНилл в газете «Меч Света» отозвался на действия юнионистов статьей «Север начал», где призвал дать ответ на создание североирландских военных сил формированием аналогичного южноирландского корпуса. В итоге в ноябре 1913 года на юге также образовалась военизированная организация Ирландские Волонтёры[1].

Что интересно, Манифест Ирландских Волонтёров концентрирует внимание не на военной угрозе, а на политических особенностях взаимоотношений с Великобританией. В нем отмечается, ирландцы имеют возможность влиять на политику Великобритании, но что это влияние не приоритетно по ирландским делам и крайне затруднено по многим причинам[2]. Подчёркивалось, что самоуправление способствовало бы концентрации внимания на интересах ирландской нации, не распыляясь на вникание в хитросплетения политического ландшафта метрополии и в её собственные политические проблемы и задачи. Очень жёстко противопоставляются варианты развития событий — либо Ирландия получает самоуправление, либо она деградирует и становится одной из самых отсталых наций в Европе[3]. Таким образом, Ольстерский кризис вызвал определенную реинкарнацию национализма «физической силы» и на Юге, хотя пока была уверенность в достижении гомруля, Джону Редмонду удавалось контролировать и сдерживать его развитие.

Однако в 1914 году мы видим, пожалуй, пик Ольстерского кризиса, которым стал «инцидент Каррага» (Curragh) или «мятеж в Карраге». В марте 1914 года правительство королевства,

---

[1] Formation of the Irish Volunteers, 1913. Announcement of meeting for formation of the organization // Irish Political Documents 1869–1916 / Ed. by A. Mitchell, P. Ó Snodaigh. Dublin, 1985. P. 147.

[2] Manifesto of the Irish Volunteers // The Irish Review. Dublin. Sep. – Nov. 1914. Vol. 4. N. 42. P. 281.

[3] Ibid. P. 281-282.

настороженное напряжением обстановки в Ольстере, отдало приказ расквартированным в Карраге войскам передислоцироваться на север для усиления местных сил правопорядка в свете скорого очередного рассмотрения билля о гомруле[1].

Однако вскоре приходит ответ о том, что многие офицеры заявили, что скорее предпочтут увольняться, чем подчиняться приказам подавлять выступления в Ольстере[2/3]. В письме было отмечено, что причиной такого поведения офицеров было неприятие гомруля[4]. При этом интересно, что в дальнейшем при обсуждении ситуации упоминается разрешение командования временно «исчезнуть» из расположения передислоцированной части офицерам из Ольстера, если они обещают не принимать участие в боевых действиях на стороне юнионистов[5]. Пример британских кавалерийских офицеров, числом около 60, показал, что внутри элитных частей существует симпатия к ольстерцам, равно как и то, что армия не выглядит надёжным институтом.

Интересно, что при обсуждении ситуации в Парламенте высказывались очень разные суждения, с одной стороны, что «в Ольстере не было… даже угрозы вспышки беспорядков»[6]. С другой стороны, был процитирован вывод делегации из Нот-

---

[1] War Office to Sir A. Paget. March 14th, 1914 // Army correspondence relating to recent events in the Irish command (In continuation of Cd.7318). Presented to Parliament by Command of his Majesty. L., 1914. P. 3-4.

[2] Sir A. Paget to the War Office, March 20th, 1914 [Received 7 p.m.] // Army correspondence relating to recent events in the Irish command. Presented to Parliament by Command of his Majesty. L., 1914. P. 3; Sir A. Paget to the War Office, March 20th, 1914 [Received 11.35 p.m.] // Ibid. P. 3.

[3] Copy of Letter from Brigadier-General H.P. Gough, C.B., to The Adjutant-General. 23rd March, 1914 // Army correspondence relating to recent events in the Irish command. Presented to Parliament by Command of his Majesty. P. 4.

[4] Ibid.

[5] Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 24 March 1914. Vol. 60. P. 72-139.

[6] Ibid.

тса и Дербишира, посетившей неспокойную провинцию и пообщавшейся с местным населением, что Ольстер настроен категорически против законопроекта и в случае его принятия может разразиться гражданская война[1]. В итоге было решено, что мятеж состоялся из-за недопонимания между командованием и офицерами. Однако это привело к бурным дискуссиям по вопросу этики и подчинения армии приказам.

В итоге, как современники, так и ирландские историки склонны оценивать эти события как определенную победу юнионистов и успех их шантажа правительства[2].

Продолжением опасной тенденции стал «инцидент в Ларне» 24-25 апреля 1914[3], когда в Ларн, Бангор и Донахади прибыла партия оружия из Германии, составлявшая порядка 20 000 ружей и 3 миллионов боеприпасов. Это была не единственная поставка, как и Германия была не единственным поставщиком. Часть грузов была перехвачена, часть все же добралась до назначения, вооружив Ольстерских Волонтеров и окончательно сделав их силой, с которой приходилось считаться. Параллельно готовился план «восстания» юнионистов с повреждением телефонных и телеграфных кабелей в Ларне, блокировкой железнодорожного полотна. Патрульные отряды Волонтёров должны были в решающий день обеспечить всю динамику восстания. Однако оно не состоялось. Предлогом стало то, что объём вооружений сочли недостаточным, но считается, что истиной причиной было то, что на самом деле все эти приготовления были лишь средством послать сигнал в Лондон, еще одним инструментом давления[4].

Отметим, что позже, на фоне Ирландской революции в Лондоне вышла книга Р. МакНилла[5]. Он, перечисляя воору-

---

[1]Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 24 March 1914. Vol. 60. P. 189-90.

[2] Ryan A.P. Mutiny at the Curragh. L., 1956. 221 p.; Fergusson S.J. The Curragh Incident. L., 1964. 236 p.

[3] The Belfast Evening Telegraph. 1914. 25 April.

[4] Lyons F.S.L. Ireland Since the Famine. L., 1973. P. 308-309.

[5] McNeill R. Ulster's stand for Union. L., 1922. 212 p.

жённые акты сопротивления гомрулю со стороны ольстерцев, на деле вносит свой вклад в идеологическое обоснование сохранения Ольстера в составе королевства. Набор тезисов при этом довольно традиционен — единство веры, особая этническая составляющая, не кельтская как на юге, и верность Короне. Но акты сопротивления в сумме с ними играют важную роль.

После удачной перевозки оружия в Ларн националисты были крайне обеспокоены ситуацией и посчитали иностранные военные поставки важными и для себя. Резюмировал позицию Юга по этому вопросу один из лидеров национального движения Патрик Пирз: «Я думаю, что оранжист с винтовкой гораздо менее смешная фигура, чем националист без винтовки»[1].

Численность Ирландских Волонтёров также довольно быстро росла, и уже к 1914 году достигала 80 000 человек. В то время как Ольстерские Волонтеры финансировались за счет щедрых пожертвований промышленников региона, финансирование Ирландских Волонтёров шло в основном из США, от Клан на Гэл, и частично из Англии, благодаря усилиям Роджера Кейзмента, бывшего дипломатического служащего внешнеполитического ведомства Великобритании. Снабжение оружием также шло из Германии, в частности крупной была поставка, прибывшая на корабле Асгард в бухту Хоут 26 июля 1914 года. Правоохранительные органы вмешались в ситуацию, но часть груза все же была получена[2]. Довольно часто отмечается, что Ольстерские Волонтеры получали больше вооружения, и власти смотрели на эти поставки сквозь пальцы.

К августу 1914 года, когда начался последний этап принятия гомруля, численность Ирландских Волонтёров достигла 180 000 человек[3]. Ещё в июле Дж. Редмонд, озабоченный стремительно набирающим силу движением национализма «физической силы», настоял на том, чтобы ввести во Временный

---

[1] Pearse P. Political Writings and Speeches. Dublin, 1966. P. 185.

[2] Foster R. F. Modern Ireland 1600–1972. 2nd ed. L., 1989. P. 469, 499.

[3] Foster R. F. Modern Ireland 1600–1972. P. 469.

Комитет своих представителей[1]. Это позволило ему контролировать позиции военизированной организации, что вносило некоторую стабильность в ситуацию и позволяло продолжать политическую борьбу в меньшей степени опасаясь открытого столкновения Юга и Севера.

В контексте Ольстерского кризиса примечательна позиция Великобритании по отношению к самому движению и действиям юнионистов. Во-первых, стоит отметить, что попытки сохранить контроль были весьма слабыми. В британском обществе и политических кругах к тому моменту довольно прочно укоренилось представление о том, что с юга Ирландии можно ожидать неприятных неожиданностей в любой момент, а Ольстер традиционно лоялен и не может нанести вред королевству.

Во-вторых, определенную роль играла негласная поддержка юнионистов Консервативной партией и сам факт использования ирландского вопроса в борьбе британских политических партий. Союз либералов с ирландскими националистами консерваторы преподносили как вынужденный, а Гомруль — как плату за него, что дало дополнительные аргументы юнионистскому движению для непризнания объективной необходимости ирландского самоуправления.

Таким образом, юнинистское движение стало источником недовольства гомрулем, которому позволяли до поры тлеть. Возможно, консерваторы в некоторой степени надеялись использовать ту полосу нестабильности, которая неизбежно возникла бы после принятия акта, в политических целях для последующей дискредитации Либеральной партии.

Стоит отметить, с точки зрения психологии британской политической элиты перенесение трафарета доминиона на Ирландию также было крайне болезненно. Ни Уэльс, ни Шотландия не высказывали тогда сепаратистских настроений, стало быть, некоего иммунитета к ним у англичан не было. Важным фактором стало неприятие католицизма широкими массами англичан. Кроме того, сама история ирландского национализма давала

[1] Lee J. J. Ireland 1912–1985. Politics and society. Cambridge, 1989. P. 20-22.

примеры ожесточённого сопротивления британцам, что не способствовало взаимной доброжелательности. Наконец, республиканские идеи ирландских националистов, не столь доминирующие, однако формирующиеся, стали явным попранием традиций и вызовом для британского общества. Но даже идея гомруля казалась многим чересчур смелой, на протяжении первого десятилетия XX века активно рассматривались более мягкие альтернативные варианты, однако они не получали одобрения и не могли объективно решить существующую проблему.

Однако, несмотря на недовольство со стороны Ольстера и определенных кругов Великобритании, с весны 1914 года начинается третий круг принятия гомруля Парламентом Великобритании. Согласно «Акту о Парламенте 1911 года», после третьего принятия законопроекта Палатой Общин он и без согласия верхней Палаты направлялся королю.

Начало Первой мировой войны не позволило затягивать этот вопрос дальше. Все силы Великобритании должны были быть брошены на борьбу с внешним врагом, не отвлекаясь на внутренние неурядицы, которых нельзя было бы избежать в случае откладывания решения, и 18 сентября 1914 года король подписывает «Акт об управлении Ирландией»[1]. Ирландская Парламентская Партия, возглавлявшая движение за гомруль, добивается реализации своего главного программного пункта.

В результате принятия акта о гомруле Ирландия получала статус доминиона с правом формирования своих органов власти. Органом законодательной власти становился Парламент Ирландии, состоящий из Палаты Общин Ирландии и Сената Ирландии, и возглавляемый британским монархом. Палат Общин состояла из 164 депутатов, избираемых по ранее существующему избирательному законодательству на пять лет. Сенат Ирландии насчитывал 40 членов, назначаемых Лордом-лейтенантом (в первый раз — в совете с Королем, в дальнейшем — через процедуру согласования с Исполнительным Коми-

[1] Geiser K. F. The Irish Convention // The American Political Science Review. 1918. N. 2. P. 292-296.

тетом Тайного Совета, состоящим из министров). Срок пребывания в Сенате составлял 8 лет, однако каждые 2 года состав Сената должен был обновляться на четверть для обеспечения преемственности и стабильности. Временной промежуток между сессиями Парламента не должен был превышать 12 месяцев, а в его юрисдикцию входили внутренние вопросы Ирландии. При этом четко оговоренный круг вопросов оставался в ведении Парламента Великобритании, отдельно также декларировалось превосходство его решений и законов над местными[1].

Монарх возглавлял исполнительную власть и на шестилетний срок назначал Лорда-лейтенанта своим представителем в Ирландии (сохраняя, однако, право досрочного отзыва). Лорд-лейтенант обладал полнотой власти монарха настолько, насколько последний сочтет нужным его наделить. Он имел право, в случае отсутствия отдельного закона на этот счет, назначать министров из членов Палаты Общин Ирландии (для не-членов пребывание в этой должности было ограничено сроком 6 месяцев). Министры возглавляли Департаменты Ирландии и входили в Исполнительный Комитет Тайного Совета, обладая совещательными функциями по отношению к Лорду-лейтенанту. Кроме того в компетенцию Лорда-лейтенанта входил созыв, назначение перерывов в сессиях и роспуск Парламента, а так же по соглашению с Королем он утверждал законы от имени Короля, мог отсрочить данную процедуру на согласованный с монархом период, либо отказать в утверждении[2].

Система судебной власти существенных изменений не претерпела. Палата Лордов Парламента Великобритании по-

[1] An Act to amend the provision for the Government of Ireland // The public general acts passed in the fourth and fifth years of the reign of his majesty king George the fifth; being the fourth session of the thirtieth parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. L., 1914. P. 406-408, 410-414.

[2] An Act to amend the provision for the Government of Ireland // The public general acts passed in the fourth and fifth years of the reign of his majesty king George the fifth; being the fourth session of the thirtieth parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland… Ibid. P. 408-410.

прежнему могла рассматривать обращения пэров Ирландии, однако прекращала рассмотрение всех прочих апелляций, которые отныне рассматривались Верховным Судом и Судебным Комитетом Тайного Совета[1].

Но к основным тезисам гомруля добавилось важное нововведение. Явная решимость Ольстера не допустить реализации закона, который будет принят, становится важным фактором, сеющим сомнение в осуществимости гомруля без решения проблемы оппозиции юнионистов. В итоге стороны сойдутся на компромиссном решении. Гомруль был принят с двумя оговорками — отложенное до конца войны вступление в силу, что ожидаемо с точки зрения реализации для реформы такого масштаба, и исключение из юрисдикции данного закона шести графств Ольстера. Несколько забегая вперед, отметим, что в мае 1916 пройдут повторные переговоры Ллойд Джорджа и Редмонда с лидером юнионистов Э.Карсоном, где речь вновь шла о шести графствах, которые, в конце концов, и остались в составе Соединённого Королевства. Однако обстоятельства вскоре изменятся, и сам акт потеряет своё первозданное содержание.

Таким образом, движение за гомруль, начавшееся в последней трети XIX века, в 1914 году добивается реализации своей цели. С одной стороны, этому активно противодействовали юнионисты Ольстера по нескольким линиям — идеологическое обоснование своего желания остаться в составе Соединенного Королевства, артикуляция своих позиций, формирование военизированной группировки и демонстрация готовности к вооруженному столкновению, и, наконец, компромисс в виде выведения шести графств Ольстера из-под действия Гомруля. С другой стороны, политические круги Великобритании, понимая актуальность ирландского вопроса, тем не менее долгое время не могли принять безальтернативность гомруля, идея приобретения частью королевства самостоятельности была

[1] An Act to amend the provision for the Government of Ireland // The public general acts passed in the fourth and fifth years of the reign of his majesty king George the fifth; being the fourth session of the thirtieth parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland… P. 423-428.

крайне болезненной, но ухудшение ситуации и угроза войны форсировали события.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

An Act to amend the provision for the Government of Ireland // The public general acts passed in the fourth and fifth years of the reign of his majesty king George the fifth; being the fourth session of the thirtieth parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. L., 1914. P. 406-451.

Copy of Letter from Brigadier-General H.P. Gough, C.B., to The Adjutant-General. 23rd March, 1914 // Army correspondence relating to recent events in the Irish command. Presented to Parliament by Command of his Majesty. P. 4.

Formation of the Irish Volunteers, 1913. Announcement of meeting for formation of the organization // Irish Political Documents 1869-1916 / Ed. by A. Mitchell, P. Ó Snodaigh. Dublin, 1985. P. 147.

Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 01 September 1893. Vol. 16. P. 1736-1839.

Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 07 June 1886. Vol. 306. P. 1245.

Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 08 May 1912. Vol. 38. P. 419-87; Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 09 May 1912. Vol. 38. P. 593-712.

Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 11 April 1912. Vol. 36. P. 1399.

Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 24 March 1914. Vol. 60. P. 72-139.

Hansard's Parliamentary Debates. House of Commons Debates. 24 March 1914. Vol. 60. P. 189-90.

Hansard's Parliamentary Debates. House of Lords Debates. 08 September 1893.Vol. 17. P. 563-649.

Manifesto of the Irish Volunteers // The Irish Review. Dublin. Sep. – Nov. 1914. Vol. 4. N. 42. P. 281.

McNeill R. Ulster's stand for Union. L., 1922.

Pearse P. Political Writings and Speeches. Dublin, 1966. P. 185.

Sir A. Paget to the War Office, March 20th, 1914 [Received 7 p.m.] // Army correspondence relating to recent events in the Irish command. Presented to Parliament by Command of his Majesty. L., 1914. P. 3.

Sir A. Paget to the War Office, March 20th, 1914 [Received 11.35 p.m.] // Army correspondence relating to recent events in the Irish command. Presented to Parliament by Command of his Majesty. L., 1914. P. 3.

The Belfast Evening Telegraph. 1914, 25 April.

The Belfast Telegraph. 1913, 27 Sept.

Ulster Provisional Government Proclamation, poster printed in blue, 755 x 500 mm., Belfast, Old Town Hall, 24 September, 1913 // The National Archives. CO 904/27.

Ulster Volunteer Forces. Belfast Division. Official Arrangements. Inspection by Sir Edward Carson, K.C., M.P. and the General Officer Commanding U.F.V. in the Agricultural Show Grounds, Balmoral, on Saturday, 27th September, 1913. At 4-4.45 p.m. Price one penny. (The poster) // RTÉ. Century Ireland. — https://www.rte.ie/ centuryireland// images/uploads/further-reading/Ed11-InspectionDoc.pdf (май, 2024).

War Office to Sir A. Paget. March 14th, 1914 // Army correspondence relating to recent events in the Irish command (In continuation of Cd.7318). Presented to Parliament by Command of his Majesty. L., 1914. P. 3-4.

Исследования / Scientific research

Мирошников А.В. Три века Ирландии. В 3 книгах. Книга 2. 1845–1900 гг. Воронеж, 2014. — Miroshnikov A.V. Tri veka Irlandii. V 3 knigah. Kniga 2. 1845–1900 gg. Voronezh, 2014.

About the Ulster Covenant // Nidirect. — https://www.nidirect.gov.uk/articles/about-ulster-covenant#toc-5 (май, 2024).

Fergusson S.J. The Curragh Incident. L., 1964.

Foster R.F. Modern Ireland 1600–1972. 2nd ed. L., 1989.

Geiser K.F. The Irish Convention // The American Political Science Review. 1918. N. 2. P. 292-296.

Jackson A. Home Rule: An Irish History. 1800-2000. Oxford, 2004.

Lee J.J. Ireland 1912–1985. Politics and society. Cambridge, 1989.

Loughlin J. Ulster unionism and British national identity since 1885. L., 1995.

Lyons F.S.L. Ireland Since the Famine. L., 1973.

O'Connor Lysaght D.R. The rhetoric of Redmondism 1914-16 // History Ireland. Spring, 2003. P. 46-50.

Ryan A.P. Mutiny at the Curragh. L., 1956.

Stewart A.T.Q. The Ulster crisis: resistance to Home Rule 1912–1914. L., 1979.

Walker G. A History of the Ulster Unionist Party: Protest, Pragmastism and Pessimism. Manchester, N.Y., 2004.

А.А. Киселев
(Волгоград)

МАРТИН ФРОБИШЕР И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНГЛИЙСКОЙ КАТАЙСКОЙ КОМПАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1570-Х ГОДОВ

В 1576–1578 гг. английский мореплаватель Мартин Фробишер, возглавлявший Катайскую компанию, совершил три экспедиции в полярные воды Северной Америки в поисках Северо-Западного прохода в Азию. Во время этих путешествий англичане основали колонию на острове Баффинова Земля, которую сама королева Елизавета I Тюдор назвала «Мета Инкогнита». Суровые условия арктического климата не позволили колонии просуществовать и года. Тем не менее, историки посчитали эту неудачную попытку английской колонизации Америки «первым заокеанским приращением к Британской империи»[1]. Однако провал данного колониального проекта привел и к завершению деятельности английской Катайской компании.

Долгое время история экспедиций М. Фробишера не привлекала внимания исследователей. О них вспоминали, в основном, в контексте либо поисков Северо-Западного прохода[2], ли-

[1] The Cambridge History of the British Empire. Vol. I. Cambridge, 1929. P. 103.

[2] Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. М., 1977; Блон Ж. Великие тайны океанов. Средиземное море. Полярные моря. Флибустьерское море. М., 2023; Neatby L.H. In Quest of the North West Passage. L., 1958; Williams G. Arctic Labyrinth: The Quest for the Northwest Passage. L.A., 2010.

бо жизнеописаний этого мореплавателя-пирата[1]. Только на рубеже XX–XXI вв. арктические путешествия Катайской компании и первая попытка создания английской колонии в Северной Америке стали объектом более пристального изучения[2]. В отечественной историографии экспедиции М. Фробишера были исследованы лишь И.П. Магидовичем[3].

Мартин Фробишер родился в 1535 г. в Йоркшире в зажиточной купеческой семье. В 1549 г. юного Мартина отправили в Лондон на обучение семейному делу к деду Джону Йорку, который был известным торговцем, мастером Монетного двора Англии и впоследствии одним из основателей Московской торговой компании.

Уже в 1553–1554 гг. М. Фробишер участвовал в первых английских экспедициях в Западную Африку, где был захвачен в плен португальцами, но смог бежать и вернуться на родину. Во второй половине 1550-х гг. он вместе с Дж. Хокинсом занимался работорговлей в Гвинее, затем в 1560-х гг. — каперством на королевской службе, захватывая испанские и французские суда.

В 1574 г. неожиданно для всех М. Фробишер вместе со своим давним знакомым купцом Майклом Локом выступил с проектом поиска северного морского пути («Северо-Западного прохода») из Европы в Азию через полярные воды Северной Америки. Это проект не был оригинальной идеей, поскольку с конца XV в. европейские мореплаватели время от времени предпринимали такие экспедиции. Но еще ни одна из них не увенчалась успехом. Однако М. Фробишер и М. Лок столкнулись с сопротивлением Московской торговой компа-

[1] McFee W. The life of Sir Martin Frobisher. N.Y., 1928; McDermott J. Martin Frobisher: Elizabethan Privateer. New Haven, 2001.

[2] Meta Incognita: A Discourse of Discovery. Martin Frobisher's Arctic Expeditions, 1576–1578. Hull, 1999; McGhee R. The Arctic Voyages of Martin Frobisher: An Elizabethan Venture. Montreal, 2001; Ruby R. Unknown Shore: The Lost History of England's Arctic Colony. N.Y., 2001.

[3] Магидович И.П. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962.

нии, которая обладала в Англии монополией на поиски северного морского пути как в Евразии, так и в Америке. Чем же был важен Северо-Западный проход? И какое отношение к американским полярным водам имела Московская компания?

Известно, что первооткрыватель Америки Х. Колумб, будучи последователем теории флорентийского ученого П. Тосканелли о возможности достижения «Востока на Западе», был убежден, что в октябре 1492 г. он добрался до берегов Индии и Китая (европейцы называли эту страну «Катаем»). В течение следующего десятилетия испанские и португальские экспедиции доказали, что Колумб ошибался. Уже в 1503 г. флорентийский мореплаватель А. Веспуччи писал своему покровителю Л. Медичи о том, что «эти страны следует назвать Новым Светом. У наших предков о них не было никакого представления, и, по мнению всех, это самое новейшее открытие... я нашел в этих южных областях континент с более многочисленными племенами и более разнообразной фауной, чем в нашей Европе, Азии или Африке, и, сверх того, с более умеренным и приятным климатом, чем в любой другой стране, нам известной»[1]. Через несколько лет новые земли на европейских картах получили название «Америка».

В то же время мечта о достижении Азии западным путем продолжала существовать. Одним из тех, кто в конце XV в. попытался её осуществить, был генуэзский мореплаватель Джованни Кабот. В отличие от Х. Колумба, этот итальянец опирался не на теорию П. Тосканелли, а на собственные идеи. Работая в 1470-х – 1480-х гг. представителем венецианских торговых компаний на Ближнем Востоке, Дж. Кабот изучал пути поставок специй в этот регион и, «предполагая, что Земля круглая», сделал вывод о расположении Индии и Китая к северо-западу относительно Европы[2].

---

[1] Веспуччи А. Письма Америго Веспуччи // Бригантина. М., 1971. С. 345.

[2] Raimondo de Raimondi de Soncino, Milanese Ambassador in England, to Ludvico Maria Sforza, Duke of Milan, 18 December 1497 // Calendar of State Papers, Milan. L., 1912. Vol. I. P. 337.

Получив поддержку английского купечества и лично короля Генриха VII Тюдора, Дж. Кабот в 1497–1498 гг. совершил два путешествия в указанном направлении через Атлантический океан, в результате которых, как он считал, «открыл… страну Великого Хана»[1]. В действительности, ему удалось лишь достичь берегов американского Ньюфаундленда, но это станет понятно позже.

Новость о плаваниях Дж. Кабота разнеслась по Европе, и в следующие десятилетия в Северо-Западную Атлантику устремились португальские (1500–1502 гг.), английские (1501–1508 гг.), испанские (1511, 1524–1525 гг.) и французские (1524, 1534–1536, 1541 гг.) экспедиции[2]. Они исследовали северо-восточное побережье Северной Америки, залив Святого Лаврентия, остров Ньюфаундленд и полуостров Лабрадор. С каждым новым плаванием к путешественникам и географам приходило понимание того, что найденные земли — не Азия. Некоторые из них даже были вынуждены останавливать экспедиции из-за ледников. Например, сын Дж. Кабота Себастьян, бывший штурманом в английском плавании 1508 г., «направил свой путь так далеко к Северному полюсу, что в июле встретил огромные горы плавучего льда и увидел долгий день… Увидев перед собой такие огромные массы льда, Кабот был вынужден повернуть на запад и идти вдоль берега. Следуя очертаниям суши, он прошел так далеко на юг, что очутился на широте Геркулесовых столбов (то есть Гибралтарского пролива. — *А. К.*)»[3].

Учитывая, что в 1498 г. португальские мореплаватели открыли морской путь в Индию вокруг Африки, в 1516 г. достигли портов Китая, а в 1520–1521 гг. испанская экспедиция

[1] Lorenzo Pasqualigo to his Brothers Alvise and Francesco, 23 August 1497 // Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice. L., 1864. Vol. 1. 1202–1509. P. 260.

[2] Jones E.T., Condon M.M. Cabot and Bristol's Age of Discovery: The Bristol Discovery Voyages, 1480–1508. Bristol, 2016; Акимов Ю.Г. Испанские мореплаватели у атлантического побережья Северной Америки в первой четверти XVI в. // Латинская Америка. 2013. N. 5. С. 80-89.

[3] Martyr Anglerius P. De orbe novo. Alcalá, 1530. P. XLVI.

Ф. Магеллана — Х. Элькано, следуя в западном направлении, нашла пролив в Тихий океан в Южной Америке и достигла Молуккских островов («Островов пряностей», как их тогда называли), интерес к поиску «Востока на Западе» через североамериканский Северо-Западный проход во второй четверти XVI в. в основном угас.

Впрочем, открытые торговые пути в Азию были доступны не всем странам, а только Испании и Португалии. Именно поэтому некоторые английские купцы и мореплаватели не оставляли надежд открыть и монополизировать северный морской путь в Индию и Китай. В 1527 г. торговец Р. Торн-младший, сын исследователя и соратника Дж. Кабота, направил королю Генриху VIII Тюдору письмо о важности поисков северного морского пути, который, согласно расчетам космографов, сокращал путь в Азию на 2000 лиг. Но в отличие от своего отца, Торн-младший предлагал искать этот путь не на северо-западе, а на северо-востоке (т.н. «Северо-Восточный проход»). «Если бы мы могли пройти через Север (северные моря. — *А. К.*), мы бы наслаждались навигацией всей Тартарии, что было бы не менее выгодно для [продажи] наших тканей, чем специи для императора и короля Португалии», — писал Р. Торн Генриху VIII[1]. Однако, в тот момент английский король не услышал этого призыва. В 1527 г. он был погружен в бракоразводный процесс с королевой Екатериной Арагонской, который, как известно, закончился разрывом Англии с Римом, началом в стране Реформации и резким ухудшением англо-испанских отношений.

Поиски северного морского пути были продолжены спустя двадцать лет. В 1549 г. лорд-президент английского Тайного совета Дж. Дадли, герцог Нортумберленд, начал подготовку экспедиции в полярные воды вдоль берегов Евразии. В рабочую группу вошли государственный секретарь У. Сесил, географы Ж. Рибо и Дж. Ди, но главная роль была отведена С. Каботу — известному в Европе мореплавателю и картографу, сыну Дж. Кабота. Опираясь на его знания и опыт, англичанами

[1] The whole letter to King Henry the Eight… written AD 1527 by Mr. Robert Thorn // British Library. Cotton MS Vitellius C VII. f.339v.

была организована и отправлена на поиски Северо-Восточного прохода экспедиция Р. Ченслера, которая в 1553 г. достигла северных границ Московского государства и установила англо-русские торговые отношения[1].

Хотя Р. Ченслер не выполнил основной задачи своего путешествия, в целом его итоги были признаны в Лондоне успешными, что привело к созданию в 1555 г. акционерной «Компании купцов-предпринимателей в целях открытия земель, территорий, островов и неизвестных сеньорий» (с 1566 г. эта организация стала именоваться Московской компанией). В утвержденной королевской хартии данного предприятия было особо отмечено, что корабли компании могут вести торговую и исследовательскую деятельность «*в северном, северо-восточном и северо-западном направлениях* (выделено мной. — *А. К.*) или любых их местах, где [представители] других христианских монархов (которые состоят с нами в союзе и дружбе) еще не бывали и не торговали»[2]. Таким образом, Московская компания получила монопольное право на поиски как Северо-Восточного, так и Северо-Западного прохода.

В 1565–1567 гг. на эту монополию посягнул молодой дворянин и офицер английской армии Хамфри Гилберт, обратившийся к королеве Елизавете I с просьбой «дать ему такую же привилегию». В своих петициях он отмечал, что «долгое время ничего не было сказано и сделано касательно открытия северного прохода, чтобы добраться до Катая и всех остальных обширных частей мира». Молодой человек был готов снарядить экспедицию «за свой собственный счет и с помощью моих друзей», но ему была нужна поддержка королевы в борьбе против монополии Московской компании[3].

---

[1] Киселев А.А. Себастьян Кабот и организация английских морских экспедиций в середине XVI века // Британские исследования / С.Н. Гаврилов (ред.). М., 2022. Вып. VII. С. 26-59.

[2] The Charter of Marchants of Russia, graunted upon the discoverie of the saide Countrey, by King Philip and Queene Marie // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Glasgow, 1903. Vol. II. P. 304-316.

[3] Petition from Humphrey Gilbert to the Queen, 1565–1566 // The

Нужно отметить, что предложение Х. Гилберта взволновало монополистов, ведь тот имел влиятельные связи при дворе. Кроме того, инициатива предприимчивого офицера активно поддерживалась известным путешественником и купцом Э. Дженкинсоном, открывшим для англичан рынки Персии[1]. Даже испанский посол в Лондоне Г. Де Сильва поспешил сообщить своему монарху Филиппу II о том, что «здесь есть один английский джентльмен, который, как говорят, является великим космографом и считает, что он может открыть более короткий путь в Ост-Индию, чем тот, который проложили португальцы. Насколько я могу понять из его слов, путь будет пролегать через землю, которую они называют Лабрадором»[2].

Руководство Московской компании со своей стороны не уступало, назвав реализацию предложений Х. Гилберта «нежелательной». «Компания с самого начала намеревалась открыть Катай, сделала несколько попыток и намерена продолжать их снова как на северо-востоке, так и на северо-западе», — писали губернаторы компании У. Гаррард и Р. Хэйворд государственному секретарю У. Сесилу. — «[Компания] желает, чтобы все открытия были совершены в интересах упомянутой стороны, в соответствии с её привилегиями и т.п., в чем она не будет отказывать, но желает получить добрый совет, помощь и консультацию м-ра Гилберта, если ему будет угодно, на разумных условиях, чтобы предпринять [экспедицию] или помочь [компании] в этом»[3]. Иными словами, монополисты предлагали своему конкуренту стать членом Московской компании и отправляться в плавание под их руководством. Вероятно, Х. Гил-

---

Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. L., 1940. Vol. I. P.105-106, 108-110.

[1] Anthony Jenkinson to Sir W. Cecil // Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. L., 1886. Vol. II. P.177-178, 188.

[2] Guzman De Silva to the King, 15th March 1567 // Calendar of State Papers, Spain (Simancas). L., 1892. Vol. I, 1558–1567. P. 627.

[3] Humphrey Gilbert`s petition to the Queen, with the comments of the Muscovy Company, 24 January 1567 // The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. L., 1940. Vol. I. P. 111-112.

берт не принял этого условия, поскольку летом 1567 г. он уже снова служил в Ирландии.

В 1574 г. купец М. Лок, работавший агентом Московской компании в Лондоне, тоже решил рискнуть и бросить вызов монополистам. Он предложил своему давнему знакомому капитану М. Фробишеру организовать экспедицию для поисков Северо-Западного прохода, и самостоятельно отправиться в Северную Америку. М. Лок и М. Фробишер понимали, что руководство Московской компании будет препятствовать их планам, чтобы защитить свою монополию. Тогда предприниматели заручились влиятельной поддержкой Э. Дадли, графа Уорика, члена английского Тайного совета и родного брата королевского фаворита Р. Дадли, графа Лестера. Именно граф Уорик убедил Тайный совет заставить Московскую компанию поддержать проект Лока-Фробишера[1]. Монополисты получили грозное послание органа государственной власти, в котором им напоминали, что «открытие морского пути в страну Катай было бы чрезвычайно выгодно для Англии, а они являются компанией, созданной для открытия новых торговых путей… Поэтому [им необходимо]… опять предпринять новые поиски сейчас, спустя 20 лет после первого путешествия, либо предоставить свою лицензию другим, которые желают сделать это в настоящее время»[2].

Могла ли Московская компания самостоятельно организовать подобную экспедицию в середине 1570-х гг.? Скорее всего, нет, поскольку в этот самый период начались проблемы в её деятельности на основном рынке — в России. Русский царь Иван IV не смог добиться заключения военно-политического союза с Англией, обвинил Елизавету I в неуважении к нему, а «многих людей Аглинских» — в «воровстве и лазучьстве» в пользу Швеции[3]. В качестве ответной меры царь

---

[1] Wilson D. Sweet Robin: A Biography of Robert Dudley, Earl of Leicester, 1533–1588. L., 1981. P.164.

[2] Lok M. Account of Sir Martin Frobisher's voyage for the discovery of a passage towards Cathay. 1577 // British Library. Cotton MSS Otho E VIII. f.42r.

[3] Царь — Елисавете, 1574 Авг. 20 // Толстой Ю.В. Первые сорок

отменил привилегии компании, наложил пошлины на английскую торговлю по Волге с Персией и конфисковал часть товаров. «А Московское государьство покаместо без Аглинских товаров не скудно было», — писал он королеве. — «Да и все наши грамоты, которые есмя давали о торговых делех по сей день не в грамоты (т.е. аннулируются. — *А. К.*)»[1].

В мае 1571 г. войсками крымского хана Девлет-Гирея была сожжена Москва. В огне пожара сгорело и здание Английского двора на Варварке, погибли около 30 человек. Московская компания оценила материальный ущерб в 10000 рублей, но царь Иван IV отказался возмещать его, назвав пожар результатом «промысла Божьего, а не государева»[2]. Через год, мае 1572 г., казаки захватили в Каспийском море корабль английских купцов Т. Банистера и Дж. Даккета, возвращавшийся с грузом из Персии. Благодаря помощи астраханских стрельцов англичанам удалось отбить товары на сумму около 40000 ф.ст., но «всё остальное казаки увезли с собой на корабле»[3].

Таким образом, к середине 1570-х гг. Московская компания столкнулась с рядом проблем, в том числе финансовых. В этих условиях организация экспедиции к берегам Америки в поисках Северо-Западного прохода не могла быть среди её приоритетных целей, поэтому компания уступила требованию Тайного совета «предоставить лицензию» М. Фробишеру.

Поскольку путешествие представлялось рискованным, а его результат — непредсказуемым, М. Лок нашел только 18 инвесторов, среди которых были как представители органов

лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. Грамоты, собранныя, переписанныя и изданныя Юрием Толстым. СПб., 1875. С. 150.

[1] Царь — Елисавете, 1570 Окт. 24 // Толстой Ю.В. Указ. соч. С. 110.

[2] Jenkinson A. A note of the proceeding of M. Anthonie Jenkinson, Ambassadour from the Queenes most excellent Majestie, to the Emperour of Russia // Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. L., 1886. Vol. II. P. 322, 330.

[3] The first Voyage into Persia made by Master Thomas Banister and Master Jeffrey Ducket, agents for the Moscovie companie // Ibid. P. 430.

власти (У. Сесил, Ф. Уолсингем, братья Э. и Р. Дадли, Т. Рэдклифф), так и, преимущественно, купцы из Сити (Т. Грэшем, Л. Даккетт, Э. Хоган, М. Филд и др.). Американский исследователь Р. Бреннер отмечал, что спонсорами экспедиции М. Фробишера являлись торговцы, ведущие дела на рынках Испании, Марокко и России[1]. Однако, кроме М. Лока непосредственно служащих Московской компании в 1575–1576 гг. среди них не было. В то же время проект был поддержан лордом-казначеем У. Сесилом и государственным секретарем Ф. Уолсингемом, которые имели тесные связи с компанией, а также Э. Дженкинсоном и Т. Рэндольфом — бывшими английскими послами в России. Общими усилиями организаторы собрали 875 ф.ст., на которые была построена небольшая флотилия из 3-х кораблей[2].

Экспедиция М. Фробишера продолжалась с июня до октября 1576 г. У побережья Гренландии путешественники попали в шторм, в результате которого были потеряны два из трех судов. На оставшемся барке «Габриэль» М. Фробишер, маневрируя сквозь айсберги, добрался до острова Баффинова Земля, где открыл узкий залив (сейчас — залив Фробишера), который ошибочно принял за долгожданный Северо-Западный проход, «имея по правую руку, по его мнению, азиатский материк, который здесь, как он полагал, отделялся от американской суши, лежащей по его левую руку»[3]. Подтверждением предположениям путешественника стала встреча с местными эскимосами-

[1] Brenner R. Merchants and Revolution. Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550–1653. L., N.Y., 2003. P. 20.

[2] Accounts, with subsidiary documents, of Michael Lok, treasurer, of first, second and third voyages of Martin Frobisher to Cathay by the northwest passage // The National Archives (UK). E 164/35/3.

[3] The Fyrst Booke of the first voyage of Martin Frobisher, Esquier, Captayne Generall for the Discoverie of the Passage to Cataya and the East India, by the Northweast, 1576 // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 72.

инуитами, которых англичане приняли за азиатов, ведь аборигены «были очень похожи на смуглых мавров или, скорее, на татар»[1]. Как верно отмечал советский исследователь И.П. Магидович, «это была первая исторически доказанная встреча европейцев с американскими эскимосами»[2]. Главным же успехом экспедиции, по мнению организаторов, стала находка минералов («маленьких черных камней» или «золотой руды»), из которых после выплавки в огне удавалось извлекать немного золота[3].

Вернувшись из плавания, М. Фробишер сразу же приступил к подготовке следующих путешествий. Слух о том, что мореплаватель нашел в Северной Америке драгоценный металл, разлетелся по Лондону, и к Фробишеру потянулись инвесторы. Для второго путешествия удалось собрать 4275 ф.ст., для третьего — 6952 ф.ст.[4]. Среди вкладчиков была лично королева Елизавета I и многие другие знатные придворные. Их имена Фробишер нанес на географические карты (Земля королевы Елизаветы, Земля Лока, остров графа Сассекса, мыс Уолсингема и т.п.)[5].

---

[1] Lok M. Account of Sir Martin Frobisher's voyage for the discovery of a passage towards Cathay. 1577 // British Library. Cotton MSS Otho E VIII. f.54r.

[2] Магидович И.П. Указ.соч. С.115.

[3] Mr. Lockes Discoors touching the ewre, 1577 // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576-8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 92-99.

[4] Account of Michael Lok Listing the Amounts Invested by Himself and Other Adventurers in All Three of the Frobisher Voyages to the Canadian Arctic in 1576-8 // The National Archives (UK). SP 12/126/34/65.

[5] The Names of the Venturars in the second voyage for Cathaia, & C, besydes their venture in the first voyage // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 107-108.

Московская компания более не участвовала в организации экспедиций М. Фробишера, хотя за ней всё ещё была закреплена монополия на открытия «в северном, северо-восточном и северо-западном направлениях». Чтобы избежать этой зависимости, М. Фробишер и М. Лок создали собственное акционерное общество, названное ими «Катайской компанией» (*Company of Cathay*). В тексте хартии новой организации, поданной ими на утверждение королеве, они прописали право на проведение экспедиций «в северном, западном и южном направлениях». Бдительный лорд-казначей У. Сесил напротив этих слов поставил пометку о том, что деятельность Катайской компании «не должна противоречить прежним хартиям Московской компании»[1]. В результате в «согласованных статьях» уставного документа нового акционерного общества осталось только право на исследования в «северо-западном направлении»[2]. Впрочем, канадский исследователь Дж. Макдермотт убежден, что Катайская компания так и не получила утвержденную королевой хартию[3].

Вторая экспедиция М. Фробишера состоялась в мае-сентябре 1577 г. Хотя инструкции Тайного совета предписывали путешественнику «продолжать открытие пути в Катай»[4], он сосредоточился на добыче «золотой руды», так и не продвинувшись в своих исследованиях дальше Баффиновой Земли.

---

[1] Articles of Graunt from the Queene`s Majestie to the Companye of Kathai // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 111-112.

[2] Articles consented and fully agreede by the Companye of Kathai // Ibid. P. 114-115.

[3] McDermott, J. The Company of Cathay: The Financing and Organization of the Frobisher Voyages // Meta Incognita: a discourse of discovery. Vol. I. Martin Frobisher's Arctic expeditions, 1576–1578. Ottawa, 1999. P. 163.

[4] Instructions given to Martin Frobisher for his second voyage to Cathay // British Library. Add MS 35831. f. 296.

Осенью 1577 г. экспедиция привезла около 200 тонн добытых минералов. Для выплавки из них золота М. Лок развернул в окрестностях Лондона и кентском Дартфорде строительство водяных мельниц и плавильных печей, закупку необходимого оборудования и наем в Германии мастеров. Возглавили работы известный немецкий металлург Йонас Шутц и венецианский алхимик Джованни Батиста Аньелло. В декабре 1577 г. Й. Шутц сообщил, что с каждой тонны привезенной М. Фробишером «руды» он сможет выплавить «более, чем 40 золотых монет»[1]. Этого оказалось достаточно для организации следующей экспедиции.

Она состоялась в мае-октябре 1578 г. Теперь М. Фробишер возглавил флотилию из 15 кораблей, а его главными задачами объявлялись колонизация найденной им земли, которую королева Елизавета I назвала «Мета Инкогнита» (это название южной оконечности Баффиновой Земли сохраняется и по сей день), и добыча 2000 тонн «золотой руды». Для этого в плавание отправлялись 100 колонистов, которым надлежало основать в северных краях поселение и построить шахты[2]. Кораблям пришлось пробираться на запад сквозь айсберги, туманы и штормы, во время которых несколько судов было потеряно. Когда же в июле 1578 г. они добрались до залива Фробишера (Северо-Западного прохода, как ошибочно полагали моряки

[1] A Note of the Charges requisite for the Triall of one tonne of the North-West ore // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 197.

[2] Instructiones geven to our lovinge frind Martine Ffrobiser, esquire, for the order to be observed in his voyage nowe recommended to him for the lande now called by Hir Majestie Meta Incognita to the Northwest partes and Cathaye // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 212-218.

экспедиции), то обнаружили его замерзшим, а побережье Баффиновой Земли — сильно заснеженным. Попытка построить колонию и добывать минералы в этих экстремальных условиях была признана участниками плавания неудачной, хотя некоторое количество полезных ископаемых всё же удалось добыть. Недовольство корабельных команд заставило М. Фробишера завершить путешествие и вернуться в октябре 1578 г. в Англию.

Здесь Катайская компания столкнулась с целым рядом проблем. Прежде всего, грандиозная третья экспедиция за «золотой рудой» не окупилась. К М. Локу, как губернатору и казначею организации, устремились кредиторы и инвесторы, требуя возврата денег. На этой почве предприниматели поссорились и стали писать в Тайный совет жалобы друг на друга о «злоупотреблениях»[1]. В результате М. Лок окончательно разорился, был осужден за невыплату долгов и заключен во Флитскую тюрьму, откуда несколько лет просил бывших благодетелей заплатить за него залог[2]. Главный же удар был нанесен металлургами и алхимиками, объявившими, что «золотая руда», привезенная М. Фробишером, является пиритом (или колчеданом) — минералом, который из-за схожести с драгоценным камнем называли «золотом дураков», а на самом деле он не имел никакой ценности[3]. Таким образом Катайская компания закончила своё существование в начале 1580-х гг.

Разорившись, М. Фробишер вернулся к занятию каперством. Он служил вице-адмиралом флота Ф. Дрейка во время его набега на Испанскую Вест-Индию (1585–1586 гг.), командовал кораблями в Ла-Манше в дни сражения с Непобедимой Армадой 1588 г., участвовал в нападениях на испанские флотилии возле Азорских островов (1589–1593 гг.). В ноябре 1594 г. М.

---

[1] The Abuses of Captayn Furbusher agaynst the Companye, anno 1578 // Ibid. P. 359-362; The Answers of Michael Lok // Ibid. P. 363.

[2] Petition of Michael Lok, prisoner in the Fleet, to the Privy Council, 16th June 1581 // Calendar of State Papers Colonial, East Indies, China and Japan. L., 1864. Vol. 2, 1513–1616. P. 63.

[3] Ruby R. Unknown Shore: The Lost History of England's Artic Colony. N.Y., 2001. P. 257-258.

Фробишер погиб при штурме английскими и французскими войсками испанского форта Крозон.

Просуществовав всего несколько лет, Катайская компания оказалась краткосрочным проектом, не достигнувшим ни одной из поставленных задач. М. Фробишеру не удалось ни найти Северо-Западный проход, ни создать колонию в Северной Америке, ни добыть золота. В то же время экспедиции Катайской компании внесли важный вклад в изучение географии канадского побережья, а попытка создания поселения на острове Баффинова Земля в 1578 г. оказалась первым колониальным проектом англичан в Северной Америке. Плавания М. Фробишера в полярных водах вдохновили на последующие предприятия Х. Гилберта, У. Рэли и других английских мореплавателей, став одним из первых шагов на пути к построению Британской империи.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Веспуччи А. Письма Америго Веспуччи // Бригантина. М., 1971. С. 339-381. — Vespuchchi A. Pis'ma Amerigo Vespuchchi // Brigantina. M., 1971. S. 339-381.

Царь — Елисавете, 1574 Авг. 20 // Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. Грамоты, собранныя, переписанныя и изданныя Юрием Толстым. СПб., 1875. С. 148-153. — Tsar' — Elisavete, 1574 Avg. 20 // Tolstoi Yu.V. Pervye sorok let snoshenii mezhdu Rossiei i Angliei, 1553–1593. Gramoty, sobrannyya, perepisannyya i izdannyya Yuriem Tolstym. SPb., 1875. S. 148-153.

Царь — Елисавете, 1570 Окт. 24 // Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593. Грамоты, собранныя, переписанныя и изданныя Юрием Толстым. СПб., 1875. С. 106-110. — Tsar' — Elisavete, 1570 Okt. 24 // Tolstoi Yu.V. Pervye sorok let snoshenii mezhdu Rossiei i Angliei, 1553–1593. Gramoty, sobrannyya, perepisannyya i izdannyya Yuriem Tolstym. SPb., 1875. S. 106-110.

A Note of the Charges requisite for the Triall of one tonne of the North-West ore // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted

from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 196-198.

Account of Michael Lok Listing the Amounts Invested by Himself and Other Adventurers in All Three of the Frobisher Voyages to the Canadian Arctic in 1576–8 // The National Archives (UK), SP 12/126/34/65.

Accounts, with subsidiary documents, of Michael Lok, treasurer, of first, second and third voyages of Martin Frobisher to Cathay by the north-west passage // The National Archives (UK). E 164/35/3.

Anthony Jenkinson to Sir W. Cecil // Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. L., 1886. Vol. II. P. 177-188.

Articles of Graunt from the Queene's Majestie to the Companye of Kathai // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 111-113.

Articles consented and fully agreede by the Companye of Kathai // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 114-115.

Guzman De Silva to the King, 15th March 1567 // Calendar of State Papers, Spain (Simancas). L., 1892. Vol. I. 1558–1567. P. 627.

Humphrey Gilbert's petition to the Queen, with the comments of the Muscovy Company, 24 January 1567 // The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. L., 1940. Vol. I. P. 111-115.

Jenkinson A. A note of the proceeding of M. Anthonie Jenkinson, Ambassadour from the Queenes most excellent Majestie, to the Emperour of Russia // Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. L., 1886. Vol. II. P. 306-335.

Instructions given to Martin Frobisher for his second voyage to Cathay // British Library. Add MS 35831. ff. 296-298.

Instructiones geven to our lovinge frind Martine Ffrobiser, esquire, for the order to be observed in his voyage nowe recommended to him for the

lande now called by Hir Majestie Meta Incognita to the Northwest partes and Cathaye // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576-8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 212-218.

Lok M. Account of Sir Martin Frobisher's voyage for the discovery of a passage towards Cathay. 1577 // British Library. Cotton MSS Otho E VIII. ff. 42r – 54r.

Lorenzo Pasqualigo to his Brothers Alvise and Francesco, 23 August 1497 // Calendar of State Papers Relating To English Affairs in the Archives of Venice. L., 1864. Vol. I. 1202–1509. P. 260.

Martyr Anglerius *P*. De orbe novo. Alcalá, 1530.

Mr. Lockes Discoors touching the ewre, 1577 // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 92-99.

Petition from Humphrey Gilbert to the Queen, 1565–1566 // The Voyages and Colonising Enterprises of Sir Humphrey Gilbert. L., 1940. Vol. I. P. 105-110.

Petition of Michael Lok, prisoner in the Fleet, to the Privy Council, 16th June 1581 // Calendar of State Papers Colonial, East Indies, China and Japan. L., 1864. Vol. 2, 1513–1616. P. 63.

Raimondo de Raimondi de Soncino, Milanese Ambassador in England, to Ludvico Maria Sforza, Duke of Milan, 18 December 1497 // Calendar of State Papers, Milan. L., 1912. Vol. I. P. 337.

The Abuses of Captayn Furbusher agaynst the Companye, anno 1578 // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 359-362.

The Answers of Michael Lok // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 363.

The Charter of Marchants of Russia, graunted upon the discoverie of the saide Countrey, by King Philip and Queene Marie // Hakluyt R. The principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation. Glasgow, 1903. Vol. II. P. 304-316.

The Fyrst Booke of the first voyage of Martin Frobisher, Esquier, Captayne Generall for the Discoverie of the Passage to Cataya and the East India, by the Northweast, 1576 // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 26-76.

The first Voyage into Persia made by Master Thomas Banister and Master Jeffrey Ducket, agents for the Moscovie companie // Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. L., 1886. Vol. II. P. 423-440.

The Names of the Venturars in the second voyage for Cathaia, & C, besydes their venture in the first voyage // The Three Voyages of Martin Frobisher, in search of a Passage to Cathaia and India by the North-West, A.D. 1576–8. Reprinted from the First Edition of Hakluyt's Voyages, with Selections from Manuscript Documents in the British Museum and State Paper Office. L., 1867. P. 107-108.

The whole letter to King Henry the Eight… written AD 1527 by Mr. Robert Thorn // British Library. Cotton MS Vitellius C VII. ff. 339v – 345r.

Исследования / Scientific research

Акимов Ю.Г. Испанские мореплаватели у атлантического побережья Северной Америки в первой четверти XVI в. // Латинская Америка. 2013. N. 5. С.80-89. — Akimov Yu.G. Ispanskie moreplavateli u atlanticheskogo poberezh'ya Severnoi Ameriki v pervoi chetverti XVI v. // Latinskaya Amerika. 2013. N. 5. S. 80-89.

Блон Ж. Великие тайны океанов. Средиземное море. Полярные моря. Флибустьерское море. М., 2023. — Blon Zh. Velikie tainy okeanov. Sredizemnoe more. Polyarnye morya. Flibust'erskoe more. M., 2023.

Киселев А.А. Себастьян Кабот и организация английских морских экспедиций в середине XVI века // Британские исследования / С.Н. Гаврилов (ред.). М., 2022. — Kiselev A.A. Sebast'yan Kabot i organizatsiya angliiskikh morskikh ekspeditsii v seredine XVI veka // Britanskie issledovaniya / S.N. Gavrilov (red.). M., 2022.

Магидович И.П. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962. — Magidovich I.P. Istoriya otkrytiya i issledovaniya Severnoy Ameriki. M., 1962.

Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. М., 1977. — Ramsei R. Otkrytiya, kotorykh nikogda ne bylo. M., 1977.

Brenner R. Merchants and Revolution. Commercial Change, Political Conflict, and London`s Overseas Traders, 1550–1653. L., N.Y., 2003.

Jones E.T., Condon M.M. Cabot and Bristol's Age of Discovery: The Bristol Discovery Voyages, 1480–1508. Bristol, 2016.

McDermott J. The Company of Cathay: The Financing and Organization of the Frobisher Voyages // Meta Incognita: A Discourse of Discovery. Martin Frobisher's Arctic expeditions, 1576–1578. Vol.1. Hull, 1999. P. 147-178.

McDermott J. Martin Frobisher: Elizabethan Privateer. New Haven, 2001.

McFee W. The life of Sir Martin Frobisher. N.Y., 1928.

McGhee R. The Arctic Voyages of Martin Frobisher: An Elizabethan Venture. Montreal, 2001.

Meta Incognita: A Discourse of Discovery. Martin Frobisher's Arctic Expeditions, 1576–1578. Hull, 1999.

Neatby L.H. In Quest of the North West Passage. L., 1958.

Ruby R. Unknown Shore: The Lost History of England's Arctic Colony. N.Y., 2001.

The Cambridge History of the British Empire. Cambridge, 1929. Vol. I.

Williams G. Arctic Labyrinth: The Quest for the Northwest Passage. L.A., 2010.

Wilson D. Sweet Robin: A Biography of Robert Dudley, Earl of Leicester, 1533–1588. L., 1981.

С.Н. Гаврилов
(Ростов-на-Дону)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КОРОЛЕВСКОГО ФЛОТА ЭПОХИ ТЮДОРОВ

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ.

История тюдоровского флота традиционно приковывала к себе внимание историков. Это и не удивительно, ведь, в первую очередь, благодаря зародившемуся в годы правления Генриха VIII мощному постоянному королевскому флоту Англия смогла отстоять свою независимость и впоследствии превратиться в могущественную Британскую империю, над которой «никогда не заходило солнце».

Казалось бы, тема настолько избита, что сегодня уже невозможно исследователям внести в нее что-то новое. Быть может, это убеждение является одной из причин понижения уровня внимания историков к ней, наблюдаемого в последние три десятилетия. Но это вовсе не означает, что тема английского королевского флота закрыта. И здесь новые подходы могут дать возможность по-новому взглянуть на военно-морские силы эпохи правления Тюдоров. Следовательно, задача, поставленная в данном исследовании, состоит в том, чтобы освятить смену уже нашедших применение в исторической науке подходов, появление которых было вызвано как внешними, так и внутренними обстоятельствами, а также рассмотреть новые, на данном этапе еще не вызвавшие пристальное внимание историков, но дающие возможность открыть новые грани.

То чувство гордости за военно-морские силы, которое испытали жители Англии, отстояв свою независимость в XVI в., долгое время предопределяло фактически единственный и весьма однобокий «героический подход» к восприятию флота, заложенный еще очевидцами победы над Непобедимой Армадой Ричардом Хаклюйтом и Сэмюэлем Пэрчасом[1]. Расцвет этой «героической истории» пришелся на время правления королевы Виктории, при которой Империя находилась в зените своего могущества, а британский флот не имел себе равных на безбрежных морских просторах. Авторы ставших классическими исследованиями той поры в основном рассматривали событийную канву морской экспансии Тюдоров, а также посвящали свои труды выдающимся персоналиям, воспринимаемым в качестве героев[2] «эпохи открытий и рыцарских подвигов»[3].

Здесь, пожалуй, следует отметить стоявших у истоков такого подхода в исторической науке ученых XIX в. Томаса Карлейля и его ученика Джеймса Энтони Фруда[4]. Метод исследования, пропагандируемый Джеймсом Фрудом, был построен на отрицании любой теории, поскольку она, по мнению историка, неизбежно ведет к искажению фактов в угоду исследователю.

---

[1] Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I – VII. L., 1907; Purchas S. Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrims. Hakluyt Society. Vol. XIV – XXXIII. L., 1905 — 1907.

[2] Markham C.R. The Hawkins Voyages During the Reign of Henry VIII, Queen Elizabeth and James I. L., 1878; Stefansson J.A., McCaskill E. The Three Voyages of Martin Frobisher in Search of a Passage to Cathay and India by the North-West. Vols. I – II. L., 1938; Quinn D.B. The Voyages and Colonizing Enterprises of Sir H. Gilbert. Vol. I – II. L., 1940; Williamson J.A. The Age of Drake. L., 1946; Idem. Hawkins of Plymouth: a new history of Sir John Hawkins and of other members of His Family Prominent in Tudor England. L., 1949; Idem. The Voyages of John and Sebastian Cabot. L., 1937.

[3] Lucas C. Introduction // The Cambridge History of the British Empire. Vol. I. Cambridge, 1929. P. IV.

[4] Froude J.A. History of England from the Fall of Cardinal Wolsey to the Defeat of The Spanish Armada. 12 Vol. L., 1856–1870.

Первые работы, выходящие за рамки этой вызывающей восторг у массового обывателя «героической истории» и посвященные повседневному рутинному функционированию королевского флота, прежде всего истории развития и действия его администрации, появляются лишь в конце XIX в. Как точно подметил Лэирд Клоуз, ранее «природа и работа этих наиважнейших сил странно не замечалась английскими историками»[1].

Вершиной исследований военно-морских сил в рамках этого нового подхода, который условно можно назвать «административная история», в этот период стала работа Майкла Оппенгейма, вышедшая в свет в 1896 г.[2] Автор этого большого труда отринул героическое восприятие флота и призвал к использованию новых методов, к отказу от оценочного восприятия, порождающего домыслы, и к опоре исключительно на источники. Он буквально «перелопатил» рукописные документы, хранившиеся в Публичном архиве рукописей[3] и ввел в научный оборот огромный массив различных рукописных документов, среди которых многочисленные государственные бумаги, документы казначейства, официальная и частная переписка.

Впрочем, содержание работы Майкла Оппенгейма не вполне отражает ее название, звучащее как «История администрации королевского флота с 1509 по 1660 гг.». Содержание охватывает гораздо более широкий круг относящихся к флоту вопросов, сама же история его администрации составляет лишь часть монографии. И хотя действительно качественно проведенное Оппенгеймом исследование, в основе которого лежит анализ большого количества разнообразных источников, не потеряло значение даже в наше время, но, приходится констатировать, автору, несмотря на все его усилия, все-таки не удалось показать целостную картину повседневного функциони-

[1] Clowes W.L. The Royal Navy: a history from the earliest times to the present. Vol. I. L., 1897. P. V.

[2] Oppenheim M. A history of the Administration of the Royal Navy 1509–1660. Ann Arbor, 1896 (1966, 1988).

[3] В 2003 г. Public Record Office был преобразован в The National Archives.

рования военно-морских сил рассматриваемой эпохи. На страницах работы перед нами развитие флота предстает «вырванным» из контекста исторического процесса. Это упущение привело к тому, что история флота в целом и его администрации в частности превратились в обычное описание их рутинных повседневных действий в отдельные периоды истории.

Этот объемный и впечатляющий труд Майкла Оппенгейма на данном этапе развития исторических исследований в сфере военно-морской истории стал на последующие 100 лет фактически единственной работой, отличающейся столь действительно впечатляющей широтой постановки проблемы. Последующие же историки на долгое время заложили новую сохранявшуюся на протяжении всего XX в. тенденцию публикации небольших узкоспециализированных исследований, посвященных различным аспектам военно-морской истории[1]. Отчасти этот переход являлся следствием появления новых проблем и запросов, наблюдаемых в британском обществе, связанных с печальными событиями и потрясениями в мире начала XX в. Отчасти он также был и порождением новых тенденций в исторической науке в целом.

[1] Adams S. New light on the “Reformation” of John Hawkins; the Ellesmere Naval Survey of January 1584 // English Historical Review. 1991. Vol. 105; Beer de E.S. The Lord High Admiral and the Administration of the Navy // The Mariners Mirror. 1927. Vol. 13; Davies C.S.L. The Administration of the Royal Navy under Henry VIII; the Origins of the Navy Board // English Historical Review. 1965. Vol. 80.; Dietz B. The Royal Bounty and the english merchant shipping in the sixteenth and seventeenth centuries // MM. 1991. Vol. 77. N. 1; Glasgow T. The Navy in Philip and Mary’s war // MM. 1967. Vol. 53; Idem. The Maturing of Naval Administration 1556–1564 // MM. 1970. Vol. 56; Johns A.W. The Principal Officers of the Navy // MM. 1928. Vol. 14; Marsden R.G. The Vice Admirals of the Coast // EHR. 1907. Vol. 22; Perrin W.G. The Lord High Admiral and the Board of Admiralty // MM. 1926. Vol. 12.; Pollitt R. Bureaucracy and the Armada: the administrator’s battle // MM. 1974. Vol. 60. N. 2.; Scammell G.V. War at Sea under the early Tudors: some Newcastle upon Tyne evidence // Archaeologia Aeliana. 1960–1961. Vol. 38–39.

Очередной всплеск больших публикаций приходится на 1960–80-е гг. Он был вызван приближающейся 400 — летней годовщиной победы над Непобедимой Армадой, событием, прочно укоренившимся не только в английской, но и британской исторической памяти. Стоит отметить, что большинство этих многочисленных работ были написаны в стиле «героической истории» и носили скорее популярный характер. Изначально предназначенные массовому читателю они именно поэтому и создавались преимущественно в рамках давно забытого «героического подхода». Тем не менее, среди этой большой массы публикаций имелось и небольшое количество имеющих значительную научную ценность исследований, авторы которых опирались на многочисленные документы, хранящиеся как в британских, так и в зарубежных архивах, использовали новые источники и применяли новые методы, в основе которых, например, лежало привлечение данных, полученных в ходе набирающих оборот морских археологических исследований. Морская археология дала возможность раскрыть детальные особенности здоровья военных моряков, особенности их повседневной службы и быта на кораблях королевского флота[1].

Но чтобы понять дальнейшие тенденции в исследовании английского военно-морского флота раннего Нового времени необходимо обратить внимание на общие тенденции развития исторической науки в Британии.

С середины XX столетия в науке постепенно нарастает понимание того, что сам по себе некогда столь популярный административный подход мало продуктивен в вопросах понимания природы исторических явлений. Как заметил в начале 1960-х гг. Джоэль Харстфильд: «Мы прошли стадию, когда пусть даже детальное исследование лишь одного внутреннего

[1] Andrews K.R. Elizabethan Privateering during the Spanish War, 1585–1603. Cambridge, 1964.; England, Spain and the Gran Armada, 1585–1604 / Ed. by Adams S., Rodriguez-Salgado M.J. Edinburgh, 1991; Fernandez-Armesto F. The Spanish Armada: the experience of war in 1588. Oxford, 1988; God's Obvious Design / Ed. by Cruickshank D.W., Gallagher P. L., 1990; Lewis M. The Spanish Armada. L., 1960; Martin C., Parker G. The Spanish Armada. Manchester, 1999.

устройства и механизма его функционирования было призвано отвечать на все вопросы»[1].

Реакцией на эту осознаваемую проблему стало рождение «ревизионистской школы», возглавляемой в Британии крупнейшим исследователем тюдоровской эпохи Джеффри Элтоном, непревзойденным знатоком архивных документов. Многочисленные труды автора нашумевшей теории «тюдоровской революции в управлении» посвящены истории зарождения и развития бюрократических институтов Англии XVI в.[2] Как отмечал сам Элтон, наше желание понять природу государственных институтов неизбежно порождает «необходимость анализа и описания административных процессов, открытия косвенных или явных принципов, влияющих на действия правительства, понимания природы, в которой теоретические механизмы воплощались на практике»[3]. Влияние этого ученого было и по сию пору остается настолько большим, что практически все англосаксонские историки, занимающиеся изучением данного периода в истории Англии, независимо от того, являются ли они сторонниками этой теории «революции» или ее противниками, отстаивающими идею эволюционности перемен, растянувшихся на все время правления династии Тюдоров, прямо или косвенно воспринимают себя его учениками.

Но что касается именно истории военно-морских сил, ни теория «тюдоровской революции», ни порожденная ею идея «тюдоровской эволюции» долгое время не находили своих последователей. И лишь в конце столетия один из крупнейших современных британских историков, профессор Оксфорда Дэ-

---

[1] Hurstfield J. Tudor Constitution // English Historical Review. 1962. Vol. 77. P. 730.

[2] Elton G.R. England under the Tudors. N.Y., 1955 (1974, 1991, 1997); Idem. Political history. Principles and practice. L., 1970; Idem. Reform and Reformation: England, 1509–1558. Cambridge, 1977; Idem. Reform and renewal. Thomas Cromwell and the common weal. Cambridge, 1973; Idem. Studies in Tudor and Stuart politics. Cambridge, 1974; Idem. The Tudor constitution. Document and commentary. Cambridge, 1960.

[3] Elton G.R. Studies in Tudor and Stuart politics. Cambridge, 1974. Vol. I. P. 249.

вид Лоудс опубликовал монографию «Тюдоровский флот — административная, политическая и военная история», в которой предпринял первую попытку рассмотреть историю тюдоровского флота в качестве государственного института зарождающегося бюрократического государства. В предисловии к своей работе Лоудс отмечает то, что «морская сила всегда выражалась в королевских флотах, но такие флоты всегда являлись персональными творениями монархов, которые командовали или руководили ими. Тюдоровский военно-морской флот… был элементом государства, и его история должна рассматриваться в этой связи… Следовательно, было бы большой ошибкой его изучение в отрыве от иных граней государства»[1]. Таким образом, в истории изучения военно-морских сил, видимо, именно Дэвида Лоудза и следует считать основоположником нового «институционального подхода».

Но увы, несмотря на все свое понимание необходимости применения нового подхода, сам автор далеко не всегда прослеживает параллели между процессом развития административных структур королевского флота и процессами трансформации, происходящими в управлении государством. Например, он убежден, что учреждение в последние годы правления Генриха VIII главного административного органа Совета морских дел, отвечающего за поддержку и успешное функционирование военно-морских сил в мирное и военное время, было всего лишь «следствием медленного увеличения ранее существовавших служб, по примеру Департамента вооружений»[2]. Таким образом, можно констатировать, что на практике его труд, охватывающий довольно широкий набор аспектов истории развития администрации королевского флота, вылился скорее в обычную историю развития его административных структур, и в этом своем качестве он не так уж и сильно отличается от вышедшего на 100 лет ранее труда Майкла Оппенгейма, и даже более, в некоторых аспектах работа Лоудза уступает. Видимо,

[1] Loades D. The Tudor Navy. An administrative, political and military history. Cambridge, 1992. P. 2.

[2] Ibid. P. 7.

автор все-таки не до конца осознал принципиальные различия между изучением истории становления и развития флотской администрации и институциональным подходом в исследовании военно-морских сил, предполагающим исследование данных структур сквозь общую логику развития государственных управленческих структур.

Здесь стоит отметить то, что, несмотря на отдельные декларации, тенденция рассмотрения исторических явлений самих по себе, как бы вырванных из общей логики процесса трансформации общества и государства, вообще в значительно большей мере характерна для зарубежного сегмента исторической науки, чем для российского. Возможно, тяга отечественных историков рассматривать эти явления в контексте особенностей исторической эпохи и склонность вписывать их в более широкую теоретическую схему объясняется тем, что в советскую эпоху исследование отдельных тем вне марксистской теоретической схемы развития исторического процесса было весьма затруднено. Необходимо было показывать то, какое место занимает то или иное исследуемое нами явление в этом общем контексте развития исторического процесса. Конечно, было бы ошибкой утверждать, что это «контекстное» восприятие отдельных явлений непродуктивно. Такой подход в гораздо большей мере предоставляет возможность понять исследуемое явление, если его вообще можно понять. Об этом и говорил в свое время Джеффри Элтон. И институциональный подход, им отстаиваемый, здесь во многом и являлся решением.

В 2005 г. была защищена диссертация на соискание степени кандидата исторических наук, а затем на ее основе и опубликована монография «Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт»[1], призванная заполнить данную лакуну в исследованиях истории военно-морских сил. Хотя автор и является скорее сторонником тех историков, которые настаивают на эволюционности изменений, растянувшихся на 100 лет, в ходе которых и происходила трансформация т.н. управленческих

[1] Гаврилов С.Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт. Ростов-на-Дону, 2014.

«событий» средневекового королевства в постоянно действующие бюрократические структуры национального государства современного типа, но рождение постоянного флота как государственного института, пришедшего на смену флоту короля как «событию»[1], в работе показано именно как революционное изменение, что в данной конкретной сфере подтверждает теорию «тюдоровской революции» Джеффри Элтона.

Впрочем, хотя институциональный подход и нашел в конечном итоге своих приверженцев среди иссследователей, занимающихся королевским тюдоровским флотом, на сегодняшний день все более становится понятно, что его методы приводят к восприятию флота как некого идеально отлаженного механизма, возглавляемого в XVI в. большими профессионалами своего дела, многие из которых некогда занимались каперским, а то и пиратским ремеслом, и, таким образом, накопившими как огромный управленческий, так и боевой опыт в военно-морской сфере. И действительно, этот быстро оформившийся, можно сказать без преувеличения, передовой институт, во многом обогнавший в своем становлении и развитии иные зарождающиеся институты государства, оказался способен довольно эффективно поддерживать свое функционирование и выполнять стоящие перед ним тяжелые задачи даже и в смутные годы середины XVI в., и в годы необъявленной англо-испанской войны, когда кризис поразил многие сферы государства, а денег часто не хватало даже на поддержание в должном состоянии королевского двора и хаузхолда.

Однако, на протяжении эпохи правления Тюдоров так было отнюдь не всегда. Часто, когда, казалось бы, для слаженного функционирования вообще не должно было возникать никаких препятствий, в работе его механизма прослеживались крупные сбои.

Попытка найти причины заставляет нас обратить более пристальное внимание на конкретных людей, занимающих должности и обеспечивающих действие этого института. При их

[1] Loades D. The Tudor Navy. An administrative, political and military history. Cambridge, 1992. P. 10.

детальном рассмотрении можно заметить, что служащие, начиная от офицеров Военно-морского совета, возглавляющего этот практически идеально выстроенный институт, и заканчивая последним снабженцем и служащим в доках, связаны невидимыми связями. Эти связи имеют как родственный, так и, быть может, даже более крепкий и взаимно обязывающий клиентско-патронатный характер. И во многом часто именно эти связующие нити, а вовсе не те обязанности, которые предписывалось исполнять конкретным людям, занимающим то или иное место в структуре, определяли логику действий служащих. Причем, сеть этих связей, похожая на очень сложную паутину, в действительности была настолько прочна, что у нижестоящих практически не оставалось возможности маневра, ведь, как точно подметила Линда Леви Пек, в Англии раннего Нового времени клиент фактически находился на положении раба своего патрона[1], но при этом и сам патрон был обязан всегда поддерживать своего клиента, предоставлять ему помощь и защиту, подчас заботиться о нем как о своем собственном сыне.

К сожалению, этот подход к исследованию королевского флота, который можно было бы условно назвать «клиентско-патронатным», пока не нашел своих сторонников. До сегодняшнего дня была предпринята лишь одна попытка его применения. В 1967 г. в The Journal of Modern History Роберт Кенни опубликовал свою статью «Парламентское влияние Чарльза Говарда, графа Ноттингема, 1536–1624 гг.»[2], в которой подробно описываются связи лорд-адмирала Чарльза Говарда со своими многочисленными клиентами, некогда занимавшими посты в местных органах власти на землях Ноттингема и позднее получившими кресла в Палате общин. Благодаря его покровительству многие из этих его клиентов впоследствии и заняли должности в административных структурах флота.

[1] Peck L.L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. Boston; Unwin Hyman, 1990. P. 16.

[2] Kenny R.W. Parliamentary Influence of Charles Howard, earl of Nottingham, 1536–1624 // The Journal of Modern History. 1967. N. 3. P. 215-232.

Впрочем, необходимо заметить, сам лорд-адмирал вовсе не стремился поддерживать эти связи и полагаться на них в целях укрепления своего влияния, ибо его высокое положение и в годы правления Елизаветы, последней из рода Тюдоров, и годы ранних Стюартов, Якова I и Карла I зиждилось в первую очередь не столько на клиентской поддержке, сколько на хорошем к нему расположении каждого из монархов, лично ему обязанных. И действительно, он занимал особое положение при дворе и Тайном совете, и казалось, что ни одна созданная комиссия не обходилась без его участия[1]. Но, в отличие от самого Говарда, пользовавшиеся его влиянием при дворе его клиенты были очень крепко связаны между собой, что, например, в годы правления Якова I привело к выстраиванию сложной системы личного обогащения, пронизывающей насквозь все администрацию военно-морских сил.

Этот новый подход, как представляется, весьма продуктивен, но ему еще только предстоит найти своих сторонников, ведь рассмотрение флота лишь как института не может ответить на все вопросы, понять особенности его функционирования, поскольку за конкретными структурами всегда находились живые люди. Сложность его использования в первую очередь определяется недостатком источников и их специфичностью, поскольку хотя клиентско-патронатные связи, в отличии от нашего времени, скорее тогда и расценивались как вполне обычное и приемлемое в обществе явление, но сами их участники по личным причинам далеко не всегда стремились к их раскрытию.

Не менее интересным подходом, дающим возможность комплексного рассмотрения флота, является взгляд на военно-морские силы «снизу», ведь роль младшего офицерского состава и особенно простых моряков была не менее важна в действиях флота, чем роль его высших офицеров, административных структур и занимающих в них свои посты людей, связанных между собой родственными и клиентско-

[1] Laughton J.K. Howard, Charles, Lord Howard of Effingham, earl of Nottingham // Dictionary of National Biography. Vol. XXVIII. L., 1891. P. 4.

патронатными связями. Именно простые моряки подчас обеспечивали эффективность и слаженность действий боевых кораблей, определявших успех или крах всей кампании.

Между тем, в отличие от иных аспектов военно-морской истории, они не привлекают столь пристального внимания историков. Отчасти, причина этого игнорирования кроется в довольно скудной источниковой базе. Как заметил Джон Чайлдс, «никто не был заинтересован в записи фактов о столь скромном существе; его никогда не изображали на портретах или гравюрах, поэтому у нас нет четкого представления о том, как этот человек выглядел в военной форме, о его подлинной личности и происхождении можно только догадываться»[1].

И действительно, рядовые английские моряки, хотя и отличались более высоким уровнем грамотности, чем жившие на суше их соотечественники[2], слишком мало оставили о себе свидетельств. Выбравшие морскую профессию жители Англии даже не имели своей профессиональной корпорации, а, следовательно, и возможностей для коллективной защиты. Если о них и проявлялась какая-то забота, то проявлялась она лишь боевыми офицерами, которые знали цену человеческой жизни и понимали то, что от матросов зависит эффективность действий корабля в открытом море. После победы над Непобедимой Армадой тысячи героев-моряков были брошены властями. И если лорд-адмирал Говард был возмущен этим фактом, говоря, что «с болью в сердце мы смотрим на тех, кто сражались столь доблестно, а умирают так ужасно»[3], то лорд-казначей Берли цинично выражал надежду, что «смертью и роспуском больных… будет кое-что сэкономлено в итоговых выплатах»[4]. Подобное отношение к обычным морякам будет оставаться на протяжении десятилетий. Карл I, узнав, что доведенные до от-

[1] Childs J. The Army of Charles II. Toronto and Buffalo, 1976. P. 25.

[2] Loades D. The English Maritime Community, 1500–1650 // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 14.

[3] Martin C., Parker G. The Spanish Armada. Manchester, 1999. P. 236.

[4] Ibid.

чаяния голодом, холодом и пренебрежением к ним властей полуживые матросы бредут к его дворцу в надежде получить хоть какую-то помощь, заявил, что один только вид оборванных толп, протягивающих руки и взывающих о помощи, наносит оскорбление его величественному взору и его блистательному двору. Он отдал приказ сэру Аллену Эпсли, занимающему пост лейтенанта Тауэра, не допускать их приближения, подавлять дерзость моряков «расстрелом или другими самыми оскорбительными для них способами»[1].

Если в мирные годы правления его отца Якова I Стюарта люди считали, что галеры все-таки лучше королевской службы, то в начале правления его сына Карла они пришли к выводу, что виселица гораздо предпочтительнее[2], поскольку быстрый и безболезненный конец жизни на виселице, в любом случае будет лучше презрения и тех неимоверно ужасных и долгих мучений, итогом которых так или иначе будет смерть.

Но на данном этапе исторической науки эта история флота «снизу», являющаяся отражением набравшего популярность антропологического направления в исторической науке, лишь пробивает себе дорогу. Начало положил Джеффри Скаммелл, еще в 1970-м г. опубликовавший в «Mariner's Mirror» статью «Личный состав английской торговой службы в XVI в.»[3]. Но это исследование Скамелла было посвящено морякам, служившим исключительно на торговых судах. Люди, нанимавшиеся на эти суда, как и их цели, особенности их быта все-таки существенно отличались от тех, кто волею судьбы оказывался на военных кораблях. Спустя 12 лет в этом же журнале вышла статья Кеннета Эндрюса «Елизаветинские моряки»[4], в которой автор попытался исследовать людей, служивших именно в ко-

[1] Calendar of the State Papers, Domestic series, Of the Reign of Charles I. Vol. liii, February 1627. N. 9. L., 1858. P. 44.

[2] Coke MSS., 27th February 1626.

[3] Scammell G.V. Manning the English Merchant Service in the Sixteenth century // The Mariner's Mirror. 1970. Vol. 56. N. 2. P. 131-154.

[4] Andrews K.R. The Elizabethan Seaman // The Mariner's Mirror. 1982. Vol. 68. N. 3. P. 245-262.

ролевском флоте второй половины XVI в. И лишь в 2012 г. была опубликована небольшая коллективная монография группы военно-морских историков под названием «Социальная история английских моряков 1485–1649 гг.»[1]. В этой работе авторы затронули широкий круг вопросов, начиная от особенностей морского сообщества обозначенного периода[2] до религиозной культуры на борту английских кораблей[3], особенностей быта и здоровья тех, кто нес на них службу[4], а также особенностей жизни их оставшихся на суше жен и вдов и детей[5].

В любом случае, несмотря эти публикации, данный подход находится лишь на начальной стадии своего развития. Игнорирование «истории снизу» не даст нам возможность увидеть военно-морские силы в динамике, понять трудности их становления. Без обращения к простому моряку мы не в состоянии воспринять флот целостно, и его лишенная красок картина в нашем сознании останется незавершенной и искаженной.

---

[1] The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. 350 p.

[2] Loades D. The English Maritime Community, 1500–1650 // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 5-26; Fury Ch.A. The Elizabethan Maritime Community // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 117-140.

[3] Patarino V.V.Jr. The Religious Shipboard Culture of the Sixteenth and Seventeenth-Century English Sailors // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 141-192.

[4] Fury Ch.A. Health and Health Care at Sea // The Social History of the English Seamen, 1485-1649. Woodbridge.: The Boydell Press, 2012. P. 193-228; Hudson G.L. The Relief of the English Disabled Ex-Sailors, c. 1590–1680 // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge.: The Boydell Press, 2012. P. 229-252; Stirland A. The Men of the Mary Rose // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 47-74.

[5] Fury Ch.A. Seamen's Wives and Widows // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 253-276.

И еще одним, как представляется, весьма перспективным подходом, дающим возможность посмотреть на королевский флот с принципиально иного ракурса, является его рассмотрение в качестве культурного феномена эпохи.

В раннее Новое время королевские корабли в отдельности и военный флот в целом являлись символом могущества страны в глазах англичан. Можно говорить, что общество той эпохи воспринимало флот через формируемый в сознании его образ, прослеживаемый, например, в военно-морских песнях и балладах эпохи[1]. Отчасти этому способствовала та роль, которую сыграли военно-морские силы в защите Англии, отчасти его формированию помогала и целенаправленная пропаганда в годы правления Елизаветы. Трудно не заметить, что в этих условиях королевский флот, а также все морские силы страны превращались в символ возникающего национального государства, идущего на смену средневековому королевству. Они же способствовали становлению этого «Etat Moderne».

Конечно же военный флот являлся и важным средством репрезентации королевской власти династии Тюдоров и первых Стюартов. Если присмотреться к дошедшим до нас гравюрам и картинам, легко можно заметить некие правила изображения боевых кораблей. Эти изображения довольно эмблематичны. В эпоху Тюдоров существовали целые церемониалы и представления, в которых были задействованы королевские корабли.

Для основателя постоянного королевского флота Генриха VIII военные корабли являлись его детищем и предметом особой гордости, они позволяли ему репрезентировать силу и величие его власти как внутри страны, так и вовне. И особенно это заметно в таких их названиях, как «Peter Pomegranate», «Mary Rose», также в названии заложенного на стапелях сразу после разрыва с Римом огромного флагмана, носящего весьма эмблематичное и гордое название «Henry Grace a Dieu», призванного утверждать, что монарх теперь не просто король, но

[1] Naval Songs and Ballads // Ed. by C.H. Firth. L.: Navy Record Society, 1908.

император в своем королевстве. Вторым официально признаваемым, но более принятым в среде простого люда названием, было «Great Harry». Оно демонстрировало взаимную близость и любовь короля Генриха и народа Англии. Вряд ли власть, принимая решение о его строительстве, не понимала, что этот неповоротливый гигант в полторы тысячи тонн с плохими ходовыми качествами будет практически бесполезен в реальном сражении. Но Генриха, который и сам был вполне приличным моряком, это не смущало, как не смущало его и понимание, что даже на приколе в гавани содержание «Henry Grace a Dieu» будет опустошать королевскую казну. Изначально для монарха было важно лишь то, что этот корабль будет нести огромную символическую нагрузку.

Для его сына характерно иное, подчас, фанатичное и в чем-то иррациональное отношение к флоту. Здесь стоит вспомнить, например, огромное по своим масштабам специально разыгранное для юного Эдуарда VI в Дептфорде красочное представление на воде с участием боевых судов, штурмующих бутафорский вражеский форт. Конечно форт был взят, а король с восторгом в глазах эмоционально реагировал на каждое действо и оставил после этого восторженное описание происходившего[1]. Интересно, что и католичка Мария, прекрасно понимавшая не только материальную, но и символическую значимость флота, всячески его холила и лелеяла, несмотря на то, что в среде высшего военно-морского руководства были распространены видимые оппозиционные настроения. В годы правления Елизаветы военно-морские силы, благодаря их роли в отстаивании независимости страны, в победе над Непобедимой Армадой, окончательно становятся предметом особой гордости в глазах простых англичан.

Сегодня нам остается лишь удивляться, что данный подход до сих пор не нашел популярности в сообществе историков, изучающих английский королевский флот обозначенного периода.

[1] The Chronicle and Political Papers of King Edward VI. P. 36-37.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что только использование всех подходов в совокупности даст нам возможность воссоздать целостную картину английского флота раннего Нового времени.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Calendar of the State Papers, Domestic series, Of the Reign of Charles I. Vol. liii. L., 1858.

The Chronicle and Political Papers of King Edward VI.

Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. Vol. I – VII. L., 1907.

Naval Songs and Ballads // Ed. by C.H. Firth. L.: Navy Record Society, 1908.

Purchas S. Hakluytus Posthumus or Purchas his Pilgrims. Hakluyt Society. Vol. XIV – XXXIII. L., 1905–1907.

Исследования / Scientific research

Гаврилов С.Н. Английский флот эпохи Тюдоров как государственный институт. Ростов-на-Дону, 2014. - Gavrilov S.N. Anglijskij flot jepohi Tjudorov kak gosudarstvennyj institut. Rostov-na-Donu, 2014.

Adams S. New light on the “Reformation” of John Hawkins; the Ellesmere Naval Survey of January 1584 // English Historical Review. 1991. Vol. 105.

Andrews K.R. Elizabethan Privateering during the Spanish War, 1585–1603. Cambridge, 1964.

Andrews K.R. The Elizabethan Seaman // The Mariner’s Mirror. 1982. Vol. 68. N. 3. P. 245-262.

Beer de E.S. The Lord High Admiral and the Administration of the Navy // The Mariners Mirror. 1927. Vol. 13.

Childs J. The Army of Charles II. Toronto and Buffalo, 1976.

Clowes W.L. The Royal Navy: a history from the earliest times to the present. Vol. I. L., 1897. P. V.

Davies C.S.L. The Administration of the Royal Navy under Henry VIII; the Origins of the Navy Board // The English Historical Review. 1965. Vol. 80.

Dietz B. The Royal Bounty and the english merchant shipping in the sixteenth and seventeenth centuries // The Mariner's Mirror. 1991. Vol. 77. N. 1.

Elton G.R. England under the Tudors. N.Y., 1955.

Elton G.R. Reform and Reformation: England, 1509–1558. Cambridge, 1977.

Elton G.R. Studies in Tudor and Stuart politics. Cambridge, 1974.

England, Spain and the Gran Armada, 1585–1604 / Ed. by Adams S., Rodriguez-Salgado M.J. Edinburgh, 1991.

Fernandez-Armesto F. The Spanish Armada: the experience of war in 1588. Oxford, 1988.

Froude J.A. History of England from the Fall of Cardinal Wolsey to the Defeat of the Spanish Armada. 12 Vol. L., 1856–1870.

Fury Ch.A. The Elizabethan Maritime Community // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 117-140.

Fury Ch.A. Health and Health Care at Sea // The Social History of the English Seamen, 1485-1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 193-228.

Fury Ch.A. Seamen's Wives and Widows // The Social History of the English Seamen, 1485-1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 253-276.

Glasgow T. The Maturing of Naval Administration 1556–1564 // The Mariner's Mirror. 1970. Vol. 56.

Glasgow T. The Navy in Philip and Mary's war // The Mariner's Mirror. 1967. Vol. 53.

God's Obvious Design / Ed. by Cruickshank D.W., Gallagher P. L., 1990.

Hudson G.L. The Relief of the English Disabled Ex-Sailors, c. 1590–1680 // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 229-252.

Hurstfield J. Tudor Constitution // English Historical Review. 1962. Vol. 77. P. 730.

Johns A.W. The Principal Officers of the Navy // The Mariner's Mirror. 1928. Vol. 14.

Laughton J.K. Howard, Charles, Lord Howard of Effingham, earl of Nottingham // Dictionary of National Biography. Vol. XXVIII. L., 1891.

Lewis M. The Spanish Armada. L., 1960.

Kenny R.W. Parliamentary Influence of Charles Howard, earl of Nottingham, 1536–1624 // The Journal of Modern History. 1967. N. 3. P. 215-232.

Loades D. The English Maritime Community, 1500-1650 // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012.

Loades D. The Tudor Navy. An administrative, political and military history. Cambridge, 1992.

Lucas C. Introduction // The Cambridge History of the British Empire. Vol. I. Cambridge, 1929. P. IV.

Markham C.R. The Hawkins Voyages During the Reign of Henry VIII, Queen Elizabeth and James I. L., 1878.

Marsden R.G. The Vice Admirals of the Coast // The English Historical Review. 1907. Vol. 22.

Martin C., Parker G. The Spanish Armada. Manchester, 1999.

Oppenheim M. A history of the Administration of the Royal Navy 1509–1660. Ann Arbor, 1896 (1966, 1988).

Patarino V.V.Jr. The Religious Shipboard Culture of the Sixteenth and Seventeenth-Century English Sailors // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 141-192.

Peck L.L. Court Patronage and Corruption in Early Stuart England. Boston; Unwin Hyman, 1990.

Perrin W.G. The Lord High Admiral and the Board of Admiralty // The Mariner's Mirror. 1926. Vol. 12.

Pollitt R. Bureaucracy and the Armada: the administrator's battle // The Mariner's Mirror. 1974. Vol. 60. N. 2.

Quinn D.B. The Voyages and Colonizing Enterprises of Sir H. Gilbert. Vol. I – II. L., 1940.

Scammell G.V. Manning the English Merchant Service in the Sixteenth century // The Mariner's Mirror. 1970. Vol. 56. N. 2. P. 131-154.

Scammell G.V. War at Sea under the early Tudors: some Newcastle upon Tyne evidence // Archaeologia Aeliana. 1960–1961. Vol. 38 – 39.

The Social History of the English Seamen, 1485-1649 / Ed. by Ch.A. Fury. Woodbridge: The Boydell Press, 2012.

Stefansson J.A., McCaskill E. The Three Voyages of Martin Frobisher in Search of a Passage to Cathay and India by the North-West. Vols. I – II. L., 1938.

Stirland A. The Men of the Mary Rose // The Social History of the English Seamen, 1485–1649. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. P. 47-74.

Williamson J.A. The Age of Drake. L., 1946.

Williamson J.A. Hawkins of Plymouth: a new history of Sir John Hawkins and of other members of His Family Prominent in Tudor England. L., 1949.

Williamson J.A. The Voyages of John and Sebastian Cabot. L., 1937.

Н.В. Ласкова
(Ростов-на-Дону)

ШОТЛАНДСКИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ ДАТСКО-РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВЕКОВ

В первой четверти XX в. шотландский историк А.Ф. Стюарт писал: «Того, кто отважился бы заявить о том, кто стал первым шотландцем, оказавшимся в России, несомненно, можно назвать смелым человеком»[1]. Именно так он оценил заявление российского ученого И.Х. Гамеля, который впервые предпринял попытку исследовать англо-русские контакты на раннем этапе их возникновения и развития. В его основанном на архивных материалах труде «Англичане в России в XVI и XVII столетиях» «первым приехавшим в Москву шотландцем» назван прибывший в составе датского посольства в 90-е гг. XV в. «местер Давид»[2].

Это предположение о первом шотландце на русской земле, принятое А.Ф. Стюартом ещё в 1913 г., с точки зрения зарубежных исследователей до сих пор не утратило актуальности[3]. Следует отметить, что в отечественной историографии

---

[1] Steuart A. Scottish influences in Russian History. Glasgow, 1913. P. 3.

[2] Гамель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. С. 162.

[3] Dukes P. Scottish soldiers in Moskovy // The Caledonian Phalanx. Scots in Russia. Edinburgh, 1987. P. 9; Murdoch St. Britain, Denmark-Norway and the House of Stuart, 1603–1660: A Diplomatic and Military

самая ранняя информация о контактах России с далекой Шотландией датировалась не ранее, чем 1507 г.[1], и до настоящего времени не предпринимались попытки проверить точку зрения Гамеля данными русских источников. В связи с этим личность и деятельности датского герольда Давида нуждаются в дополнительном изучении.

Данные русских летописных сводов, содержащих информацию о посольствах из Дании, посещавших Московию в последнем десятилетии XV века, неоднократно свидетельствуют о том, что главным послом «о любви и дружбе» от датского короля Иоганна являлся некто Давыд (или Давид), уроженец Шотландии, который впервые упомянут вместе с русскими послами Дмитрием Зайцевым и Дмитрием Ларевым, вернувшимися с ним в Москву из Дании летом 1494 г.[2]. Годом ранее Иоганн заключил мирный договор с московским Великим князем Иваном III. Русский правитель обещал военную помощь датской стороне в ее борьбе со Швецией, в свою очередь, Иоганн Датский согласился оказывать содействие русским в их противостоянии с Литвой[3]. Это обстоятельство объясняет активизировавшийся процесс переговоров на высшем уровне между двумя государствами. На шотландское происхождение датского посла и его пребывание в Москве в 1496 г также указывал

Analysis. Edinburgh, 2000. P. 22; Davidson P. Scotland and Russia — historical and mineralogical connections. — http://www.minbook.com/site_files/17-3-EN-Page42-45.pdf (март, 2024); Glozier M. Scottish Soldiers in Russia: Patrick Gordon of Auchleuchries and the Russo-Scottish connection // Journal of the Sydney Society for Scottish History. 2007. Vol. 11. P. 11.

[1] Казакова Н.А. Раннее известие о связях России и Шотландии // Вопросы истории. 1970. N. 7. С. 197, 198.

[2] Сокращенный летописный свод 1495 года // Полное собрание русских летописей. М., Ленинград, 1962. Т. 27. С. 366; Летописный свод 1497 года // Полное собрание русских летописей. М., Ленинград, 1963. Т. 28. С. 160.

[3] Skoog M. Fateful Mésalliance The Danish-Muscovite Treaties of 1493–1523 in Political and Religious Discourse // Zapiski Historyczne. T. 88. 2023. Z. 2. S. 66.

в своих “Записках о Московии” С. Герберштейн. Он эмоционально описал полное опасностей путешествие в Данию русского толмача Истомы с магистром Давидом, уроженцем Шотландии, послом датского короля[1].

Из шотландцев, известных в Дании в конце XV века под именем Давид, в шотландской историографии, по меньшей мере двоим приписывается посольство в Россию. Первый — уроженец Абердина, доктор теологии Петрус Дэвид (Питер Скотт). Получив образование в Кельне, в 1479 году Петрус Давид был приглашен преподавать в недавно открывшийся Копенгагенский университет и вскоре стал первым деканом гуманитарного факультета. В 1498 году, уже будучи ректором, он получил степень доктора богословия. Знаменитый датский педагог, поэт и музыкант Мортен Беруп (1446–1526) риторически вопрошал жителей крупного города Роскильда, могут ли они похвастаться кем-либо, кто мог бы сравниться с таким ученым, настоящим знатоком своего дела, как Питер Скотт? Прожив в Копенгагене почти полвека, этот шотландец умер там летом 1520 года, став жертвой эпидемии чумы. Ряд специалистов считают, что в «Записках о Московии» Герберштейна именно он назван «Местером Давидом», и что именно этот человек стал первым лицом шотландского происхождения, побывавшим в Московии[2].

Другой претендент, который, по-видимому, больше подходит на роль королевского посла, — шотландец Дэвид Кокран, герольдмейстер при дворе Иоганна (1481–1513) и Кристиана II (1513–1523). До прибытия в Данию, в Англии он был придворным Генриха VII, что, очевидно, повлияло на становление его дальнейшей дипломатической карьеры. Впоследствии став верным служащим датской короны, он, демонстрируя верность Кристиану II, разделил с ним изгнание, и в дальнейшем часто представлял интересы опального монарха на Бри-

[1] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 200-201.

[2] Christinsen T. Scots in Denmark in the sixteenth century… P. 129; Dukes P. Scottish soldiers in Moskovy… P. 9.

танских островах. Среди государств, которые посещал Дэвид Кокран, были Польша и Россия[1].

Сам факт службы уроженца Шотландии при датском дворе вполне объясним. Со второй половины XV века датско-шотландские отношения приобрели особое значение в связи с матримониальным союзом царствующих династий[2]. Отделенная от Шотландии только Северным морем, связанная с ней союзническими договорами и династическим родством, Дания была вполне подходящим и благоприятным местом жительства для шотландских эмигрантов[3]. Герольд Дэвид стал одним из тех, кому посчастливилось достичь престижного социального статуса в датском обществе.

В русских летописях не содержится информации о полном имени датского посла. Иногда он назван просто Давид, иногда Герлад Давид[4].

При этом, дополнение «Герлад» (адаптированный перевод с латинского «vestrum Oratorem Heraldum Magistrum David Kocken») обозначает, по-видимому, должность, а не имя. В XV в. обязанности придворного герольда были самые разные. Помимо составления гербов и генеалогий, ему надлежало извещать королевских подданных о любых важных событиях, а во время военных конфликтов выступать в качестве королевского курьера и посла. Таким образом, обязанности герольда позволяли Дэвиду Кокрану выполнять дипломатическую миссию в России, а запись “Дэвид Герлад” из русских летописей, хотя не передает его полного имени, но подтверждает, что посол, посетивший Москву, был герольдом в Дании, а не профессором теологии.

---

[1] Christinsen T. Scots in Denmark in the sixteenth century… P. 131.

[2] Riis T. Scottish-Danish relations… P. 82; Ласкова Н.В. Датско-шотландские отношения второй половины XV–XVI вв. // Исторические этюды. Вып. 5. Ростов-на-Дону, РГУ 2002. С. 49-52.

[3] Ласкова Н.В. Шотландцы в Дании XVI века // Исторические этюды. Вып. 2. Ростов-на-Дону, РГУ, 1997. С. 29-36.

[4] Летописный свод 1518 года // Полное собрание русских летописей. М., Ленинград, 1963. Т. 28. С. 347.

Обнаруживаются разные варианты написания фамилии герольда Давида — Кокен, Кокер, Кок, и наиболее подходящий для шотландца — Кокран (шотландским топоним)[1].

Дэвид Кокран часто бывал в России. Начиная с 1494 г. он являлся не только постоянным послом Иоганна Датского в Москву (в 1496, 1501, 1503, 1505–1507 гг.), но и неоднократно сопровождал русских послов к датскому двору[2]. При этом, следует заметить, миссия его была весьма непростая. Дело в том, что, воюя с Данией шведы всеми силами пытались избежать одновременных военных столкновений с Московией. В свою очередь, датский король неоднократно пытался спровоцировать московитов на агрессию в отношении Швеции. В октябре 1504 года дипломат Эрик Турессон докладывал шведскому королевскому совету о том, что его эмиссары недавно вернулись из Новгорода, подписав двадцатилетний мирный договор с русскими. При этом он не преминул добавить, что русско-датская дружба уже не так крепка, как раньше. Однако, в 1509 г. датскому послу Дэвиду Кокрану удалось убедить Великого князя Московского Василия III отменить заключенный со Швецией мирный договор 1504 г. и возобновить притязания на территории Финляндии. И даже после того, как шведы все же возобновили мир с Московией в марте 1510 г., Кокран не оставлял попыток подстрекать русских к нападению на Финляндию и шведские территории[3].

Летом 1514 г. Давид Герлад первый раз прибыл в Москву как «дацкий посол о любви» от Кристиана II Датского[4]. С 1514

---

[1] Гамель И.Х. Англичане в России… С. 16, 158; Steuart A.F. Scottish influences in Russian History… P. 13; Christinsen T.L. Scots in Denmark in the sixteenth century… P. 131.

[2] Сокращенный летописный свод 1495 года… С. 366; Летописный свод 1497 года… С. 160; Летописный свод 1518 года… С. 325, 335; Герберштейн С. Записки о Московии… С. 200; Гамель И.Х. Англичане в России… С. 15, 167.

[3] Pape C. The Early Danish-Muscovite Treaties, 1493–1523: Texts, Contexts, Diplomacy, Aarhus, 2022. P. 60, 66; Skoog M. Fateful Mésalliance. The Danish-Muscovite Treaties… S. 88.

[4] Летописный свод 1518 года… С. 347.

по 1517 годы, до окончательного заключения дружественного союза между двумя странами, происходили неоднократные обмены посольствами, непременным участником которых был Давид. Он, как и прежде, сопровождал русских послов в Данию: в 1515 г. Ивана Микулина и Василия Белого, а в июне 1516 г. Некраса Харламова с «докончальной грамотой»[1]. В это время с уроженцем Шотландии Давидом и познакомился находившийся в Дании С. Герберштейн[2].

Автор «Записок о Московии» не сообщает, встречался ли он с Давидом в 1517 г. в Москве, во время своего пребывания там. Но в «Жалованной грамоте датским купцам» Великого князя Василия Ивановича, датированной июлем 1517 г, упоминается факт аудиенции с участием герольда Давида, который от имени датского короля просил о дозволении датским купцам проживать в Новгороде и Ивангороде. Особой просьбой было дозволение им выстроить в этих крупных русских городах свои церкви[3]. После удовлетворения этой просьбы, в августе 1517 г. был заключён союзный договор между Великим князем Василием Ивановичем и Кристианом II Датским.

Между 1517 и 1521 гг. состоялся последний визит Давида Герлада в Россию. После 1521 г. его имя больше не упоминается в русских летописях. Согласно сведениям из датских источников, накануне посольского визита в Москву в 1527 г. он серьезно заболел, не смог оправиться после болезни и через два года умер[4].

Из «Ответных речей на посольство герольда Давыда...», составленных в 1521 г., можно узнать, что в ходе переговоров датский посол от имени Кристиана II предлагал русскому государю подтвердить дружественный союз двух государств конкретными делами. А именно: «Докончальными грамотами приказати», чтобы на рубежах подданным датского короля от

[1] Там же. С. 348, 351.

[2] Герберштейн С. Записки о Московии… С. 200.

[3] Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб., 1897. С. 21-22.

[4] Christinsen T. Scots in Denmark in the sixteenth century… P. 131.

людей русских «силы и обиды никоторой не было», а в случае воровства «о том опытати и грабёж сыскати»[1]. Необходимо отметить то обстоятельство, что кроме информации о цели последнего визита Дэвида Кокрана к русскому двору, данный документ позволяет убедиться, сколь важную роль сыграл этот шотландец в ходе становления и развития русско-датских отношений. Датский посол представлен здесь ещё и в качестве единственного лица, которому от имени русского правителя оказана высокая честь быть призванным в свидетели при обсуждении весьма щекотливой для союзников проблемы. Поднимая вопрос о неприкосновенности русских «земель и вод, которые изстари тянулись к Великому Новгороду», Великий князь и государь всея Руси напоминал Кристиану II, что так было «при великом князе при Юрие и при короле при Магнуше» и признано в «перемирных грамотах» со Швецией, которая «ныне с божьей волею стала отчиной нашего брата» короля Кристиана[2]. Вероятно, заранее допуская возможные сомнения Кристиана II по поводу русско-шведской договорённости о Новгородских землях, Василий III «велел говорити» ему что «посол твой Гералд Давыд тогды у нас был»[3], то есть предлагая, если возникнет такая необходимость, привлечь свидетельство доверенного лица.

Таким образом, принятый при дворе Ивана Грозного в 1553 г. Ричард Ченслер не был первым уроженцем далёких для России Британских островов, которому довелось выполнять дипломатическую миссию при московском дворе. Шотландец Дэвид Кокран, в качестве представителя датской короны, побывал в России почти на шесть десятилетий раньше. Шотландец по происхождению, датский герольд имел непосредственное отношение к процессу развития внешнеполитических связей Дании и России в конце XV – первой четверти XVI вв., являясь важным связующим звеном между Копенгагеном и Москвой.

---

[1] Русские акты Копенгагенского государственного архива… С. 23-28.

[2] Там же. С. 29-30.

[3] Там же. С. 29.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. — Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii. M., 1988.

Летописный свод 1497 года // Полное собрание русских летописей. М., Ленинград, 1963. Т. 28. — Letopisnyi svod 1497 goda // Polnoe sobranie russkikh letopisei. M., Leningrad, 1963. T. 28.

Летописный свод 1518 года // Полное собрание русских летописей. М., Ленинград, 1963. Т. 28. — Letopisnyi svod 1518 goda // Polnoe sobranie russkikh letopisei. M., Leningrad, 1963. T. 28.

Сокращенный летописный свод 1495 года // Полное собрание русских летописей. М., Ленинград, 1962. Т. 27. — Sokrashchennyi letopisnyi svod 1495 goda // Polnoe sobranie russkikh letopisei. M., Leningrad, 1962. T. 27.

Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб., 1897. — Russkie akty Kopengagenskogo gosudarstvennogo arhiva, izvlechennye Yu. N. Sherbachevym. SPb., 1897.

Исследования / Scientific research

Гамель И.Х. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865. — Gamel' I.H. Anglichane v Rossii v XVI i XVII stoletiyah. SPb., 1865.

Казакова Н.А. Раннее известие о связях России и Шотландии // Вопросы истории. 1970. N. 7. С. 197-198. — Kazakova N.A. Rannee izvestie o svyazyah Rossii i SHotlandii // Voprosy istorii. 1970. N. 7. S. 197-198.

Ласкова Н.В. Шотландцы в Дании XVI века // Исторические этюды. Вып. 2. Ростов-на-Дону, РГУ, 1997. С. 29-36. — Laskova N.V. Shotlandcy v Danii XVI veka // Istoricheskie etyudy. Vyp. 2. Rostov-na-Donu, RGU, 1997. S. 29-36.

Ласкова Н.В. Датско-шотландские отношения второй половины XV–XVI вв. // Исторические этюды. Вып. 5. Ростов-на-Дону, РГУ 2002. С. 49-52. — Laskova N.V. Datsko-shotlandskie otnosheniya vtoroj poloviny XV–XVI vv. // Istoricheskie etyudy. Vyp. 5. Rostov-na-Donu, RGU 2002. S. 49-52.

Christinsen T. Scots in Denmark in the sixteenth century // Scottish Historical Review. 1970. Vol. XLIX. P. 125-145.

Davidson P. Scotland and Russia — historical and mineralogical connections. — http://www.minbook.com/site_files/17-3-EN-Page42-45.pdf (март, 2024).

Dukes P. Scottish soldiers in Moskovy // The Caledonian Phalanx. Scots in Russia. Edinburgh, 1987. P. 9-23.

Glozier M. Scottish Soldiers in Russia: Patrick Gordon of Auchleuchries and the Russo-Scottish connection // Journal of the Sydney Society for Scottish History. 2007. Vol. 11. P. 9-22.

Murdoch St. Britain, Denmark-Norway and the House of Stuart, 1603–1660: A Diplomatic and Military Analysis. Edinburgh, 2000.

Pape C. The Early Danish-Muscovite Treaties, 1493–1523: Texts, Contexts, Diplomacy, Aarhus, 2022.

Riis T. Scottish-Danish relations in the sixteenth century // Smout T. Scotland and Europe, 1200–1850. Edinburgh, 1986. P. 82-96.

Skoog M. Fateful Mésalliance The Danish-Muscovite Treaties of 1493–1523 in Political and Religious Discourse // Zapiski Historyczne. T. 88. 2023. Z. 2. S. 65-95.

Steuart A. Scottish influences in Russian History. Glasgow, 1913.

Т.Л. Лабутина
(Москва)

АНГЛИЙСКИЙ ПОСОЛ ЭД. ФИНЧ О СВЕРЖЕНИИ Э.И. БИРОНА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ)

Останавливаясь на характеристике роли бюрократии и вельмож в управлении Российским государством, известный историк Н.И. Павленко особую роль отводил фаворитам и фавориткам царствующих особ, подчеркивая, что «фаворитизм — непременный спутник монархической формы правления»[1]. Особое, даже уникальное место, на взгляд ученого, среди фаворитов XVIII века занимал Эрнст Бирон, которому императрица Анна Иоанновна полностью покорилась, а тот «позволял себе все, что взбредет в его не обремененную разумом голову»[2].

Деятельность Э.И. Бирона при дворе Анны Иоанновны основательно изучена в отечественной историографии[3]. До недавнего времени в российской исторической науке прочно утвердилось суждение о том, что Бирон являлся основателем той самой системы правления — «бироновщины», которая, по словам И.В.

---

[1] Павленко Н.И. Страсти у трона. М., 2018. С. 269.

[2] Там же. С. 269-270.

[3] Шубинский. С.Н. Арест и ссылка Бирона // Очерки из жизни и быта прошлого времени. СПб., 1888. С. 52-73.; Лебедев А. Бироновщина. М., 1912.; Эрнст Иоганн Бирон. М., 1992; Павленко. Н.И. Страсти у трона. М., 1996; Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2004; Курукин И.В. Бирон. М., 2014.

Курукина, обернулась для страны ухудшением положения народных масс, застойным развитием производительный сил, расстройством государственного хозяйства[1]. Добавим, еще и засилием немцев на высших государственных должностях.

Сюжет, связанный со свержением Бирона, историки чаще всего описывали, основываясь на воспоминаниях одного из главных исполнителей заговора и ареста фаворита полковника Х.Г. Манштейна[2]. Менее изученным оказались свидетельства английского посла Эдварда Финча, сохранившиеся в его переписке с госсекретарем Великобритании. Как правило, исследователи приводили лишь отдельные фрагменты из данного источника. В этой связи автор предпринял попытку восполнить существующую лакуну, обращаясь к детальному анализу свидетельств очевидца событий. Учитывая, что секретная информация собиралась и передавалась послом в Лондон по заданию короля Великобритании, можно предположить, что она носила по большей степени объективный характер и отличалась достоверностью.

Чрезвычайный посол Эдвард Финч прибыл ко двору российской императрицы Анны Иоанновны в мае 1740 г. Выходец из аристократической семьи, опытный дипломат и политик, на протяжении многих лет избиравшийся в парламент, Финч рьяно взялся за порученное ему королем Георгом II Ганновером задание: заключить оборонительный или союзный договор с Россией[3]. Свою миссию дипломат выполнил успешно: российско-британский оборонительный договор, по условиям которого стороны обязались в случае нападения оказать военную помощь друг другу, был подписан в 1741 году. Однако реали-

[1] Курукин И.В. Указ соч. С. 2.

[2] Записки Манштейна о России. 1727–1744. Пер. с франц. СПб.,1875. С. 198-200.

[3] Подробнее см.: Лабутина Т.Л. Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г. // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 51-65; Она же. Дипломатическая дуэль англичан и русских: переговоры о союзном договоре 1741 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 3. М., 2021. С. 47-63.

зация трактата замедлилась из-за дворцового переворота: 25 ноября к власти пришла дочь Петра I — Елизавета Петровна. Так волей случая Эдвард Финч оказался свидетелем этого события, а также предшествующего ему свержения Э.И. Бирона. О случившемся посол подробно извещал в своих депешах госсекретаря Великобритании лорда Гаррингтона.

В первых числах октября 1740 г. Финч сообщал в Лондон о резком ухудшении состояния здоровья императрицы. Анна Иоанновна решила объявить свою волю, касавшуюся престолонаследия. «Вчера, — писал Финч 1 октября, — граф Остерман, который по слабости своего здоровья… уже несколько лет не выходит из дома, был перенесен во дворец; он оставался там до ночи… К вечеру царица послала за принцессой Анной… и объявила своим преемником юного принца Ивана, что весьма удивило и опечалило… принцессу»[1]. На следующее утро указ императрицы был объявлен, и все полки, гвардия, чиновники присягнули защищать и поддерживать установленный порядок престолонаследия. 2 октября герцог Курляндский (Э.И. Бирон) созвал во дворец министров и первых сановников, которых пригласили к постели государыни, объявившей им свое решение. Между тем, вопрос о регенте младенца-правителя продолжал оставаться открытым.

Во время беседы министров, свидетельствовал Финч, А.П. Бестужев-Рюмин поделился своими соображениями по поводу кандидатуры регента. Он полагал, что в случае, если регентшей станет мать наследника Анна Леопольдовна, племянница Анны Иоанновны, то она сможет узурпировать власть и «переменить» порядок престолонаследия. К тому же принцесса совершенно не знает ни иностранных, ни внутренних дел России, а ее супруг герцог Антон Ульрих Брауншвейгский, связанный родственными узами с венским и берлинским дворами, будет оказывать «слишком большое влияние на правительство Рос-

[1] Цит. по: Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке. Пер. с франц. СПб., 2005. С. 90-91.

сии»[1]. На взгляд Бестужева-Рюмина, более подходящей кандидатурой на место регента был герцог Курляндский, поскольку он «сведущ во всех делах, предан истинным интересам России, занимает высокое положение и характер имеет осторожный и неустрашимый»[2]. И, как отмечал Финч, министры согласились с подобным мнением Бестужева-Рюмина. Между тем, дипломат высказывал предположение, что сам герцог «не мог не знать о решении Ее Величества в его пользу», но желал показать, что его регентство одобрено не только императрицей, но и всеми министрами.

17 октября 1740 г. императрица Анна Иоанновна скончалась. «Смерть ее сопровождалась столь ужасными муками, — писал Финч, — что даже те, кто имели более всех прочих интереса в сохранении жизни царицы, не могли не молить Бога избавить ее от таковых страданий… Герцог Курляндский оставался при ней до последней минуты»[3].

На следующее утро во дворец прибыл Остерман и «все знатнейшие персоны», а также принцесса Анна и герцог Брауншвейгский. Было решено все документы усопшей немедленно опечатать. Среди них оказался и документ, согласно которому великий князь Иоанн Антонович провозглашался наследником, а герцог Курляндский регентом на время его малолетства. Сразу же по оглашении документа, была принесена присяга всеми присутствующими, тремя пехотными полками и кавалерийским полком, а затем лицами всех рангов, русскими и иностранцами. «Так установилось престолонаследие и регентство — спокойно, тихо, будто Ее Величество только перебралась из Летнего дворца в Зимний», — заключал Финч[4].

---

[1] Цит. по: Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке. Пер. с франц. СПб., 2005. С. 92-93.

[2] Там же. С. 93.

[3] Цит. по: Тургенев А.И. С. 96.

[4] Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1740 по 3 марта 1741 г. // Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 85. СПб., 1893. С. 331.

Заметим, что посол обратил внимание на стремление Бирона укрепить свои позиции и заручиться доверием правительницы. Хотя, по его мнению, между ними никогда не существовало близости, так как герцог всегда видел в принцессе «смертельного врага» и чувствовал, что присвоение регентства в ущерб ей она ему никогда не простит, тем не менее, он уверял, что Анна Леопольдовна «всегда найдет доказательство его полного почтения и уважения к ее высочеству, как к личности, и как к матери императора»[1]. Выделив Анне Леопольдовне на содержание двора 200 тыс. руб. в год (около 50 тыс. ф.ст.), герцог Курляндский присовокупил, что, если она пожелает получать большую сумму, ей надлежит только дать о том знать ему.

Между тем, регенту вскоре доложили, что адъютант принца Брауншвейгского вместе с другими офицерами Семеновского полка, в котором принц занимал чин подполковника, ведут беседы «очень свободно» и в присутствии принца заявляют, что регентство должно принадлежать ему. Они намекали, будто распоряжения покойной императрицы о регентстве было добыто хитростью, а может быть и вовсе подложно, а потому «легко может быть уничтожено *насильственным переворотом*»[2]. Бирону передали также, что принц не препятствовал офицерам произносить подобные «легкомысленные и мятежные речи». Регент тотчас отправился к принцу и сообщил ему обо всем услышанном. Как утверждал Финч, за этим последовали «горячие объяснения». Герцог заявил принцу, что хотя тот и является отцом императора, но как российский подданный обязан ему, герцогу, подчиняться. Принц «почтительно просил прощения» и уверял регента, что впредь будет вести себя осторожнее и не вызовет ни малейших замечаний или жалоб.

Однако подобного заверения Бирону показалось мало. От принца он направился к Анне Леопольдовне и сообщил ей о состоявшемся разговоре. Правительница заявила, что ничего

---

[1] Там же. С. 332.

[2] Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1740 по 3 марта 1741 г. // СИРИО. Т. 85. С. 333.

о происшедшем не знала, тем более участия в упомянутых разговорах не принимала, и отнюдь их не одобряет. Тем не менее, на следующий день 23-го октября 1740 г. принц был призван ко двору, где собрались кабинет-министры, Сенат, генералитет, перед которыми он должен был «выдержать нечто вроде допроса». Регент, изложив перед собравшимися дело, поинтересовался у принца, что он об этом думает и чего домогается? «Мне передавали, — писал Финч, — будто принц был настолько слаб, что со слезами на глазах отвечал, что замышлял восстание… и захват регентства»[1]. После разбирательства адъютант принца и другие офицеры, замешанные в мятежных разговорах, были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость. Сам принц вскоре подал прошение об отставке, как утверждал посол, «явно по желанию регента»[2]. Он «добровольно заточил себя» в апартаментах Анны Леопольдовны и, как передавал Финч слова герцога Курляндского, его попытка «помятежничать» вызвали скорее жалость «по поводу недомыслия», поскольку он позволил «втянуть себя в такую безумную историю».

Разобравшись с делом принца Брауншвейгского, Бирон предпринял шаги, направленные на привлечение на свою сторону великой княжны Елизаветы Петровны. Как повествовал Финч, за все время царствования Анны Иоанновны великая княжна была «как бы в загоне», но герцог всегда оказывал ей определенные услуги. Теперь же он всячески старается привлечь ее на свою сторону, зная, что она очень популярна и любима как в силу своих личных качеств, так и по воспоминаниям о ее отце Петре I. Регент посетил великую княжну и заявил, что его всегда смущало стесненное положение ее высочества, не позволяющее ей жить согласно ее статусу, а потому он распорядился, чтобы она получала 50 тыс. руб. в год в дополнение к прежнему содержанию. Кроме того, ей будут выданы недоплаченные за прежнее время деньги, чтобы она могла расплатиться с долгами. Подобное отношение к Елизавете Петровне,

[1] Там же. С. 334.
[2] Там же. С. 349.

наряду с милостивым манифестом от имени регента, на взгляд Финча, было встречено «чрезвычайно радостно».

Как это ни покажется странным, но посол был уверен, что все офицеры и полки гвардии, а также большая часть армии поддерживают регента, а губернаторы большинства провинций являются его креатурой и вполне ему преданы. Англичанин полагал, что герцога Курляндского любят, так как он «оказал добро множеству лиц, зло же от него видели очень немногие, да и те могут пожаловаться разве на его грубость, на его резкий характер…»[1]. Финч был уверен в том, что правление Бирона принесет пользу России. В то же время посол не сомневался, что всегда найдутся в обществе «резонеры», готовые распространяться о чрезвычайном возвышении человека, которого еще недавно столь многие знали частным лицом. Но, как бы то ни было, «беспорядков, способных низвергнуть регентство», это не вызовет, заключал Финч[2].

Английский посол извещал госсекретаря о действиях герцога, направленных на укрепление своего положения в роли правителя. «…Регент чрезвычайно усердно занимается делами, — писал он 8 ноября 1740 г. — Он почти каждое утро присутствует в заседаниях кабинета, а на этой неделе посетил… Сенат, а также Адмиралтейство для закладки нового 66-пушечного корабля, к постройке которого будет преступлено немедленно». Регент потребовал подробных отчётов о состоянии армии, флота, доходов, а также обо всех отраслях управления империи, чтобы точно знать, в каком положении каждая из них находится в начале его регентства, и в каком виде они останутся, когда ему доведется оставить регентство. Бирон также распорядился пополнить ряды армии, для чего приказал набрать 30 тыс. рекрут. Финч обратил внимание на распоряжение регента издать закон, по примеру Швеции и Дании, для ограничения роскоши, согласно которому запрещалось использо-

[1] Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1740 по 3 марта 1741 г. // СИРИО. Т. 85. С. 339.

[2] Там же. С. 341.

вать золото и серебро в качестве украшений в одежде. Подобное распоряжение, на взгляд дипломата, несомненно, будет встречено «общим сочувствием» и особенно придворными, на которых чрезвычайные расходы на наряды ложились тяжелым бременем[1]. Наконец, регент сумел добиться установления «добрых отношений» с принцессой Анной Леопольдовной, с которой часто общался.

Казалось, ничто не предвещало никаких потрясений. Как утверждал Н.И. Павленко, переворот, случившийся в ночь на 8 ноября 1740 года, «не имел аналогов и отличался необычайной легкостью: ему не предшествовали тайные совещания заговорщиков, разработка плана действий и т.п.»[2]. Однако активная деятельность, которую развил герцог Бирон, резко оборвалась в результате дворцового переворота, во время которого регент и его семейство подверглись аресту. Подробную картину событий посол представил Гаррингтону в депеше от 18 ноября 1740 г. Он уверял госсекретаря в том, что в замысле о низвержении регента участвовали правительница Анна Леопольдовна и фельдмаршал Б.Х. Миних. Частые свидания регента с принцессой, писал Финч, принимались за доказательство их добрых отношений, приписывались заботам ее высочества «о прекращении неудовольствий» между принцем-супругом и регентом по делу арестованных офицеров. Между тем, как оказалось, свидания эти проходили «в весьма горячих постоянных препирательствах», во время которых регент даже высказал принцессе, что от его воли зависит выслать ее вместе с супругом в Германию. После такого заявления всякое соглашение стало для Анны Леопольдовны невозможным. И когда 8 ноября к ней на прием явился фельдмаршал Миних, принцесса решилась ему открыться. Она утверждала, что с первой минуты кончины покойной государыни она и ее супруг подвергались «величайшим оскорблениям и обидам»; что они живут под непрерывным опасением насилия со стороны регента, и, кажется, им не остается другого выхода, как уехать

[1] Там же. С. 365.

[2] Павленко Н.И. Указ. соч. С. 126.

из России. Выслушав принцессу, Миних заявил, что «узы долга» по отношению к государю, в верности которому он присягал, привязанность к ее высочеству и к принцу, как к родителям государя, «полное отвращение к резкому и самовольному поведению регента» — все это внушает ему решимость послужить принцессе и освободить Россию «от тирании пагубного регентства»[1]. Примечательно, что посол обращал внимание на тот факт, что сам фельдмаршал в свое время во многом содействовал установлению регентства. Финч также упомянул, что эти подробности были переданы ему лично Минихом, который снизошел до рассказа о том, как герцог, опасаясь его, «всегда мешал ему исподтишка»[2].

Далее Финч повествовал о событиях, предшествующих перевороту. Ему передавали, будто герцог, разъезжая по городу утром 8 ноября, обратил внимание, на то, что на улицах было очень мало народа. Это произвело на него неприятное впечатление. Многие прохожие имели «вид печальный, удрученный, мрачный, будто недовольный». Во время обеда, на котором присутствовал и фельдмаршал Миних, Бирон оставался «очень задумчивым и молчаливым». После обеда фельдмаршал откланялся и отправился домой, хотя его семья еще оставалась во дворце. Затем он посетил Анну Леопольдовну, чтобы удостовериться, не имеет ли она каких-либо распоряжений, так как его план созрел, и он намерен осуществить его в ту же ночь. Правительница заявила, что всецело полагается на него. От принцессы фельдмаршал вместе с графом К.Г. Лёвенвольде отправились ужинать к герцогу. Бирон «жаловался на упадок духа, на подавленность… которой не ощущал до сих пор никогда в жизни». Оба гостя отвечали, что это легкое расстройство, которое вскоре пройдет. Тем не менее, за ужином и в течение всего вечера, «обыкновенно довольно болтливый» герцог едва ли вымолвил слово. Около 10 часов все разошлись. Фельдмаршал возвратился домой и лег в постель, хотя и не смыкал глаз. В 2 часа он встал и послал за старшим адъютан-

[1] СИРИО. Т. 85. С. 382.
[2] Там же. С. 383.

том Х.Г. Манштейном, «Отправляйтесь немедленно в Зимний дворец и дожидайтесь меня там, — приказал ему Миних. — Скажите и караульным офицерам, что я приду, чтобы они вывели караул мне навстречу и находились во главе его, так как я имею сообщить им нечто очень важное»[1]. Манштейн отправился исполнять приказ, а вскоре за ним последовал и сам фельдмаршал. Достигнув главного караула, Миних обратился к офицерам с краткой речью и, получив от них уверение в готовности следовать за ним для защиты отечества и безопасности государя, предложил им выбрать 40 лучших гренадер, на которых можно положиться, а затем вместе с Манштейном поднялся в покои Анны Леопольдовны. Граф рассказал ей о своих распоряжениях и что решился во главе отряда отправиться в Летний дворец и захватить герцога. Он просил принцессу подтвердить офицерам, что действует по ее приказанию. Возглавив отряд, фельдмаршал объявил, что «регент — злодей России, враг своего государя и всей императорской фамилии» и его приказано арестовать[2]. Эти слова были приняты с воодушевлением, и отряд выдвинулся в направлении к Летнему дворцу. По прибытии на место, граф отправил Манштейна в спальню герцога. Дверь в покои оказалась незапертой. Маншейн с 12 гренадерами вошел, вытащил из постели герцога, заявив, что пришел арестовать его и отвезти в Зимний дворец. Герцог пытался сопротивляться, но подоспели гренадеры. Как повествовал Финч, «в борьбе они разорвали рубашку герцога и вообще обращались с ним грубо. Одолев его, ему завязали руки и заткнули рот. И он, и герцогиня вынесены были на улицу почти в рубашках… Видя, что арестованные почти наги, с постелей сняли два одеяла и набросили на них. Их затем посадили в карету фельдмаршала и пленными привезли в караульную комнату Зимнего дворца»[3]. После ареста регента Манштейн арестовал его брата — генерала Бирона, а также кабинет-министра А.П. Бестужева-Рюмина. Их тоже привезли сначала

[1] СИРИО. Т. 85. С. 388.
[2] Там же. С. 389.
[3] Там же. С. 390-391.

в Зимний дворец, а затем отправили в шлиссельбургскую крепость.

На следующий день ко двору были собраны все сановники, и принцесса Анна Леопольдовна объявлена великой княгиней с титулом «императорского высочества», причем на нее было возложено на время малолетства императора и государственное управление. Отслужили молебен, после которого великая княгиня вышла в голубой ленте и именем юного императора провозгласила ряд повышений. Так, ее супруг принц Брауншвейгский был назначен генералиссимусом. Поначалу это звание предложили фельдмаршалу Миниху, но он отказался принять его, изъявив желание, чтобы армия удостоилась чести состоять под командой отца государя. Сам фельдмаршал был назначен первым министром. Ему отвели дом бывшего регента, расположенный рядом с Зимним дворцом. Супруга фельдмаршала, графиня Миних должна будет занимать на выходах первое место вслед за принцессами крови. Брату фельдмаршала, барону Миниху даровали 20 тыс. рублей на уплату долгов. Графа Остермана назначили генерал-адмиралом, князя Черкасского — канцлером, графа Головкина — вице-канцлером. Обер-гофмаршалу Лёвенвольде обещали оплатить его долги в размере 80 тыс. рублей. Фельдмаршалу князю Трубецкому простили долг казне в 10 тыс. рублей. Главный участник при аресте герцога, старший адъютант фельдмаршала Миниха — Манштейн, был назначен полковником астраханского полка, расположенного в Петербурге и признанного одним из лучших полков действующей армии. Он также получил поместье в Ингерманландии, прежде принадлежавшее генералу Бирону и приносившее около 2 тыс. рублей ежегодного дохода. Что касается графа Остермана, то он по-прежнему оставался заведовать иностранными делами. «Весь этот переворот, — заключал Финч, — произошел со спокойствием, которому возможно приравнять разве общую радость, им вызванную»[1] .

О причинах свершившегося переворота Финч сообщал Гаррисону в депеше от 15 ноября 1740 г. Он полагал, что «ве-

[1] СИРИО. Т. 85. С. 371.

ликий переворот» «поставит русские дела на более прочную ногу», так как великая княгиня, «являясь охранительницей сына» и приняв на себя на время его малолетства управление обширными владениями, осуществляет самую естественную форму правления. «Было бы большим счастьем для бывшего регента, если бы он последовал мудрому совету некоторых лиц, а не обманчивой лести, и с самого начала повел дело к… осторожному и благому концу, — писал дипломат. — Таким образом он подготовил бы себе безопасное и почетное отступление, и мог бы наслаждаться накопленным значительным богатством и немаловажным герцогством под покровительством правительства, явно заинтересованного в его поддержке… Между тем… домогаясь все большего и большего, преследуя цели все более и боле заносчивые, он теперь теряет все, и повергнут не только ниже, чем когда-либо стоял, но в одно из наиболее жалких положений, возможных для человека»[1].

Финч информировал госсекретаря также о печальной участи семейства регента. Адъютант фельдмаршала Вольфрод, посланный 12 ноября к герцогу за драгоценностями, рассказывал, будто в Шлиссельбурге «встретил картину полного отчаянья». Когда он потребовал выдать драгоценности, герцог изменился в лице и не сказал ни слова, герцогиня же бросилась к ногам Вольфрода и, обнимая его колени, молила ходатайствовать о милости к семье. Подобная реакция герцогини Курляндской не удивила Финча, поскольку по доходившим до него слухам, «еврей Липман, покупавший драгоценности для герцога», утверждал, что ценность их исчисляется 3 млн рублей, т.е. более чем 650 тыс. ф. ст. — «сумма огромная, почти невероятная, даже если стоимость их (бриллиантов. — *Т. Л.*) удвоена»[2]. Адъютанту приказано было оставить заключенным лишь надетые на них черные одежды, немного белья и 400 рублей из 400 тысяч, имевшихся у них с собой. Остальные деньги, а также часы герцогини, ее золотую табакерку и кошелек с 170 дукатами адъютант привез во дворец. С уничтожением регентства,

[1] СИРИО. Т. 85. С. 373.
[2] Там же. С. 375.

продолжал Финч, были уничтожены также все акты, подписанные бывшим регентом, с тем, чтобы «имя его никогда не попадалось ни в одном учреждении».

В своем сообщении в Лондон Финч приводил текст циркулярной ноты с обращением к представителям иностранных государств по поводу переворота: «Регент во многом отступил от воли покойной императрицы, что особенно проявилось в недостаточно внимательном и почтительном отношении к императорской фамилии, преимущественно к родителям государя; он кроме того питал замыслы, весьма опасные для благосостояния и безопасности России. Посему принцесса… Анна Леопольдовна признала нужным арестовать его, и по совещании с Синодом, генералитетом и Сенатом, лишить его регентства, и… до полнейшего разъяснения его поведения, арестовать…и задержать в пределах империи»[1].

О том, какие события последовали после смещения с должности регента, Финч также сообщал в ряде депеш. Так, он обратил внимание на то, что осложнились отношения Анны Леопольдовны и фельдмаршала Миниха и многие ожидают его скорое падение. Ухудшились также отношения Миниха с графом А.И. Остерманом. В то время, как позиции фельдмаршала ослабевали, положение графа Остермана укреплялось, благодаря его частым встречам с принцем Брауншвейгским. И вскоре стали ощущаться «плоды» этих посещений: управление приобрело «более естественное течение». Финч перечислил должности, которые заняли сановники в правительстве: за графом Остерманом по-прежнему останется руководство внешними сношениями, а также переписка с представителями России при иностранных дворах; канцлер и вице-канцлер отвечают за внутренние дела. За фельдмаршалом останутся военная коллегия и армия, «да и то с обязательством докладывать обо всем принцу-генералиссимусу». Два-три раза в неделю министры обязаны являться к правительнице для доклада. На этих аудиенциях должен присутствовать и принц, хотя фельдмаршал Миних, как полагал Финч, думал было устранить его вы-

[1] Там же. С. 374-375.

сочество от дел и превратить само его звание генералиссимуса в почетный титул[1].

Примечательно, что о положении дел при дворе и о сложных отношениях с Минихом дипломат узнал от самого принца, утверждавшего, что тот уже имел «несколько горячих споров с фельдмаршалом». Хотя Антон Ульрих и признавал полезной деятельность Миниха в военном ведомстве, а также ценил оказанную им услугу, однако, из этого не следовало, «чтобы он обратился в великого визиря». Если фельдмаршал примирится со своим настоящим положением, никто его не тронет, продолжал принц, но, если он «даст волю резкости своего характера, собственное неразумие может вовлечь его в погибель»[2].

Судя по всему, положение фельдмаршала Миниха при дворе становилось все более неустойчивым, если Финч обратил внимание на то, что в последнее время он «повадился… делать продолжительные визиты» к великой княгине Елизавете Петровне. По всей вероятности, не без участия Миниха, великой княгине выплатили в счет пенсии за 4 месяца 50 тыс. руб. Все это явно не нравилось правительнице. В это время Финч получил от великой княгини приглашение на карточную игру, однако из-за встречи с Остерманом не смог им воспользоваться. «Я полагал, — докладывал дипломат госсекретарю 24 февраля 1741 г., — что речь идет об обычной партии с кем-либо из прочих представителей иностранных держав, но, к большому прискорбию своему, узнал, что как раз мне хотели дать случай переговорить с великой княгиней наедине»[3]. Дипломату оставалось только догадываться, о чем Елизавета Петровна собиралась переговорить с ним.

Вскоре Финч начал замечать, что при дворе наметилось «какое-то брожение». Фельдмаршал Миних, исполнявший полномочия первого министра, жаловался правительнице, что «не пользуется властью, на которую рассчитывал», а потому

[1] СИРИО. Т. 85. С. 484-485.
[2] Там же. С. 485.
[3] Там же. С. 502.

готов отказаться от своей должности. Однако Анна Леопольдовна была далека от мысли удалить его, но считала, что он не должен претендовать на исключительное право «быть единственным ее помощником». Поговаривали, продолжал посол, будто сын графа Миниха, обер-гофмейстер правительницы, «зорко следящий за всем, что происходит при дворе», на коленях умолял отца не навлекать гибель на себя и на всю семью. В результате «это столкновение утихло», по крайней мере, до поры до времени, полагал дипломат[1] .

И Финч не ошибся. 3 марта 1741 г. он извещал лорда Гаррингтона об увольнении фельдмаршала и первого министра со всех должностей. В указе об увольнении говорилось, что он сам будто бы ходатайствовал об этом, «ввиду преклонных лет и расстроенного здоровья». Миних получил пенсион в 15 тыс. рублей (3000 гиней) в год; его сын оставался на прежней должности обер-гофмейстера двора. Между тем, правительница продолжала оставаться недовольной поведением Миниха-старшего. В депеше госсекретарю от 7 марта 1741 г. Финч сообщал, что ему стало известно «из очень достоверного источника» возмущение Анны Леопольдовны «заносчивым характером и непомерным честолюбием» фельдмаршала, который «имел дерзость во многих случаях противиться распоряжениям принца-генералиссимуса», а также ее приказам. Она приказала графу удалиться в его украинское поместье и там «мирно окончить дни свои»[2]. Так Анна Леопольдовна «отблагодарила» фельдмаршала за то, что он, по сути дела, сделал ее правительницей Российской империи.

Между тем, граф Миних не торопился покидать Петербург. Как извещал Финч, он продолжал по-прежнему являться ко двору, часто посещал принца-генералиссимуса, а также великую княжну Елизавету Петровну. Посол полагал, что все это он де-

---

[1] СИРИО. С. 509.

[2] Дипломатическая переписка английских послов и посланников и при русском дворе (с 7 марта 1741 по 16 июля 1742 г.) // СИРИО. Т. 91. СПб., 1894. С. 4.

лает для того, чтобы показать, «будто никакой немилости не подвергся»[1].

Финч продолжал также следить за положением опального герцога Курляндского и его семьи, находящейся в заточении. Поначалу, писал посол в депеше от 10 марта 1741 г., с Бироном обращались «очень бесчеловечно», с грубостью, которую проявляют с обычными арестантами, пока он не бросился комиссарам в ноги, прося позволения написать великой княгине. Когда ему это позволили, он написал письмо на 14 страницах, в котором дал чрезвычайно важные показания, «намекнул на многое, еще более важное» и просил правительницу о милости и сострадании, хотя бы для своей семьи, если сам он покажется Ее Высочеству недостойным милости. Получив письмо, Анна Леопольдовна приказала отправить заключенным все, в чем они нуждались, и велела комиссарам обращаться с герцогом «со всевозможной человечностью». Кроме того, она сообщила ему об отставке первого министра, что стало для герцога «первым утешением» со дня его падения. Сделано это было неспроста. Как писал Финч, ожидали, не даст ли герцог показаний, из которых выяснится, что виновник его падения фельдмаршал Миних первым составил проект о его регентстве и советовал ему принять власть.

Между тем, устранение графа Миниха со всех должностей не вполне успокоило лиц, которые этого добивались. Фельдмаршала продолжали обвинять во всех грехах. Как извещал госсекретаря Финч, во время расследования дела Бирона, ему была устроена очная ставка с А.П. Бестужевым-Рюминым. Они оба выступили с обвинениями в адрес фельдмаршала. Бестужев признался, что напрасно оговаривал герцога Курляндского, поверив фельдмаршалу, будто только этим путем он может спасти собственную жизнь, честь и семью. А герцог сознался, что поступил худо, приняв регентство в ущерб великой княгине, но никогда не решился бы на такой шаг, если бы не был принужден к тому фельдмаршалом. «Все это дало его делу совершенно новое освещение, — продолжал Финч, — принц зая-

[1] Там же. С. 9.

вил одному моему приятелю, что герцог виновен не более, чем сам он, принц, что герцог поступал так, как всякий другой поступил бы на его месте»[1]. В то же время принц полагал, что теперь из-за обращения, которому герцог подвергся на глазах всего света (его «раздели донага», распорядились его заграничными поместьями, имущество конфисковали), восстановить его в достоинстве герцога также неудобно. «Все эти неодолимые препятствия не допускают возвращения герцога к прежнему положению, — заключал Финч, — но обстоятельства, свидетельствующие в его пользу… смягчат его судьбу»[2].

В одной из депеш Финч подробно осветил сложившуюся в это время ситуацию при дворе. Он переговорил с принцем-генералиссимусом, который «держался много горячее и открытие». Антон Ульрих сообщил, что правительство уже давно питает большие подозрения по поводу замыслов французского посла маркиза де ла Шетарди, а также врача Елизаветы Петровны Лестока. Шетарди «с замечательным усердием» посещает великую княжну, даже по ночам, переодетый, но «при этом нет никаких намеков на любовные похождения, посещения эти, очевидно, вызваны политическими мотивами». К сказанному принц добавил, что в случае, если поведение великой княжны сделается явно «двусмысленным», ей грозит заключение в монастырь, хотя это опасно, так как «ее чрезвычайно любят; она пользуется большой популярностью» в народе[3].

Принц высказал также свои соображения по поводу фельдмаршала Миниха: «не затевает ли и он чего-нибудь с Елизаветой Петровной». При этом он прибавил, что фельдмаршал ставит себе в заслугу арест Бирона «исключительно из преданности великой княгине», тогда как в действительности «истинным двигателем его были пылкий характер и ненасытное честолюбие». Всем хорошо известно, продолжал принц Антон-Ульрих, как тесно он был связан с регентом, но как только убедился, что регент не может доверить ему большой

[1] СИРИО. Т. 91. С. 17.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 97.

власти, фельдмаршал решился изменить ему, в надежде достигнуть высшего положения при правительнице. Однако вскоре выяснилось, что он оказался не только не «всевластным», как он предполагал, но должен был «заведовать исключительно делами армии», да и то под командой принца. Все это вызвало недовольство Миниха, и его тайные посещения к великой княжне дали повод заподозрить, не попытается ли он повторить переворот с другими лицами, хотя и из тех же побуждений, как и прежде. Потому, заключал принц, «пора было лишить его власти, отставив его от всех должностей»[1].

Посол делился с лордом Гаррингтоном своими соображениями по поводу «устойчивости» правительства, отмечая, что у него самого не сложилось об этом «определенного понятия». Финча удивляло, что все дворянство «огулом покорилось бывшему регенту, а когда его низложили, огулом же перешло на сторону нового порядка»[2].

В очередной депеше в Лондон Финч сообщал о семье Бирона, которую вывезли из Шлиссельбурга и отправили к месту ссылки. Семейство сопровождали капеллан, врач, да двое-трое слуг. Как подметил Финч, хотя серебряный сервиз у них отобрали, заменив его оловянным, в то же время всем отправляемым в ссылку было выделено содержание, «много более, чем нужно, и более, чем они могут истратить»[3] .

Между тем, английское правительство уже мало интересовала судьба опального Бирона. В депеше Финчу от 5 июля 1741 г. Гаррисон сообщал о желании короля выяснить, «не произошло ли чего нового в интриге», которая через французского хирурга (И.Г. Лестока. — *Т. Л.*) ведется между великой княгиней Елизаветой Петровной и французским послом[4]. Финч отвечал, что никто об этом ничего не сообщал. В то же время посол отмечал, что при дворе «не совсем спокойно»: великая княжна очень популярна и любима, а правительница не прини-

[1] СИРИО. Т. 91. С. 97-98.
[2] Там же. С. 102.
[3] Там же. С. 151.
[4] Там же. С. 185.

мает надлежащих мер для приобретения такой же популярности. Подводя итоги своего анализа, посол приходил к заключению: «Сомнительный исход войны (со Швецией, начавшейся в августе 1741 г. — *Т. Л.*), младенец на престоле, неспокойный ум (имею в виду всегда деятельного графа Миниха… и заклятого врага принца) — все вместе… может вызвать чрезвычайные события или, по крайней мере, поставить страну в положение, чреватое чрезвычайными событиями»[1]. И хотя Финч считал, что вряд ли переворот «близок или непременно предвиделся», он ошибался в своих прогнозах. Спустя несколько месяцев, в Петербурге произошел очередной дворцовый переворот, в результате которого к власти пришла дочь Петра I — Елизавета Петровна.

Как сложилась в дальнейшем судьба Бирона? Он был предан суду, и ему было поставлено в вину даже то, что он принимал награды и подарки от императрицы. Ему предъявили следующие обвинения: «захват» регентства, «небрежение» о здоровье покойной государыни, желание удалить царскую фамилию из России с целью завладеть престолом и притеснения русских. Бирон был приговорён к смертной казни четвертованием, но манифестом помилован, и казнь ему заменили вечной ссылкой в Пелым, за три тысячи вёрст от Петербурга. Когда на престол вступила Елизавета Петровна, которой в прошлом он оказывал некоторые услуги, она вспомнила изгнанника и перевела его в Ярославль. Позднее Пётр III вызвал Бирона в Петербург, возвратил ему ордена и знаки отличия, но не вернул Курляндского герцогства. Лишь Екатерина II восстановила бывшего временщика на курляндском герцогском троне, причём Бирон обязался пропускать через Курляндию русские войска, не вступать ни в какие сношения с врагами России, оказывать веротерпимость православным и разрешить постройку православного храма. Скончался Бирон в возрасте 82 лет в Митаве, где и был погребtн в герцогском склепе.

Анализируя дипломатические депеши английского посла Э. Финча, зададимся вопросом, насколько объективными были

[1] Там же.

его сообщения, касавшиеся событий, связанных с арестом Э.И. Бирона. Ведь сам он в них лично не участвовал. Не исключено, что, скорее всего дипломат пользовался свидетельствами очевидцев. И среди них — один из главных исполнителей заговора против Бирона полковник Х.Г. Манщейн. Позднее в своих «Записках» он подробно поведал о случившемся[1]. Отдельные сведения были почерпнуты дипломатом также из бесед с графом Минихом и А.И. Бестужевым-Рюминым. Но, как бы то ни было, судя по утверждению французского исследователя XIX века А.И. Тургенева, Финч несомненно основывался «на самых точных и достоверных сведениях»[2]. Неудивительно, что последующие поколения историков, включая наших современников, в своих трудах практически повторяли изложения указанных событий, если не дословно, то в той же интерпретации, что и английский посол. Между тем, следует отметить, что в своих депешах в Лондон Финч ограничился лишь внешней канвой произошедшего, не раскрыв истинных причин падения временщика и того режима — «бироновщины», который был им установлен.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1740 по 3 марта 1741 г. // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 85. СПб., 1893. — Donesenija i drugie bumagi anglijskih poslov, poslannikov i rezidentov pri russkom dvore s 1740 po 3 marta 1741 g. // Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 85. SPb., 1893.

Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (с 7 марта 1741 по 16 июля 1742 г.) // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 91. СПб., 1894. — Diplomaticheskaja perepiska anglijskih poslov i poslannikov pri russkom dvore (s 7 marta 1741 po 16 ijulja 1742 g.) // Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. T. 91. SPb., 1894. T. 91.

[1] Записки Манштейна о России, 1727–1744. Пер. с франц. СПб., 1875. С.198-200.

[2] Тургенев А.И. Указ. соч. С. 96.

Тургенев А.И. Российский двор в XVIII веке. Пер. с франц. СПб., 2005. — Turgenev A.I. Rossijskij dvor v XVIII veke. Per. s franc. SPb., 2005.

Исследования / Scientific research

Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2004. — Anisimov E.V. Anna Ioannovna. M., 2004.

Записки Манштейна о России, 1727–1744. Пер. с франц. СПб., 1875. - Zapiski Manshtejna o Rossii, 1727–1744. Per. s franc. SPb., 1875.

Курукин И.В. Бирон. М., 2014. — Kurukin I. V. Biron. M., 2014

Лабутина Т.Л. Дипломатическая дуэль англичан и русских: переговоры о союзном договоре 1741 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. N. 3. М., 2021. С. 47-63. — Labutina T.L. Diplomaticheskaja dujel' anglichan i russkih: peregovory o sojuznom dogovore 1741 g. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija. N. 3. M., 2021. S. 47-63.

Лабутина Т.Л. Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г. // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. N. 2. С. 51-65. — Labutina T.L. Strategija i taktika britanskoj diplomatii na peregovorah o sojuznom dogovore s Rossiej 1741 g. // LOKUS: ljudi, obshhestvo, kul'tury, smysly. 2021. T. 12. N. 2. S. 51-65.

Лебедев А. Бироновщина. М.,1912. — Lebedev A. Bironovshhina. M., 1912.

Павленко Н.И. Страсти у трона. М., 2018. — Pavlenko N.I. Strasti u trona. M., 2018.

Шубинский. С.Н. Арест и ссылка Бирона// Очерки из жизни и быта прошлого времени. СПб., 1888. С. 52-73. — Shubinskij. S.N. Arest i ssylka Birona // Ocherki iz zhizni i byta proshlogo vremeni. SPb., 1888. S. 52-73.

Эрнст Иоганн Бирон. М., 1992. — Jernst Iogann Biron. M., 1992.

Е.К. Склярова
(Ростов-на-Дону)

ГРАФ АЛБЕМАРЛ — ИНИЦИАТОР САНКЦИЙ ПРОТИВ РОССИИ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В период Крымской войны на очередном заседании британского парламента, 15 мая 1855 года, посвященного торговле с Российской империей, Джордж Томас Кеппел, шестой граф Албемарл предложил ввести санкции, ограничив торговлю Великобритании с Россией. Он считал, что это «будет более эффективной мерой, чем те, которые были приняты до сих пор» правительством Её Величества королевы Виктории[1].

Так кем же был этот политик? И почему он предложил вести санкции против Российской империи в период Крымской войны?

Актуальность исследования деятельности Джорджа Томаса Кеппела, шестого графа Албемарла обусловлена научной и политической значимостью проблемы, необходимостью её изучения в контексте деятельности британского парламента, эволюции санкций, Крымской войны и внешней политики Великобритании. В Великобритании жизнь и деятельность этого богатого человека были впервые представлены уже в эпоху королевы Виктории в «Словаре национальной биографии»[2].

---

[1] Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1855. Vol. 138. P. 591.

[2] Chichester H.M. Keppel, George Thomas // Dictionary of National Biography. L., 1900. Vol. 31. P. 43-45.

Проблемам международной политики посвящены зарубежные исследования[1]. Различные аспекты международных отношений являются объектом исследований в университете Кембриджа[2].

Крымская война и парламентские скандалы стали занимать особое место в исследованиях российских ученых[3]. Однако необходимо отметить, что в российской историографии нет комплексных исследований, посвящённых деятельности этого долгожителя и влиятельного политика Великобритании. Кроме того, проблеме санкций не было посвящено специальных исследований как в российской, так и в зарубежной историографии.

Предпринятое исследование даёт возможность восполнить пробелы в отечественной исторической науке, определив роль Джорджа Томаса Кеппела, шестого графа Албемарла в викторианской внутренней и внешней политике, а также особенности выработки парламентом Великобритании решений по ряду международных вопросов, а также введения санкций против Российской империи в период Крымской войны.

Джордж Томас Кеппел, шестой граф Албемарл (1799–1891) — участник наполеоновских войн и битвы при Ватерлоо, член парламента Великобритании, где он представлял Восточный Норфолк от партии вигов в палате общин с 1832 года.

В годы его молодости директор местной школы, объявил его «непригодным ни к какой ученой профессии», и тогда для него было получено звание прапорщика в третьем батальоне 14-го пехотного полка. Батальон, состоявший в основном из новобранцев, располагался в Бельгии, и молодой Дж. Т. Кеппел, чье назначение было датировано 4 апреля 1815 года, присоединился к полку в битве при Ватерлоо. «Со стертыми ногами и в лохмотьях он двинулся с победоносными войсками на Париж. Затем служил во втором батальоне полка на Иониче-

[1] Wedgwood B.D. The Crimean War and its lessons for today // International Affairs. 2012. N. 88 (2). P. 387-391.

[2] Ward A. W. The Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919 / Ed. by A.W. Ward, G.P. Gooch. Cambridge, 1970. P. 457.

[3] Sklyarova E.K. Parliamentary Investigations in Britain during the Crimean War / E.K. Sklyarova, O.N. Kamalova // Science Almanac of Black Sea Region Countries. 2022. N. 2 (30). P. 37-45.

ских островах и Маврикии. Некоторое время он был конюшим герцога Сассекского. В 1821 году был произведен в лейтенанты, а затем отправлен в Индию. Там он служил адъютантом генерал-губернатора маркиза Гастингса, но после его отставки в 1823 году получил разрешение вернуться домой»[1].

Получив образование в Вестминстерской школе, он первоначально поступил на военную службу в британскую армию в звании прапорщика. К 1841 году он стал майором, затем полковником, генерал-майором и в 1874 году дослужился до генерала. Граф Албемарл был адъютантом генерал-губернатора Индии маркиза Гастингса, личным секретарём премьер-министра лорда Джона Рассела с 1846 года. Он считался крупным землевладельцем в Великобритании, поскольку ему принадлежало поместье в Норфолке и около 9800 акров земли в Норфолке и Литриме[2].

Он был назначен попечителем Вестминстерской школы в 1854 году, долгое время был покровителем фонда. Генерал, член Геологического общества, а также Лондонского общества антикваров прожил долгую жизнь. Он был женат на Сьюзен, третьей дочери сэра Куттса Троттера, Барта. От нее он имел сына, известного как виконт Бери, и четырех дочерей, две из которых умерли раньше своих родителей. Граф сохранил свои блестящие способности до конца своей жизни, устраивал приемы по случаю каждой годовщины битвы при Ватерлоо в доме своей дочери на Портман-сквер и умер в Лондоне в своей резиденции на Портман-сквер 21 февраля 1891 года на 92 году жизни.

В начальный период своей парламентской деятельности Джордж Томас Кеппел принимал активное участие в обсуждении проблем казначейства. Граф считал, что Первый лорд казначейства не снизошёл до того, чтобы дать объяснения о будущей политике казначейства, а его речи были квалифицированы как «тщательно продуманная мистификация». По его мнению, от правительства пока не удалось добиться никаких объяснений,

[1] Chichester H.M. Op. cit. P. 43.

[2] Bateman J. The great landowners of Great Britain and Ireland. L., 1883. P. 6.

кроме тех, которые были «получены в резиденции лорд-мэра Лондона, благодаря поданной во время приёма черепахе и шампанскому»[1].

Выступая в парламенте в 1852 году по вопросам налогов на имущество, граф Албемарл зачитал несколько выдержек из писем, показывающих, в каком состоянии находились предприниматели Великобритании. Его лично интересовали проблемы фермеров, а также их усилий по осушению, расчистке и рытью канав, что давало работу рабочим. В ходе парламентских дебатов граф указал, что преподобный Дж. Сэндби, викарий Фликстона и председатель Уэйнфордского союза, писал, имея в виду ту часть Саффолка, где он проживал, что «это район с очень плодородными землями. Но урожай, в отличие от урожая в большинстве частей Соединённого Королевства, был там намного ниже среднего, и его доходы были прискорбно скудны из-за последствий местной эпидемии. Фермеры-арендаторы там «не являлись богатым населением», а понесли значительные убытки из-за обстоятельств, совершенно не зависящих от цены получения прибыли. Граф Албемарл отмечал, что он принимал также участие в реализации Закона о бедных, интересуясь проблемами совершенствования сельского хозяйства[2].

Анализируя свою жизнь и деятельность, граф Албемарл написал книгу, в которой освещались проблемы запрета работорговли, военные действия в период наполеоновских войн, «восточный вопрос», особенности его парламентской деятельности, а также его впечатления после посещения Греции, Османской империи, Персии, Франции и Российской империи[3].

Граф посетил Афины, Париж, Тегеран, Баку. Находясь в Российской империи, он побывал на побережье Каспийского моря, реки Волги. Он посетил также Астрахань, Кизляр, Новгород, Москву и Санкт-Петербург. Свои впечатления он фиксировал в дневнике, записи которого легли затем в основу его книги,

---

[1] Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1852. Vol. 121. P. 1010.

[2] Ibidem. Vol. 121. P. 1011-1013.

[3] Keppel G.T. Fifty Years of My Life. L., 1876. 2 Vols.

где он отмечал, что русские едят суп, а особенно его поразила местная рыба в Астрахани, которой он посвятил целый раздел своей книги. Это были огромные белуги, севрюги и сомы. В подарок от местной знати он получил икру. Для решения своих проблем и выбора отеля он звонил в британское посольство, получая оттуда свежую прессу из Великобритании, имея возможность следить за новостями. Путешествуя по Российской империи, он посетил цирк и театр, обедал у местной знати и губернаторов, интересовался творчеством русских художников[1].

Накануне Крымской войны (1853–1856), интересуясь, каково было состояние переговоров между Великобританией и Российской империей, граф Албемарл отмечал, что страны находились на грани войны. «Совершенно невозможно поверить, что когда две великие нации, такие как Англия и Франция, выступают в защиту такой державы, как Турция, переговоры могут быть не успешными, или поверить, что обсуждение переговоров и процедур должно раскрыть что-либо дискредитирующее обе державы»[2].

Граф Албемарл считал, что Палате представителей следует предоставить информацию относительно конкретных целей войны, в которую Великобритания собиралась вступить. В британском парламенте было известно, что батальон гвардейцев покинул Лондон, и граф хотел знать, собирается ли Великобритания воевать потому, что, по его мнению, «Россия нарушила международное право и международные договоры, которые теперь стали просто пустой бумагой». Он надеялся, что при любом будущем устройстве портов Эвксин и Азов, они «не будут закрыты руками деспота для свободного и выгодного общения народов»[3].

В разгар Крымской войны, предлагая введение санкций против Российской империи, граф Албемарл отметил, что

---

[1] Keppel G.T. Fifty Years of My Life. L., 1876. Vol. 2. P. 200-203.

[2] Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1854. Vol. 129. P. 1425.

[3] Ibid. Vol. 130. P. 653.

впервые в своей жизни он столкнулся с разногласиями политиков, с кем вёл свою политическую деятельность в течение четверти века. Для заключения мира, либо продолжения «кровопролитной Крымской войны», подчёркивая свои привилегии пэра парламента, граф хотел принудить депутатов к курсу, который «необходим для интересов его Великой нации». Блокада России и Чёрного моря была неэффективна, что подтверждалось отчётами Торгового совета Великобритании. Российская империя называлась в парламенте «врагом», но закрытие сухопутной торговли с ней мало приветствовалось. Предлагалось установить морскую блокаду портов Российской империи разрешив сухопутную торговлю российской продукции через Пруссию. Граф Албемарл отметил, что было бы лучше «выбросить деньги в море, чем продолжать фарс с морской блокадой и бесплатным транзитом товаров по суше». Транспортные средства в XIX веке благодаря промышленному перевороту стали более совершенны, и в годы Крымской войны уже можно было «перевозить даже те запасы продуктов питания, которые ранее хранились в блокированных и отдалённых портах»[1].

Правительство Российской империи, «так организовало внутренние коммуникации по рекам Неман и Висла, используя прусские границы, что вся её продукция направлялась в Пруссию вместо портов Финского залива и Риги»[2].

В период Крымской войны в парламенте остро стоял вопрос о замещении импорта российской продукции. Сало считалось «первым продуктом российского производства», а его «продажа имела значение для врага». Англия производила его «в четыре раза больше, а Россия вносила лишь одну десятую часть в его запасы Великобритании. Факты свидетельствовали о неэффективности блокады, поскольку она включала венгерскую, итальянскую и восточно-индийскую коноплю, необходи-

[1] Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1855. Vol. 138. P. 591-592.

[2] Склярова Е.К. Торговые отношения Великобритании и России в годы Крымской войны / Е.К. Склярова, О.Н. Камалова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 5 (132). С. 65-68.

мую для Великобритании. Чтобы показать, насколько легко можно приобрести заменители российских продуктов, утверждалось, что брокер с большим опытом торговли тканями из Индии сообщил, что еженедельно прибывал новый товар. Из Мексики также получали прекрасный образец конопли. Графу Албемарлу сообщили, что управляющий Ботаническим садом в Кью заявил о новых растениях конопли. В Великобританию ввозили товары из Венгрии и Италии, а джут из Индии регулярно занимал своё место в торговле и изготовлении тканей. Различные опасения по поводу невозможности найти замену конопле, льну и салу, импортируемым из Российской империи, считалось в парламенте «химерой». Граф Албемарл был уверен, что даже, если бы существовали трудности с поставками товаров из других стран, то они не допустили бы, чтобы «несколько бочонков сала или несколько тонн конопли или льна конкурировали с кровью соотечественников» в период Крымской войны[1].

В течение многих лет он придерживался доктрины, согласно которой нейтральные флаги должны защищать нейтральные грузы. «Нет никакой разницы между товарами противника, хранящимися на складе на нейтральной территории, и товарами противника, перевозимыми на борту нейтрального судна. Захват вражеских товаров на дружественной территории был не просто актом враждебности, но и грабежом». Он утверждал, что захват вражеских товаров на нейтральном судне «был актом откровенного пиратства». Было два случая, когда право на обыск было реализовано — случай с товарами противника на их собственных кораблях и на кораблях нейтральных стран. Забрать с вражеского корабля нейтральные товары, вернуть их законным владельцам было само собой разумеющимся, и это было единственное право на обыск, которое следовало осуществлять. Он полностью разделял доктрину Уитона о том, что это право было основано на злоупотреблении силой. Граф не мог отделаться от мысли, что, когда адмиралы писали резолюции, то в их голове, прокручивались инструкции, данные Первым лордом адмирал-

[1] Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1855. Vol. 138. P. 594-596.

тейства во времена Георга II капитану военно-морского флота. Палата представителей должна рассмотреть не то, каков закон, а «каким он должен быть»[1].

В ходе парламентских дебатов он отмечал, что есть лишь три великие морские державы — Англия, Франция и Америка. Война с США в 1812 году была войной, которая возникла исключительно из-за осуществления права на обыск. Берлинские декреты исходили из права на обыск, и следствием этого стало то, что в 1831 году Франция была вынуждена связать себя конвенцией о выплате денежной компенсации в размере одного миллиона фунтов стерлингов за осуществление права на обыск. Палата депутатов Великобритании отказалась признать эту компенсацию, отклонив предложенный законопроект. Следствием этого стало то, что США подготовились к войне 1812 года. Ни у кого не было сомнений в том, что со своими военными кораблями они уничтожили бы всю торговлю Франции за океаном, если бы Соединённое Королевство Великобритании и Ирландии не выступило бы посредником в этом вопросе, не дав Франции совет выплатить деньги, что её правительство и сделало. Граф Албемарл считал, что роль, которую Франция и Англия сыграли в этом вопросе, оказала величайшую честь обеим странам, расценивая это как важный шаг в прогрессе цивилизации. По его мнению, важным будет признание принципа, согласно которому нейтральные флаги представляют собой нейтральные грузы[2].

Морская блокада русских портов и санкции против Российской империи провоцировали Пруссию на вступление в Крымскую войну, а также были не выгодны многим странам. В 1855 году при голосовании в британском парламенте по вопросу введения санкций против Российской империи мнения депутатов парламента разделились: за резолюцию выступил 31 депутат, против 47, с большинством в 16 голосов. В голосовании приняли участие герцоги Сэндвич, М. Фицуильям, а также ви-

[1] Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1855. Vol. 138. P. 596.

[2] Ibid. Vol. 142. P. 514-516.

конты Б. Банго и Дауншир-Гоф, депутаты Колчестер, С. Саутгемптон, Дерби, Элленборо, Рейвенсворт, Брэдфорд, Рэлей, Хардвик, Абингер, Эглинтон, Колвилл из Калросса, Лукан, Тентерден, Албемарл, Килмейн. Против резолюции выступили: лорд-канцлер, Торрингтон, герцог Аргайлл, Честер, Ньюкасл, Херефорд, Кланрикард, Рипон, граф Сент-Асаф, Абердин, Абингдон, Эшбертон, Бротон, Карнарвон, Байрон, Кларендон, Гренвилль, Фоули, Грэй, Киннэрд, Харроуби, Ларган, Илчестер, Ли, Кингстон, Мостин, Минто, Питер, Стэнли из Олдерли, Зетланд, Саффилд, Вивиан, Вудхаус, Фолкленд, Тесли, Сидни. Граф Албемарл проголосовал против морской блокады русских портов и бесплатного транзита товаров по суше»[1].

В парламенте утверждалось, что Европа была втянута в Крымскую войну «из-за жестокой и бесчувственной политики». Для Великобритании было «бессмыслицей потерять торговлю, а Россия могла бы обойтись без экспорта Англии. Результатом прекращения торговли с Российской империей будет падение курса рубля, у русских предпринимателей возникнут финансовые затруднения, российская знать будет недовольна, а конечным результатом будет желание положить конец соревнованию, которое сопровождалось большими проблемами»[2].

Таким образом, Джордж Кеппел, шестой граф Албемарл был влиятельным землевладельцем в Великобритании, членом партии вигов, представляя интересы своего поместья и крупного бизнеса в парламенте. Прожив очень долгую жизнь, он принимал активное участие в обсуждении проблем казначейства, был участником приёмов в резиденции лорд-мэра Лондона, а также русской элиты и губернаторов, где любил есть русскую рыбу и икру. Его интересовали проблемы работорговли, фермеров и сельского хозяйства, районы с плодородными землями, их урожай, последствия эпидемий, наполеоновские войны. Будучи состоятельным графом, он имел возможность посетить Грецию, Османскую империю, Персию, Францию и Россий-

[1] Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1855. Vol. 138. P. 632.

[2] Ibidem. P. 596-597.

скую империю, а также побережье Каспийского моря и реки Волги, Астрахань, Кизляр, Новгород, Москву и Санкт-Петербург, посетив цирк и театр, интересовался творчеством русских художников. Накануне Крымской войны пытался заставить правительство Великобритании предоставить конкретную информацию относительно целей войны, надеясь, что русские порты останутся открытыми для продолжения торговых отношений, свободного и выгодного общения народов. Однако он предложил введение санкций против Российской империи в разгар Крымской войны, которую он считал кровопролитной. Объектом санкций стало русское сало, а также лен, конопля, пенька. Предлагалось приобретать их заменители в Индии, Венгрии, Италии, Ирландии, Мексики. Будучи прагматиком, он поддерживал мнение депутатов парламента и Торгового совета Великобритании, что морская блокада портов России и Чёрного моря была неэффективна. Он не приветствовал закрытие сухопутной торговли. Учитывая достижения промышленного переворота, совершенствование транспортной системы, а также хранения и транспортировки продуктов питания, он считал фарсом невыгодную для предпринимателей Великобритании морскую блокаду. Он придерживался доктрины, согласно которой нейтральные страны должны защищать нейтральные грузы, хранящиеся на складах нейтральных территорий, или перевозимых на борту нейтральных судов. Захват вражеских товаров на дружественной территории он считал грабежом и пиратством. В парламенте он отмечал, что есть лишь три великие морские державы — Англия, Франция и США, а война с США 1812 года была войной, которая возникла из-за права на обыск судов. Морская блокада русских портов и санкции против Российской империи провоцировали Пруссию на вступление в Крымскую войну, были не выгодны многим странам. Граф Албемарл проголосовал против морской блокады русских портов и бесплатного транзита товаров по суше, поскольку для Великобритании было бессмыслицей потерять торговлю, а Россия могла бы обойтись без экспорта Англии, что могло вызвать недовольство и российской знати, с которой он был лично знаком. В Торговой палате и Торговом

совете Великобритании заявили, что санкции в период Крымской войны не достигли поставленной цели. Граф считал, что трудности с поставками товаров из других стран, русского сала, конопли или льна не могли конкурировать с кровью его соотечественников, пролитой в период Крымской войны.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Bateman J. The great landowners of Great Britain and Ireland. L.: Harrison, 1883. 576 p.

Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1852. Vol. 121. P. 1010-1013.

Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1854. Vol. 129. P. 1418-1426.

Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1854. Vol. 130. P. 653.

Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1855. Vol. 138. P. 591-632.

Hansard`s Parliamentary Debates. 3-rd Series. 1855. Vol. 142. P. 514-516.

Keppel G.T. Fifty Years of My Life. London: Macmillan and Co, 1876. 2 Vols. 432 p.

Исследования / Scientific research

Склярова Е.К. Торговые отношения Великобритании и России в годы Крымской войны / Е. К. Склярова, О. Н. Камалова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 5 (132). С. 65-68. — Sklyarova E.K. Torgovye otnosheniya Velikobritanii i Rossii v gody Krymskoi voiny / E.K. Sklyarova, O.N. Kamalova // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2023. № 5 (132). S. 65-68.

Chichester H.M. Keppel, George Thomas // Dictionary of National Biography. L., 1900. Vol. 31. P. 43-45.

Sklyarova E.K. Parliamentary Investigations in Britain during the Crimean War / E.K. Sklyarova, O.N. Kamalova // Science Almanac of Black Sea Region Countries. 2022. № 2 (30). C. 37-45.

Ward A.W. The Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919 / Ed. by A.W. Ward, G.P. Gooch. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 457 p.

Wedgwood B.D. The Crimean War and its lessons for today // International Affairs. 2012. N. 88 (2). P. 387-391.

Е.А. Атапин
(Воронеж)

ДЭВИД КЭМЕРОН

ЗАЛОЖНИК СОБСТВЕННЫХ ОБЕЩАНИЙ ИЛИ ЖЕРТВА «ЕВРОПЕЙСКОГО ВОПРОСА»?

В 2010 г. Консервативная партия под руководством Д. Кэмерона вернулась во власть, преодолев длившиеся на протяжении 13 лет электоральные неудачи и выйдя из оппозиции. Новый премьер-министр сразу же оказался в сложной ситуации из-за обещаний, которые он успел дать членам своей партии и британской общественности. В ходе предвыборной кампании 2010 г. Д. Кэмерон пообещал предпринять ряд мер по сохранению суверенитета Великобритании в условиях нахождения государства в ЕС, а позднее, уже будучи у власти, был вынужден признать свою приверженность выполнению данных обещаний. Список мер включал в себя три принципиальных положения: а) предотвращение любых дальнейших шагов в сторону передачи властных полномочий на уровень институтов Евросоюза; б) установление референдума в качестве обязательного условия решения любых вопросов, касающихся передачи власти на уровень ЕС; в) возврат части полномочий из Брюсселя в Лондон[1].

Следует отметить, что «европейский вопрос» в деятельности кабинетов Д. Кэмерона уже несколько раз становился

[1] National Referendum on the European Union. Hansard's Parliamentary Record: House of Commons Debates. 24 October 2011. Vol. 534. Cols. 26-27.

предметом отечественных исследований. Так, монография Т.Н. Андреевой[1] посвящена европейской политике коалиционного правительства в период с 2010 по 2013 гг. с акцентом на предложениях и мерах по преодолению долгового кризиса в Евросоюзе. Характеристика Д. Кэмерона как политика, анализ мотивов и целей его действий на посту премьер-министра приводятся в работе Н.К. Капитоновой[2]. Исследуемые вопросы также затрагиваются в коллективной монографии под редакцией Ал. А. Громыко[3]. В британской историографии необходимо выделить монографию М. Бертона[4], отдельные главы которой посвящены британской политике в отношении ЕС и подходам Д. Кэмерона к проблеме проведения референдума по вопросу членства Великобритании в Евросоюзе.

Первые кадровые назначения Д. Кэмерона не дали четкого ответа на вопрос о том, какой линии в отношении ЕС намеревался придерживаться новый премьер-министр. На должность государственного министра по делам Европы был назначен умеренный еврооптимист Дэвид Лидингтон, что могло свидетельствовать о намерении сближения с Евросоюзом, в то время как министром иностранных дел стал придерживавшийся евроскептических взглядов бывший лидер Консервативной партии Уильям Хейг[5]. Умеренный еврооптимизм самого Д. Кэмерона нашел отклик далеко не у всех членов его партии. Это проявилось в ходе партийной конференции, состоявшейся в октябре 2010 г. в Бирмингеме. На ней У. Хейг одобрил планы евроскептиков по обеспечению защиты суверенитета Соеди-

[1] Андреева Т.Н. Европейская политика кабинета Д. Кэмерона — Н. Клегга (май 2010 – июль 2013 гг.) / Отв. ред.: Н.К. Арбатова, К.П. Зуева. М.: ИМЭМО РАН. 2014. 190 с.

[2] Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М.: Международные отношения. 2017. 440 с.

[3] Дилеммы Британии. Поиск путей развития / Под ред. Ал.А. Громыко (отв. ред.), Е.В. Ананьевой. М.: Весь Мир. 2014. 480 с.

[4] Burton M. From Broke To Brexit: Britain's Lost Decade. L.: Palgrave Macmillan. 2021. 255 p.

[5] Watt N. David Lidingdon Appointed Europe Minister in Sign of Tory Thaw on EU // The Guardian. 13 May 2010.

ненного Королевства. Предложенные У. Хейгом законы о незыблемости суверенитета парламента и о референдуме как единственном легитимном механизме принятия решений о передаче властных полномочий на уровень ЕС встретили положительный отклик у многих присутствовавших на конференции партийных активистов[1].

На втором году премьерства Д. Кэмерона в Консервативной партии начали раздаваться голоса с призывами провести референдум по вопросу продолжения членства Великобритании в Евросоюзе. В октябре 2011 г. во время своего выступления на заседании палаты общин, посвященном вопросу о европейском референдуме, Д. Кэмерон заявил, что ситуация не позволяла покидать ЕС из-за тяжелых последствий финансово-экономического кризиса, с которыми, по его мнению, необходимо было справляться сообща[2]. Тогда инициатива о проведении плебисцита была поддержана 81 членом парламента от Консервативной партии, а проведенный в то же время газетой «Гардиан» опрос показал, что 70% британских избирателей оценивали идею решения «европейского вопроса» с помощью референдума как верную[3]. Д. Кэмерон столкнулся с решительным противодействием консервативных евроскептиков, которые были готовы добиваться выполнения премьер-министром своих обещаний о делегировании полномочий на решение вопросов, касающихся ЕС, британскому электорату. Ситуация складывалась таким образом, что сценарий выхода Британии из ЕС начинал восприниматься как вполне вероятный[4].

---

[1] Watt N. William Hague Heralds ‘Hardheaded’ Eurosceptic Policies // The Guardian. 6 October 2010.

[2] National Referendum on the European Union. Hansard’s Parliamentary Record: House of Commons Debates. 24 October 2011. Vol. 534. Col. 27.

[3] Clark T. EU Referendum: Poll Shows 49% Would Vote for UK Withdrawal // The Guardian. 24 October 2011.

[4] Cowley P., Stuart M. The Cambusters: The Conservative European Union Referendum Rebellion of October 2011 // The Political Quarterly. 2012. Vol. 83. N. 2. P. 402-406.

Запутываясь в сетях собственных политических заверений, Д. Кэмерон постепенно становился заложником сторонников жесткого евроскептицизма в Консервативной партии, которые демонстрировали недовольство по поводу того, что премьер-министр избегал решительных мер по возвращению контроля над социальным и трудовым законодательством на уровень государства. Во время подготовки очередных поправок в финансовые правила ЕС Д. Кэмерон объявил о своем намерении защищать британские интересы и в случае необходимости использовать право вето. Сохранение членства Великобритании в европейском интеграционном объединении на справедливых условиях премьер-министр считал более важной задачей, чем проведение референдума, на котором британцам необходимо было бы выбрать один из нескольких вариантов взаимодействия Соединенного Королевства с ЕС[1].

Поскольку ресурсов его собственного офиса явно не хватало для эффективного противодействия евроскептикам в его партии, Д. Кэмерон был вынужден постепенно идти своим оппонентам на уступки ради сохранения лидерства в Консервативной партии. На европейском направлении Д. Кэмерон старался занять конструктивную позицию, участвуя в региональных инициативах по смягчению последствий финансового кризиса в еврозоне. Однако для евроскептического крыла вовлеченность премьер-министра в европейские дела виделась нарушением его обещаний о возврате контроля над национальными делами из Брюсселя в Лондон и о передаче власти по вопросу взаимодействия с ЕС в руки британского электората.

Раскол, обозначившийся в рядах тори в октябре 2011 г., вынудил Д. Кэмерона проводить в отношении Евросоюза осмотрительную политику, стараясь избегать конфликтов с евроскептическим крылом Консервативной партии. Готовясь к брюссельскому саммиту по кризису еврозоны в июне 2012 г., Д. Кэмерон подчеркнул, что он намерен руководствоваться британскими интересами и воспользоваться правом вето для

[1] Watt N. David Cameron Rocked by Record Rebellion as Europe Splits Tories Again // The Guardian. 24 October 2011.

блокирования планов образования банковского союза[1]. Д. Кэмерон признавал необходимость реформирования еврозоны и ратовал за стабильный курс евро, поскольку от него зависело и благополучие фунта стерлингов, но при этом скептически относился к планам создания банковского союза, поскольку он бы затрагивал все без исключения государства европейского интеграционного объединения и требовал бы полного единодушия всех стран ЕС.

Канцлер казначейства Великобритании Джордж Осборн так оценивал перспективы банковского союза: «Европейцы нуждаются в банковском союзе для сохранения своей общей валюты. Великобритания заинтересована в стабильности евро, поскольку его нестабильность крайне негативно скажется на экономическом росте и рабочих местах в Соединенном Королевстве. Полагаю, что в случае учреждения полномасштабного банковского союза Британия потребует для себя определенных гарантий»[2]. Эти гарантии были важны не только для британской экономики, но и для ее политики, особенно в тот период, когда Д. Кэмерон пытался удержать власть в своих руках. Пообещав сначала в предвыборном манифесте 2010 г., а затем и на законодательном уровне то, что любое действие, направленное в сторону передачи новых полномочий Брюсселю, потребует одобрения на национальном референдуме, Д. Кэмерон был бы обязан вынести вопрос об участии в банковском союзе на всенародное голосование в случае его учреждения на уровне Евросоюза.

В конце июня 2012 г. Д. Кэмерон и Дж. Осборн столкнулись с новым испытанием в проведении европейской политики, когда 100 членов Консервативной партии отправили премьер-министру письмо, в котором содержалось требование о проведении референдума по вопросу участия Великобритании в европейском интеграционном объединении. Времена относительного спокойствия по «европейскому вопросу» в Кон-

[1] Watt N., Connolly K. Eurozone Rescue: David Cameron Threatens Veto to Protect UK Interests // The Guardian. 7 June 2012.

[2] Ibid.

сервативной партии окончательно подошли к концу. Требования однопартийцев заставили Д. Кэмерона ужесточить риторику в отношении ЕС и дать конкретные обещания насчет референдума. Премьер-министр больше не имел возможности уклоняться от «европейского вопроса». Написанное по инициативе члена парламента Джона Барона письмо от 28 июня 2012 г. содержало в себе предупреждение о том, что избиратели не простят Д. Кэмерону нарушения обещания о расширении прав народного суверенитета в сфере участия в европейских интеграционных процессах[1].

Ответ Д. Кэмерона был оформлен в виде эссе, опубликованного в газете «Телеграф» через два дня после получения письма. Премьер-министр охарактеризовал призывы к референдуму как законные, при этом отметив, что простое голосование «за или против» не будет отвечать британским интересам в Европе независимо от результата, и в очередной раз подтвердил свои националистические убеждения, отметив использование права вето в ходе переговоров на саммите ЕС[2]. Д. Кэмерон считал, что было бы правильно принять решение о будущем Соединенного Королевства в Евросоюзе только по завершении кризиса еврозоны, который затрагивал финансовый сектор Великобритании. По этому поводу он обратился к своим критикам так: «Мы не будем поддерживать греческие и португальские банки, а наш банковский сектор по-прежнему будет регулироваться Банком Англии, а не Европейским центральным банком»[3].

Воздерживаясь от принятия на себя конкретных долгосрочных обязательств, Д. Кэмерон пообещал предпринять меры, которые помогут ему заручиться искренней поддержкой населения Великобритании как на всеобщих выборах, так и на референдуме, и подготовить всенародное голосование по во-

[1] Kirkup J. Cameron's Backbenchers Demand EU Referendum // The Telegraph. 28 June 2012.

[2] Cameron D. David Cameron: We Need to Be Clear about the Best Way of Getting What Is Best for Britain // The Telegraph. 30 June 2012.

[3] Ibid.

просу членства в ЕС таким образом, чтобы в нем содержался реальный выбор для британского электората. Д. Кэмерон также выразил разочарование положением Соединенного Королевства в Евросоюзе, в котором, по его мнению, было «слишком много Европы: слишком крупные взносы, слишком сильная бюрократия, слишком много вмешательства в вопросы, которые входят в компетенцию национальных государств, гражданского общества и частных лиц»[1].

По мере усиления давления со стороны евроскептиков Д. Кэмерон начал менять свое отношение к европейской интеграции не только на словах, но и на деле. Отказавшись участвовать в построении банковского союза, в который должны были войти 17 государств еврозоны, Д. Кэмерон заявил: «Великобритания приняла решение не вступать в валютный союз, поэтому не стоит ожидать, что мы будем присутствовать за столом переговоров каждый раз, когда страны еврозоны будут обсуждать вопросы, касающиеся их единого рынка»[2].

Евроскептикам не пришлось долго ждать подтверждений серьезности намерения премьер-министра провести референдум. На конференции Консервативной партии в октябре 2012 г. Д. Кэмерон признал, что референдум был бы самым честным, аккуратным, простым и разумным способом определения приемлемого статуса Британии в Евросоюзе. Все еще не соглашаясь с тем, что формулировка вопроса референдума должна предполагать простые варианты ответа «да» и «нет», премьер-министр призвал консерваторов быть открытыми для различных выражений общественного мнения относительно будущего плебисцита[3]. Призыв Д. Кэмерона к пересмотру и выстраиванию отношений с Европой на новых основаниях вместо проведения референдума о сохранении статуса государства-члена Евросоюза с вариантами ответа «да» и «нет» был явной

[1] Ibid.

[2] Prince R. David Cameron: I'm Not Afraid to Veto Future EU Integration to Protect Single Market // The Telegraph. 3 July 2012.

[3] Mulholland H. David Cameron Backs Referendum on Europe // The Guardian. 9 October 2012.

попыткой избежать немедленного ухода из европейского интеграционного объединения, готовность к которому британская общественность демонстрировала все более определенно.

В конце октября 2012 г. 51 член парламента от Консервативной партии примкнул к представителям Лейбористской партии в стремлении отвергнуть условия нового проекта бюджета ЕС, возмущаясь тем, что он не позволял сокращать расходы в реальном выражении. В процессе подготовки к встрече с лидерами европейских государств на саммите в Брюсселе в ноябре 2012 г. Д. Кэмерону приходилось отстаивать новый план бюджета для подавления внутриполитических разногласий, в то время как канцлер ФРГ Ангела Меркель собиралась защищать существовавший вариант бюджета на том основании, что она стремилась сохранить евро в качестве единой валюты, что было более убедительным аргументом для континентальных государств-членов Евросоюза. Столь тяжелая переговорная позиция Д. Кэмерона не могла не радовать лидера Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК) Найджела Фараджа, который положительно оценил внутрипарламентский раскол по вопросу бюджета, поскольку он не позволял премьер-министру тратить ресурсы на Европу[1].

Проведенный в ноябре 2012 г. компанией «Ipsos MORI» опрос выявил, что 48% респондентов поддерживали идею выхода Британии из ЕС, в то время как надежду на сохранение государства в рамках интеграционного объединения выразили только 44% опрошенных[2]. Когда Д. Кэмерон дал обещание пустить в свое окружение больше евроскептиков, они продолжили требовать большего. Упомянутый выше опрос также показал, что 58% респондентов из числа консерваторов выступали за выход Великобритании из Евросоюза[3]. Такой евроскептический обществен-

[1] Watt N. David Cameron Suffers Commons Defeat on EU Budget // The Guardian. 31 October 2012.

[2] Ipsos MORI Political Monitor November 2012. Ipsos MORI. — https://www.ipsos.com/sites/default/files/migrations/en-uk/files/Assets/Docs/Polls/nov2012polit_web2%5B1%5D.pdf. (апрель, 2024).

[3] Ibid.

ный настрой позволил членам парламента от Консервативной партии продолжать оказывать давление на более еврооптимистично настроенное правительство.

Слабость Д. Кэмерона как партийного руководителя продолжала вносить разлад в британско-европейские отношения. В конце 2012 г. требования о референдуме по «европейскому вопросу» зазвучали от занимавших высокие посты представителей Консервативной партии, желавших предотвратить массовый исход из рядов тори. Мэр Лондона Борис Джонсон, активно участвовавший в партийной конференции консерваторов, объявил о своем намерении поддержать пересмотр роли Соединенного Королевства в Евросоюзе, в рамках которого за государством было бы сохранено лишь участие в общем рынке интеграционного объединения, после чего, по его мнению, следовало бы провести национальный референдум по вопросу принятия новых условий членства[1]. Приняв и одобрив доводы Б. Джонсона две недели спустя, Д. Кэмерон назвал выход Британии из Евросоюза «сценарием, который вполне можно себе представить»[2], пытаясь остановить переход избирателей, поддерживавших Консервативную партию, в ряды электората ПНСК.

В ходе проведенного в связи с успехом на выборах 2009 г. в Европейский парламент демографического анализа сторонников ПНСК было выявлено, что типичными представителями электоральной базы партии являлись мужчины средних лет, испытывавшие финансовые трудности, ранее поддерживавшие Консервативную партию и перешедшие на сторону ПНСК из-за личных евроскептических убеждений, подкрепленных неприятием иммигрантов и критикой политических элит[3]. Более поздний опрос, организованный бывшим заместителем лидера Кон-

[1] Mulholland H. Boris Johnson: UK Should Renegotiate Relationship with EU // The Guardian. 4 December 2012.

[2] Watt N. David Cameron: Withdrawal from EU Is Imaginable // The Guardian. 17 December 2012.

[3] Ford R., Goodwin M.J., Cutts D. Strategic Eurosceptics and Polite Xenophobes: Support for the United Kingdom Independence Party (UKIP) in the 2009 European Parliament Elections // European Journal of Political Research. 2012. Vol. 51. N. 2. P. 206.

сервативной партии лордом Майклом Эшкрофтом показал, что только четверть перешедших на сторону ПНСК консерваторов считала вопрос европейской интеграции серьезной проблемой для Британии. Из этого следовало, что изменение политики тори в отношении ЕС смогло бы вернуть в их ряды лишь незначительную долю ушедших ранее избирателей[1]. Однако посыл М. Эшкрофта был фактически проигнорирован, и консерваторы продолжили активно использовать «европейский вопрос».

Окончательно пойдя на условия евроскептиков, 23 января 2013 г. Д. Кэмерон дал обещание провести референдум, на котором будет решено, останется ли Великобритания в составе Евросоюза или выйдет из него, не позднее 2017 г. В своей речи, произнесенной в лондонском офисе компании «Блумберг», Д. Кэмерон подчеркнул, что он не являлся британским изоляционистом, однако он не мог дольше закрывать глаза на недовольство британцев тем, что перенос центров принятия решений все дальше от них способствовал снижению их уровня жизни из-за принудительной жесткой экономии[2]. Д. Кэмерон рассчитывал на обновление ЕС, которое сделает его конкурентоспособным на мировом рынке. Он размышлял: «Можем ли мы в условиях глобальной конкуренции найти хоть какое-то оправдание наличию огромного количества дорогостоящих периферийных европейских институтов?»[3] Надеясь на очищение Евросоюза от лишних органов власти, Д. Кэмерон дал заверения о проведении референдума при условии победы консерваторов на выборах в 2015 г.

Именно блумбергская речь Д. Кэмерона стала отправной точкой будущего референдума. Заявленная премьер-министром цель состояла в том, чтобы добиться общественного консенсуса относительно будущего взаимодействия Вели-

---

[1] Watt N. David Cameron: Withdrawal from EU Is Imaginable // The Guardian. 17 December 2012.

[2] Cameron D. EU Speech at Bloomberg. 23 January 2013. — https://www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg. (апрель, 2024).

[3] Ibid.

кобритании и ЕС. Негласная цель заключалась в том, чтобы минимизировать критику внутри Консервативной партии, исходившую в основном от представителей ее евроскептического крыла. Обозначенный Д. Кэмероном план включал реформирование взаимоотношений Британии с Евросоюзом, предусматривавшее возврат части полномочий с европейского на национальный уровень, и расчет на поддержку новых условий членства британской общественностью[1].

Несмотря на положительную реакцию консерваторов на блумбергскую речь Д. Кэмерона, премьер-министру не удалось устранить электоральные провалы по «европейскому вопросу». В мае 2013 г. ПНСК получила 25% голосов в тех округах, где баллотировались ее представители, оттеснив либеральных демократов на четвертое место на национальном уровне и выдвинув более 140 кандидатов[2]. Возраставшая популярность ПНСК явно не играла на руку Консервативной партии в целом и Д. Кэмерону в частности.

В мае 2014 г. Британия пережила «политическое землетрясение»[3]. Как показали итоги местных выборов в мае 2014 г., обещаний Д. Кэмерона по «европейскому вопросу» оказалось недостаточно для сдерживания ПНСК, получившей беспрецедентную поддержку. Не отметившись значительными результатами в Лондоне, правопопулистская партия набрала более 20% голосов в остальной части государства, а в местные советы прошли 28 ее кандидатов[4]. На выборах в Европейский парламент она нанесла беспрецедентное поражение двум основным британским партиям, получив почти 27% голосов и заняв

---

[1] Daddow O. From Bloomberg to Brexit: David Cameron's dis-United Kingdom. UK in a Changing Europe. 23 January 2018. — https://ukandeu.ac.uk/from-bloomberg-to-brexit-david-camerons-dis-united-kingdom/ (апрель, 2024).

[2] Boulton A. UKIP's Electoral Success Is A Game Changer // Sky News. 3 May 2013.

[3] Wintour P., Watt N. Ukip Wins European Elections with Ease to Set off Political Earthquake // The Guardian. 26 May 2014.

[4] Mason R., Pidd H., Booth R. Ukip Results Reveal Divide between London and Rest of England // The Guardian. 23 May 2014.

первое место среди всех британских партий. ПНСК получила 24 места в Европарламенте, в то время как лейбористам досталось 20 мест, а консерваторам — только 19[1].

На момент старта избирательной кампании всеобщих выборов в январе 2015 г. победу Консервативной партии нельзя было предсказать наверняка. Назвав предстоящие выборы самыми важными за последнюю четверть века, Д. Кэмерон начал электоральную кампанию с акцента на последних экономических достижениях консерваторов, заключавшихся в выводе 1,75 миллиона человек из состояния безработицы и двукратном сокращении дефицита государственного бюджета[2].

В итоге выборы преподнесли приятный сюрприз Д. Кэмерону в виде победы Консервативной партии с получением однопартийного большинства. В общей сложности консерваторы получили 330 мест, лейбористы — 232, а от ПНСК в парламент попал лишь один депутат, несмотря на то, что партия набрала 12,6% от общего количества голосов[3]. В условиях почти равномерного рассеивания поддержки по всей стране ПНСК оказалась неконкурентоспособной в рамках мажоритарной избирательной системы, по которой проводились парламентские выборы, однако сохранила внушительный потенциал для кампании референдума. Продолжив находиться у власти с обновленным правительством, Д. Кэмерон был обязан выполнить данное им обещание о проведении референдума по вопросу участия Британии в ЕС в течение ближайших двух лет. Подготовка к референдуму началась стремительно, и уже через несколько дней после выборов было решено, что он состоится в 2016 г.[4].

19 февраля 2016 г. Д. Кэмерон объявил о том, что добился соглашения с лидерами государств Евросоюза по итогам

[1] Hawkins O., Miller V. European Parliament Elections 2014: Research Paper 14/32. L.: House of Commons Library, 2014. P. 12.

[2] Mason R. Cameron Launches Election Campaign with Controversial Deficit Claim // The Guardian. 1 January 2015.

[3] Hawkins O., Keen R., Nakatudde N. General Election 2015. L.: House of Commons Library, 2015. P. 11.

[4] Watt N. David Cameron May Bring EU Referendum Forward to 2016 // The Guardian. 11 May 2015.

встреч на высшем уровне, на которых обсуждались условия продолжения членства Великобритании в интеграционном объединении в случае принятия соответствующего решения на референдуме. Главные положения новых правил включали семилетнюю заморозку пособий по безработице для мигрантов, с помощью которой Д. Кэмерон надеялся доказать серьезность своих намерений решить иммиграционную проблему, а также освобождение Британии от участия в европейских интеграционных инициативах, направленных на построение «более тесного союза между народами Европы»[1]. Получив гарантии от Брюсселя, Д. Кэмерон назначил референдум на 23 июня, отведя на проведение кампании 4 месяца.

После заседания кабинета министров в полном составе министр юстиции Майкл Гоув с примкнувшими к нему пятью членами кабинета основали кампанию «Голосуй за выход» («Vote Leave»)[2]. Поскольку обе стороны референдума начали борьбу за голоса избирателей, они сразу же принялись дискредитировать друг друга. В ответ на обвинения в распространении дезинформации о последствиях возможного брексита, якобы содержавшейся в документе кабинета министров, прогнозировавшем «десятилетие неопределенности» в случае прекращения членства Великобритании в Евросоюзе, Д. Кэмерон объявил свою кампанию «проектом фактов»[3]. Исполнительный директор кампании «Голосуй за выход» Мэттью Эллиотт заявил, что документу не хватало «достоверности из-за ошибок и неверных предположений, которыми он изобиловал»[4]. Едкие замечания М. Эллиотта свидетельствовали скорее о его желании заручиться поддержкой евроскептиков, а не

[1] Watt N., Traynor I., Rankin J. Cameron Will Put ‘Heart and Soul’ into Staying in EU after Sealing Deal // The Guardian. 20 February 2016.

[2] Watt N. Michael Gove and Five Other Cabinet Members Break Ranks with PM over EU // The Guardian. 20 February 2016.

[3] Stewart H., Asthana A. David Cameron Says His EU Campaign Is Project Fact, Not Project Fear // The Guardian. 29 February 2016.

[4] Sparrow A., Wearden G. EU Referendum: Vote Leave Dismisses Government’s Brexit Report as a ‘Dodgy EU Dossier’ — Politics Live // The Guardian. 29 February 2016.

о стремлении переманить на свою сторону приверженцев противоположного лагеря.

Исследование, проведенное в конце февраля 2016 г. компанией «YouGov», выявило, что брексит поддерживали в основном пожилые избиратели, и они проявляли больше желания голосовать на референдуме, чем более еврооптимистично настроенные молодые люди[1]. Следовательно, явка на референдум пожилых избирателей с активной гражданской позицией могла иметь решающее значение для судьбы Британии в ЕС. Однако внутренняя борьба между соперничавшими друг с другом группами давления, поддерживавшими выход Соединенного Королевства из Евросоюза, грозила растратой ресурсов и низкой явкой.

Движение за брексит в начале кампании оказалось на грани провала. Одновременное наличие состоявшей из отколовшихся консерваторов кампании «Голосуй за выход» и сформированной сторонниками ПНСК группы «Народные массы за выход» («Grassroots Out») обусловило раскол и борьбу за финансирование и ресурсы между соперничавшими фракциями. После признания избирательной комиссией движения «Голосуй за выход» в качестве официальной кампании в поддержку брексита предприниматель Аррон Бэнкс, финансировавший группу «Народные массы за выход», пригрозил подать в суд на правительство за предвзятый выбор в пользу элитарной кампании. Но в итоге решив не начинать судебное разбирательство, которое могло бы отсрочить референдум на несколько месяцев, А. Бэнкс и Н. Фарадж примкнули к кампании «Голосуй за выход»[2]. В то же время Н. Фарадж продолжил свою внутреннюю кампанию, направленную на его электоральную базу, недовольную политикой элит.

---

[1] Sayers F. Polls Suggest Brexit Has (Low) Turnout on Its Side // The Guardian. 26 February 2016.

[2] Mason R. Nigel Farage Calls for End to Brexit Campaign Infighting // The Guardian. 14 April 2016.

В июне 2016 г. результаты опросов общественного мнения не предвещали ничего хорошего для кампании в поддержку продолжения членства Соединенного Королевства в ЕС, которая называлась «Британия сильнее в Европе» («Britain Stronger in Europe»). Несмотря на непрерывные увещевания о том, что брексит приведет к экономическим бедствиям, аргументы кампании за продолжение членства смогли убедить только 25% участников опроса «Ipsos MORI» в том, что выход из ЕС нанесет ущерб британской экономике, в то время как 63% опрошенных выражали убежденность в том, что брекит сократит поток иммигрантов на Британские острова[1]. В последние недели кампании референдума антагонизм по отношению к ЕС часто оправдывался накопившимся гневом и разочарованием рабочего класса[2]. В итоге на результаты референдума 23 июня 2016 г. значительное влияние оказали именно голоса избирателей, относившихся к рабочему классу и проживавших за пределами городов. С небольшим перевесом — 51,9% против 48,1% голосов — победу одержали сторонники брексита[3].

Дававшиеся в стремлении заручиться поддержкой членов собственной партии многочисленные обещания Д. Кэмерона о передаче проблемы участия в европейской интеграции в руки британской общественности за несколько лет настолько обесценились, что настоящим удивлением стало выполнение им своего обещания о проведении референдума, данного в блумбергской речи с условием победы на парламентских выборах 2015 г. Однако надежды премьер-министра на решение британского электората в пользу продолжения участия Соединенного Королевства в ЕС не оправдались. Как следствие, на следующий же день после референдума Д. Кэмерон анонсировал

[1] Stewart H. UK Poll Finds Just 25% Believe Brexit Would Reduce Living Standards // The Guardian. 9 June 2016.

[2] Mckenzie L. Brexit Is the Only Way the Working Class Can Change Anything // The Guardian. 15 June 2016.

[3] The 2016 UK referendum. Report on the 23 June 2016 referendum on the UK's membership of the European Union. L.: The Electoral Commission, 2016. P. 17.

свою отставку, четко дав понять, что выступал за то, чтобы Британия осталась в составе ЕС, поэтому больше не мог исполнять роль премьер-министра в сложившейся ситуации[1].

Потерпев поражение в «европейском вопросе», Д. Кэмерон наступил на те же грабли, что и два его предшественника из рядов тори – Маргарет Тэтчер и Джон Мейджор, которые были вынуждены уйти в отставку из-за того, что не смогли найти оптимального подхода к европейской политике, который был бы приемлемым и для кабинета министров, и для разделенной внутренней борьбой Консервативной партии. Используя проблему членства Соединенного Королевства в Евросоюзе с самого начала своего пребывания на Даунинг-стрит как инструмент внутриполитической борьбы, Д. Кэмерон сделал себя заложником евроскептического крыла своей партии, требовавшего от премьер-министра выполнения данных им обещаний и оказывавшего на него постоянное давление. Кроме того, нараставшая конкуренция со стороны правых популистов в лице ПНСК, переманивавших на свою сторону избирателей из рядов консерваторов, заставляла Д. Кэмерона все больше втягиваться в евроскептическую повестку. В итоге «европейский вопрос» и стал для Д. Кэмерона роковым.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Речь Посла Великобритании Лори Бристоу, посвященная референдуму о членстве Великобритании в ЕС. Круглый стол Института Европы РАН. 27 июня 2016 г. — https://www.gov.uk/government/news/british-ambassador-to-russia-comments-on-eu-referendum.ru (fghtkm? 2024).

Boulton A. UKIP's Electoral Success Is A Game Changer // Sky News. 3 May 2013.

[1] Речь Посла Великобритании Лори Бристоу, посвященная референдуму о членстве Великобритании в ЕС. Круглый стол Института Европы РАН. 27 июня 2016 г. — https://www.gov.uk/government/news/british-ambassador-to-russia-comments-on-eu-referendum.ru. (апрель, 2024).

Cameron D. David Cameron: We Need to Be Clear about the Best Way of Getting What Is Best for Britain // The Telegraph. 30 June 2012.

Cameron D. EU Speech at Bloomberg. 23 January 2013. — https://www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg (апрель, 2024).

Clark T. EU Referendum: Poll Shows 49% Would Vote for UK Withdrawal // The Guardian. 24 October 2011.

Daddow O. From Bloomberg to Brexit: David Cameron's dis-United Kingdom. UK in a Changing Europe. 23 January 2018. — https://ukandeu.ac.uk/from-bloomberg-to-brexit-david-camerons-dis-united-kingdom/ (апрель, 2024).

Hawkins O., Keen R., Nakatudde N. General Election 2015. L.: House of Commons Library, 2015. 122 p.

Hawkins O., Miller V. European Parliament Elections 2014: Research Paper 14/32. L.: House of Commons Library, 2014. 59 p.

Ipsos MORI Political Monitor November 2012. Ipsos MORI. — https://www.ipsos.com/sites/default/files/migrations/en-uk/files/Assets/Docs/Polls/nov2012polit_web2%5B1%5D.pdf (апрель, 2024).

Kirkup J. Cameron's Backbenchers Demand EU Referendum // The Telegraph. 28 June 2012.

Mason R. Nigel Farage Calls for End to Brexit Campaign Infighting // The Guardian. 14 April 2016.

Mason R., Pidd H., Booth R. Ukip Results Reveal Divide between London and Rest of England // The Guardian. 23 May 2014.

Mckenzie L. Brexit Is the Only Way the Working Class Can Change Anything // The Guardian. 15 June 2016.

Mulholland H. Boris Johnson: UK Should Renegotiate Relationship with EU // The Guardian. 4 December 2012.

Mulholland H. David Cameron Backs Referendum on Europe // The Guardian. 9 October 2012.

National Referendum on the European Union. Hansard's Parliamentary Record: House of Commons Debates. 24 October 2011. Vol. 534. Cols. 26-27.

Prince R. David Cameron: I'm Not Afraid to Veto Future EU Integration to Protect Single Market // The Telegraph. 3 July 2012.

Sayers F. Polls Suggest Brexit Has (Low) Turnout on Its Side // The Guardian. 26 February 2016.

Sparrow A., Wearden G. EU Referendum: Vote Leave Dismisses Government's Brexit Report as a 'Dodgy EU Dossier' — Politics Live // The Guardian. 29 February 2016.

Stewart H., Asthana A. David Cameron Says His EU Campaign Is Project Fact, Not Project Fear // The Guardian. 29 February 2016.

Stewart H. UK Poll Finds Just 25% Believe Brexit Would Reduce Living Standards // The Guardian. 9 June 2016.

The 2016 UK referendum. Report on the 23 June 2016 referendum on the UK's membership of the European Union. L.: The Electoral Commission, 2016. 131 p.

Watt N., Connolly K. Eurozone Rescue: David Cameron Threatens Veto to Protect UK Interests // The Guardian. 7 June 2012.

Watt N. David Cameron May Bring EU Referendum Forward to 2016 // The Guardian. 11 May 2015.

Watt N. David Cameron Rocked by Record Rebellion as Europe Splits Tories Again // The Guardian. 24 October 2011.

Watt N. David Cameron Suffers Commons Defeat on EU Budget // The Guardian. 31 October 2012.

Watt N. David Cameron: Withdrawal from EU Is Imaginable // The Guardian. 17 December 2012.

Watt N. David Lidingdon Appointed Europe Minister in Sign of Tory Thaw on EU // The Guardian. 13 May 2010.

Watt N. Michael Gove and Five Other Cabinet Members Break Ranks with PM over EU // The Guardian. 20 February 2016.

Watt N., Traynor I., Rankin J. Cameron Will Put 'Heart and Soul' into Staying in EU after Sealing Deal // The Guardian. 20 February 2016.

Watt N. William Hague Heralds 'Hardheaded' Eurosceptic Policies // The Guardian. 6 October 2010.

Wintour P., Watt N. Ukip Wins European Elections with Ease to Set off Political Earthquake // The Guardian. 26 May 2014.

Исследования / Scientific research

Андреева Т.Н. Европейская политика кабинета Д. Кэмерона — Н. Клегга (май 2010 – июль 2013 гг.) / Отв. ред.: Н.К. Арбатова, К.П. Зуева. М.: ИМЭМО РАН. 2014. 190 с. — Andreeva T.N. Evropeiskaya politika kabineta D. Kemerona — N. Klegga (mai 2010 – iyul' 2013 gg.) / Otv. red.: N.K. Arbatova, K.P. Zueva. M.: IMEMO RAN. 2014. 190 s.

Дилеммы Британии. Поиск путей развития / Под ред. Ал.А. Громыко (отв. ред.), Е.В. Ананьевой. М.: Весь Мир. 2014. 480 с. — Dilemmy Britanii. Poisk putei razvitiya / Pod red. Al.A. Gromyko (otv. red.), E.V. Anan'evoi. M.: Ves' Mir. 2014. 480 s.

Капитонова Н.К. Британские премьер-министры. Политические портреты. М.: Международные отношения. 2017. 440 с. — Kapitonova N.K. Britanskie prem'er-ministry. Politicheskie portrety. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. 440 s.

Burton M. From Broke To Brexit: Britain's Lost Decade. L.: Palgrave Macmillan. 2021. 255 p.

Cowley P., Stuart M. The Cambusters: The Conservative European Union Referendum Rebellion of October 2011 // The Political Quarterly. 2012. Vol. 83. N. 2. P. 402-406.

Ford R., Goodwin M.J., Cutts D. Strategic Eurosceptics and Polite Xenophobes: Support for the United Kingdom Independence Party (UKIP) in the 2009 European Parliament Elections // European Journal of Political Research. 2012. Vol. 51. N. 2. P. 204-234.

Л.Н. Чернова
(Саратов)

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЛОНДОНЕ XIV–XVI ВЕКАХ И ГОРОДСКИЕ ОФИЦИАЛЫ

Вторник, 18 июля, 1301 г. в Лондоне был омрачен трагедией, попавшей на страницы анналов городской истории. Ричард, 8-летний сын некоего Джона ле Мейзона, возвращался после обеденного перерыва в школу. Он шел по Лондонскому мосту и, играя, свесился с одной из балок, не удержался, упал в воды Темзы и утонул. В ходе проведенного расследования, с привлечением свидетелей произошедшего, присяжные установили, что это был несчастный случай[1].

В контексте проблематики данной статьи нас интересует, в какую школу ходил Ричард? Какие возможности для получения образования предоставлял Лондон XIV–XVI вв.? Кто, кого и чему обучал, каковы были общественные запросы на содержание образования? И, наконец, какую роль в развитии образования в позднесредневековом и тюдоровском Лондоне играли представители городской власти — олдермены, мэры, шерифы?

Возможно, Ричард ле Мейзон возвращался в официальную грамматическую школу, где преподавали латынь, но, скорее всего, в возрасте 8 лет он посещал певческую школу. Здесь мальчик

[1] On the death of Richard, son of John le Mazon // Calendar of Coroners rolls of the City of London, A.D. 1300–1378 / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1913. P. 25.

получал образование на латыни и английском языке, достаточное для того, чтобы петь на богослужениях и соблюдать церковные обряды. Такие школы были при Вестминстерском аббатстве, приорате Святой Марии и соборе Святого Павла.

В Вестминстерском аббатстве с XIV в. действовали как певческая, так и грамматическая школы, и обе они размещались в богадельне, существовавшей на пожертвования. В 1461 г. грамматическая школа переехала в новые помещения. К 1530-м гг. в певческой школе Вестминстерского аббатства обучались 6 мальчиков, в грамматической — около 30[1], далеко не все из которых были предназначены для монашеской жизни, а школьные учителя здесь с конца XIV в., по-видимому, были женатыми мужчинами[2]. При Вестминстерской церкви Святого Петра к концу XV в. функционировала Вестминстерская школа, считавшаяся одним из самых престижных учебных заведений, где более чем 120 мальчикам преподавали классическую латынь и греческий[3].

Школы Вестминстерского аббатства не были чем-то исключительным. В течение XV столетия в Лондоне появились новые певческие школы: в госпитале Святого Антония (1441 г.), часовне Гилдхолла (к 1479 г.), церквах Святой Марии Уолнот (1492 г.), Святой Марии на Холмах и Святого Данстана в Исте[4]. Олдермен 1424–1453 гг., дважды мэр Лондона (1435–1436, 1444–1445 гг.) Генри Фроуик, торговец шелковыми и бархатными тканями (мерсер)[5], в завещании, составленном

[1] Harvey B.F. Living and Dying in England, 1100–1540: The Monastic Experience. Oxford, 1993. P. 214-215.

[2] Rosser G. Medieval Westminster 1200–1540. Oxford, 1989. P. 207-209.

[3] Picard L. Elizabeth's London. Everyday life in Elizabethan London. L., 2004. P. 220-222.

[4] Barron C.M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London // Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron / Ed. by M. Carlin, J.T. Rosenthal. Kalamazoo, 2017. P. 453.

[5] The Aldermen of the City of London: in 2 vols. / Ed. by A.B. Beaven. L., 1913. Vol. 2. P. 7 (Далее — The Aldermen of the City of London. Vol. 2).

в 1453 г., оставил деньги на содержание и обучение двух певчих в госпитале Святого Томаса: «*...мальчики должны быть выбраны за их хороший характер и голос, и ни по какой другой причине. Один из них должен быть известен как "певчий Фроуика", другой — как "певчий Оливера*[1]*"*»[2]. А в 1515 г. счета монастыря Святой Троицы включали платежи на пальто, шляпы и обувь для «детей часовни» и заработную плату для «наставника детей»[3].

В Лондоне функционировало несколько грамматических школ, почти единственным предметом в учебной программе которых была латынь, а ученическая клиентура исключительно мужской. У. Фиц-Стефен, писавший еще в конце XII в., отмечал, что «в трех главных церквах города [собор Святого Павла, церкви Святой Троицы и Святого Мартина] действовали школы, основанные на древних привилегиях и столь же древнего достоинства»[4]. Вероятно, к XIV в., а возможно, и раньше, са-

---

[1] Имеется в виду Уильям Оливер, лондонский торговец шелковыми и бархатными тканями, который в начале 1420-х гг. завещал средства на содержание «певчего Оливера» в церкви Святого Томаса, чтобы он «ежедневно посещал различные религиозные службы в указанной церкви». Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London, A.D. 1258 — A.D. 1688: in 2 pts. / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1890. Part 2. P. 460. (Далее — Calendar of Wills. Part 2).

[2] Ibid. P. 542.

[3] Barron C.M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London. P. 453.

[4] FitzStephen W. Description of London // London 1066–1914: Literary Sources and Documents / Ed. by X. Baron: in 2 vols. Mountfield, 1997. Vol. 1: Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London. 1066–1800. P. 55. Интересно, что применительно к концу XII в. этот автор пишет о том, что «…благодаря поддержке ряда ученых мужей, завоевавших известность в изучении философии, там есть и другие лицензированные школы», и довольно подробно описывает школьные реалии Лондона: «В праздничные дни школьные учителя собирают своих учеников в церквах их святых покровителей. Там школяры ведут диспуты, одни с наглядными доказательствами, другие — используя логические рассуждения. Третьи делают заключения от противного, а те, кто более продвинут, превосходно используют силлогизмы. Некоторые

мыми известными церквами с расположенными в них грамматическими школами были собор Святого Павла, церкви Святой Троицы. Святой Марии на Холмах и Святого Мартина ле Гранда. Имеются свидетельства, правда, нерегулярные, об учителях грамматики и школах во всех этих церквах еще в XIII и XIV вв., но самые частые и многочисленные упоминания — о школе при соборе Святого Павла.

Однако большинство лондонских детей обучалось чтению и письму не в официальных певческих и тем более не в грамматических школах, а в неофициальных элементарных (начальных) школах, которые позже стали известны как «женские школы» («dame» schools). Учителями в них были священники часовен и приходские клирики, которые получали возможность подзаработать, занимаясь преподаванием основ латинского письма и чтения, а также писцы, которые могли научить мальчиков и девочек читать и писать по-английски и по-французски. В частности, 12-летний мальчик, посещавший школу Уильяма Кингсмилла, лондонского писца, умел «писать и считать», а также немного говорить по-французски[1]. Некоторые из этих школ действительно были женскими: не случайно

упражняются в диспуте с противником, чтобы испытать свои силы, другие усовершенствуют свои навыки в определении истины. Превосходными считаются софисты, искусно владеющие аргументацией; некоторые же делают ложные умозаключения. Иногда ораторы пытаются убедить, произнося риторические речи, заботясь о соблюдении правил своего искусства и не упуская ничего, что с ними связано. Мальчики из разных школ соревнуются между собой, выдвигая друг против друга стихотворные аргументы, и спорят о принципах науки грамматики или о правилах использование будущего или прошедшего времени. Есть те, кто в эпиграммах с помощью рифм и метрических стихов, подобно древним, свободно высмеивают своих сотоварищей, не называя их имен, перебрасываются остротами и насмешками, сократическими шутками касаются изъянов друзей или даже старших по возрасту; подобно Теону, злословят более откровенно в дерзких дифирамбах».

[1] Thrupp S.L. The Merchant Class of Medieval London. Ann Arbor, 1962. P. 159.

Уильям Кресвик, лондонский бакалейщик, завещал 20 шиллингов «школьной учительнице»[1].

Такие школы и учителя в силу своего нелегального статуса не подлежали лицензированию ни светскими, ни церковными властями, поэтому они редко встречаются в официальных источниках. Но случайные упоминания о них, в частности, в завещаниях, наводят на мысль об их широком распространении. Очевидно, что в Лондоне существовал спрос на начальное школьное образование, и были те, кто готов и способен удовлетворять его и таким образом зарабатывать себе на жизнь.

В XV в. в столице Англии, как и во всем королевстве, сложились условия, особо благоприятные для появления и распространения неофициальных школ, которые основывались не только и не столько клириками, сколько мирянами, включая состоятельных и причастных к власти горожан Лондона.

Безусловно, сохраняли свое значение факторы, в целом определявшие появление городских школ и развитие светского, практикоориентированного образования в условиях города. Возрос круг умственных запросов и интересов горожан — купцов, финансистов, ремесленных мастеров и пр., усилилось их стремление к светским, более широким и практическим знаниям, необходимым для ведения так называемых «городских» дел. Купцы должны были полагаться на собственные силы, скрупулезно, в деталях, оценивать конкретную ситуацию на рынке и предпринимать все необходимое для обеспечения безопасности и успеха торговли. Предусмотрительность, осторожность, способность к анализу, деловая активность и энергия, умение концентрировать волю и знания, ориентироваться в сложной ситуации и находить правильное решение, способность учиться на чужом опыте — вот те качества, которые помогали деловому человеку преодолевать совокупность неблагоприятных явлений, случайностей, не всегда поддающихся рациональному объяснению, то есть, противостоять судьбе. Во многом это соответствует набору качеств, определяющих понятие и модель поведения «доброго купца», о которых писал

[1] Calendar of Wills. Part 2. P. 371.

в XIV в. Донато Велутти в своей домашней хронике: разумность и трезвомыслие, миролюбие, добросердечие, милосердие, любезность, приветливость, скромность, весьма пригодные для занятий торговлей[1].

Далеко не случайно повседневной заботой некоторых лондонских олдерменов XIV–XVI вв. стало стремление дать своим детям, прежде всего сыновьям, соответствовавшее потребностям эпохи образование. Показательно, что Николас Пикот, скончавшийся в 1312 г. мерсер, олдермен Лондона в 1298–1312 гг., шериф в 1307–1308 гг., городской казначей в 1300–1304 гг., аудитор в 1310 г.[2], счел важным прописать в завещании, что его «сыновья Николас и Джон должны учиться и посещать школу для получения элементарных знаний»[3], понимая всю важность для купеческих отпрысков умения читать, писать и считать. И Джон Пайел, тоже торговец шелковыми и бархатными тканями, избиравшийся олдерменом в 1369–1382 гг., шерифом в 1370–1371 гг., мэром Лондона в 1372–1373 гг.[4], решил не только дать хорошее образование собственным детям, но и предпринял немалые усилия к тому, чтобы основать колледж в родном Итлинбороу (графство Нортхемптон), где могли бы обучаться местные детишки[5]. А Уильям Янг, лондонский купец, умерший в 1389 г., хотел, чтобы его сыновья были обучены грамматике и хорошим нравам: старший должен был 7 лет изучать юриспруденцию, а младший мог выбрать: посту-

---

[1] Краснова И.А. Добрый купец и кавалер: выбор социокультурных практик в повседневной жизни флорентийского общества XIV – первой трети XV в. // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения / Гл. ред. В.М. Тюленев. Иваново, 2008. С. 86.

[2] The Aldermen of the City of London: in 2 vols. / Ed. by A.B. Beaven. L., 1908. Vol. 1. P. 105, 107 (Далее — The Aldermen of the City of London. Vol. 1).

[3] Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London, A.D. 1258 – A.D. 1688: in 2 pts. / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1889. Part 1. P. 233-234 (Далее — Calendar of Wills. Part 1).

[4] The Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 389.

[5] Чернова Л.Н. Лондонский олдермен XIV века и его супруга: Джон и Джоан Пайел // Диалог со временем. 2008. Вып. 23. С. 32-49.

пить в Оксфорд или изучать торговое дело[1]. Фактически Янг рассматривал школьное образование как обеспечивающее доступ к юриспруденции, университету или деловому миру.

Яркий пример востребованности образования как важнейшего инструмента личностного роста и реализации социальных амбиций в купеческой семье Лондона являет собой Уильям, старший сын богатого суконщика Джона Лэмбада, олдермена 1547–1554 гг.[2] Уильям родился в 1536 г.; в 20 лет поступил в один из престижных столичных колледжей — Lincoln's Inn, где получил прекрасное для своего времени юридическое образование и сделал успешную карьеру. Начав в 1579 г. с должности мирового судьи в графстве Кент, впоследствии Уильям Лэмбад назначался магистром суда лорд-канцлера (1592 г.), избирался членом руководства корпорации барристеров Lincoln's Inn (1597 г.), с 1599 г. был президентом колледжа Кобхэм[3] (графство Кент). Одновременно с этим Уильям писал собственные сочинения (в том числе «Описание Англии», 1570 г.) и занимался издательской деятельностью, чем заслужил высокую оценку королевского правительства. В 1601 г., незадолго до смерти, он был назначен Хранителем архивов лондонского Тауэра и вошел в историю как «елизаветинский хранитель древностей»[4], антикварий.

Заинтересованность в образовании, стремление к получению знаний проступает важнейшей линией повествования в «Жизнеописании Джона Ишема», мерсера, центральной фигуры семейной компании братьев Ишем в Лондоне XVI в.[5].

---

[1] Rickert E. Chaucer at School // Modern Philology. 1932. Vol. 29. N. 3. P. 272.

[2] The Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 32.

[3] Колледж (Cobham College) был основан в 1362 г. Джоном Кобхэмом, 3-м бароном Кобхэмом (ум. 1408).

[4] Warnicke R.M. William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536–1601. L.; Chichester, 1973. P. XIV-XV.

[5] Чернова Л.Н. Семейная компания купцов Ишем в деловом мире Лондона второй половины XVI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 1. С. 68-74.

При этом речь здесь идет не только об осведомленности в практических делах, но и о систематическом и достаточно широком образовании, выходящем за рамки чисто профессиональных потребностей.

Обратим внимание и на другие важные обстоятельства, способствовавшие развитию образования в городе, особенно с последней четверти XIV–XV в. В первую очередь отметим возрастание спроса на преподавание английского языка и латыни. К. Бэррон подметила, что после «Черной смерти» численность людей сократилась[1], а благосостояние на душу населения заметно выросло. У многих из тех, чьи бабушки и дедушки едва могли прокормиться, теперь оказались дополнительные средства, которые можно было потратить, в том числе, на образование. Такого рода «демократизация» способствовала более широкому использованию английского языка в качестве литературного, юридического, делового. Последняя четверть XIV в. ознаменовалась «триумфом английского языка»[2]. Он стал более широко использоваться в качестве средства письменного общения, поскольку навыки чтения и письма продвигались все ниже по социальной лестнице и достигали уровней, где английский был единственным известным языком[3].

Лондон лидировал в использовании письменного английского языка: первые прокламации мэра, написанные на Old English, были вывешены в городе в 1383 г.[4], а первое сохра-

---

[1] Число людских потерь слабо поддается исчислению, однако, например, в Лондоне устанавливается в пределах 40–50%. См.: Лештаев Д.В. Средневековый Лондон в период эпидемии чумы (1348–1351): некоторые аспекты социальной жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 461. — https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468 (апрель, 2024).

[2] Barron C.M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London. P. 451.

[3] Ibidem.

[4] Proclamation against Congregations, Covins, and Conspiracies; Proclamation for the free sale offish within the City; and against Nightwalkers // Memorials of London and London life, in the XIIIth,

нившееся завещание на английском языке составлено в 1389 г.[1] Когда Кембриджский парламент в 1388 г. предписал всем корпорациям письменно ответить на вопросы, касавшиеся их организации, целей и ресурсов, откликнулись 36 лондонских гильдий: 13 ответов были на латыни, 15 — на французском и 10 — на английском языке[2]. К 1422 г. преуспевающие пивовары Лондона решили вести свои записи на английском языке, потому что многие из них владели навыками письма и чтения именно на этом языке, а латынью и французским они «не владели должным образом: так, чтобы их можно было понять»[3].

Чтение и письмо больше не были прерогативой исключительно клирика и придворного: горожане, как торговцы, так и ремесленники, нуждались в этих навыках. Миряне — мужчины и женщины — писали для собственного удовольствия, сохранения и передачи информации: описи, завещания, письма, хроники, отчеты, молитвы.

Таким образом, к XV в. наблюдался растущий спрос на образование для мальчиков и девочек. Необходимость уметь читать и писать по-английски, наряду с французским и латынью, создала спрос на учителей, причем не просто на учителей грамматической школы, которые преподавали латынь, и на писцов, которые обучали навыкам составления документов на французском и латыни, а именно на учителей английского языка, который был более доступным обычным людям.

При этом существовали два фактора, которые делали образование в Лондоне особенно актуальным. Во-первых, это близость королевского двора (Вестминстер) и важность столицы для монаршей власти. Благодаря этому именно в Лондоне часто обнародовались законы и распоряжения властей (официальных

XIVth, and XVth centuries: Being a series of extracts, local, social, and political, from the early archives of the City of London, A.D. 1276–1419 / Ed. by H.T. Riley. L., 1868. P. 480-481; 481-482.

[1] A Book of London English, 1384–1425 / Ed. by R.W. Chambers and M. Daunt. Oxford, 1931. P. 209-210.

[2] Ibid. P. 139.

[3] Ibid.

постановлений короля и / или мэра), имена тех, кто нарушал городские постановления, вывешивались на специальных досках при входе в Гилдхолл. Естественно, это требовало осознанного отклика со стороны горожан. Такие меры были эффективны только в том случае, если лондонцы умели читать. Закономерно, что в городе становилось все больше тех, кто владел этим навыком, и потребность в чтении постоянно возрастала.

Во-вторых, в Лондоне доступ к обучению, особенно в престижных компаниях, зависел от умения читать и писать, причем не обязательно на французском или латыни, но и на английском языке. Приведем лишь некоторые факты. В 1402 г. сэр Джон Дипден из Йоркшира оставил 20 фунтов сыну одного из своих арендаторов: когда мальчик достигнет подходящего возраста, чтобы понимать и писать, его должны были отправить в Лондон учиться ремеслу торговца рыбой, бакалейщика или мерсера[1].

Упоминавшийся выше Джон Ишем до 16 лет оставался дома в Лэмпоте, графство Нортхемптон, где обучался чтению и английскому письму своим отцом, а затем, 1542 г., был направлен в Лондон и поступил учеником к купцу — торговцу шелковыми и бархатными тканями. Обучение Джона имело профессиональную, практическую направленность: его посвящали в искусство торговли шелками и сатином, а также в секреты ведения бухгалтерии[2]. К тому времени в Лондоне уже находились два его брата: Грегори и Генри. Грегори Ишем, получивший начальное образование в школе Лэмпота, спустя некоторое время тоже поступил в ученики в компанию мерсеров[3]. А Генри Ишем «провел детство за книгами и по достиже-

[1] Vale M.G.A. Piety, charity, and literacy among the Yorkshire gentry, 1370–1480 // Borthwick Papers. 1976. N. 50. P. 27; Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall. 1413–1437 / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1943. P. 242.

[2] The Life of John Isham (Appendix II) // John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London merchant in the reign of Elizabeth I / Ed. by G.D. Ramsey. Gateshead, 1962. P. 169, 170.

[3] Ibid. P. 169.

нии необходимого возраста был отправлен в Лондон, в ученики к Грегори Ишему»[1].

Иногда навыки чтения и письма приобретались в ходе прохождения ученичества. В 1415 г. Джон Холланд из Уолсокена в Норфолке пожаловался мэру Лондона на то, что цирюльник, у которого он был учеником, настолько беден, что не может ни накормить, ни одеть его должным образом, ни оставить в школе, пока он не научится читать и писать, как было оговорено в договоре[2]. В середине XV в. лондонский галантерейщик включил в договор пункт о том, что его ученик должен научиться читать и писать, пока проходит у него обучение[3]. В 1469 г. ювелиры отметили, что члены компании брали учеников, которые не умели ни читать, ни писать: «Такая практика наносит ущерб не только братству, но и мастеру, берущему таких учеников, и самому ученику, потому что неразумно ожидать, что неграмотный ребенок или взрослый мужчина только благодаря уму и наблюдательности будут обладать таким же пониманием, как ребенок или взрослый мужчина, обладающие практическим опытом и умеющие читать. Более того, недостаток грамотности приводит к тому, что члены братства ежедневно прибегают к помощи грамотных людей за пределами братства или же нанимают посторонних слуг для выполнения за них работы, требующей навыков письма, в результате чего секреты братства передаются незнакомым людям, что подвергает опасности компанию. Кроме того, из-за отсутствия грамотности члены этого братства не пользуются уважением торговцев города Лондона или благосклонностью лордов и дворян как грамотные люди из других братств города, что сильно дискредитирует это братство»[4].

Таким образом, к XV в. предполагалось, что сыновья и дочери лондонских горожан (возможно, каждый третий взрос-

[1] Ibid.

[2] Calendar of Plea and Memoranda Rolls. 1413–1437. P. 41.

[3] Thrupp S.L. The Merchant Class of Medieval London. P. 158.

[4] The Early History of the Goldsmiths' Company 1327–1509 / Ed. by T.F. Reddaway, L. Walker. L., 1975. P. 261-262.

лый мужчина в Лондоне[1]) и те, кто прибывал в город из других мест, либо уже будут уметь читать и писать, чтобы стать учениками, либо приобретут эти навыки в процессе прохождения ученичества.

Необходимость удовлетворения возраставшего спроса на получение образования горожанами привела к закономерному появлению новых школ, которые конкурировали с традиционными школами, находившимися под контролем церкви. Уже к концу XIV в. монополии на преподавание в трех главных грамматических школах в Лондоне был брошен вызов. К 1391 г. учителя трех школ — Святого Павла, Святой Марии на Холмах и Святого Мартина ле Гранда — вынуждены были выступить против «неизвестных и неквалифицированных учителей грамматики», которые содержали в Лондоне «общие школы грамматики» для «обмана» детей[2]. Хотя неквалифицированные мастера-учителя не были названы поименно, некоторые возможные «нарушители» упоминаются в опубликованных материалах городских архивов. Примерно в это время Ричард Экстон содержал грамматическую школу «рядом с домом монахов ордена Святого Креста»[3] в юго-восточной части города[4], а в 1393 г. некий бакалейщик задолжал Генри Дрейперу, «школьному мастеру», 3 шиллинга[5].

---

[1] Barron C.M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London. P. 453.

[2] Rotuli Parliamentorum ut et petitiones, et placita in Parliamento: in 6 vols. / Ed. by J. Strachey. L., 1771. Vol. 3. Tempore Ricardi R. II. P. 324.

[3] Орден нищенствующих монахов, прибывших в Англию в XIII в. из Италии, где они существовали уже некоторое время: в 1169 г. папа Александр III дал им устав и правила жизни, аналогичные правилам августинцев. Папа Пий II предписал им носить синюю одежду и заменил большой деревянный крест, который они до тех пор носили в руках, маленьким серебряным крестом. В Лондоне монахи ордена Святого Креста появились в 1349 г. и просуществовали вплоть до роспуска монастырей в 1538 г.

[4] Calendar of Select Pleas and Memoranda of the City of London AD 1381–1412 / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1932. P. 182.

[5] Ibid. P. 214.

Несмотря на борьбу церковных властей за сохранение своей монополии на обучение, конкурирующие грамматические школы продолжали появляться и процветать, реагируя на растущий спрос на образование.

В источниках сохранились сведения о некоторых лондонских учителях грамматических школ. Одним из них был Джон Сьюард, известный «школьный мастер», который к 1404 г. (и вплоть до своей смерти в 1435 г.) жил и работал в приходе Святого Петра в Корнхилле[1]. Школа Сьюарда интересна в нескольких отношениях. Во-первых, она бросала вызов церковной монополии на обучение и клерикальному влиянию в деле изучения латыни. В данном случае мы имеем дело с мирянином, читавшим и сочинявшим стихотворные тексты на латыни, писавшим письма и стихи группе образованных учителей — как мирян, так и клириков. Во-вторых, Сьюард был женат (его избранницей стала Матильда, дочь лондонского бакалейщика Джона Броука) и имел дочь Сибиллу[2].

Важно, что Джон Сьюард не был единственным учителем грамматической школы в Корнхилле. В 1419 г. Роджер Кестон записан как «magister scolarum gramaticarum» в Корнхилле, а одним из друзей и корреспондентов по переписке Сьюарда был Уильям Релик, который в 1410 г. содержал школу на Ломбард-стрит, в нижней части Корнхилла. Известно, что Релик и Сьюард устраивали дружеские соревнования на предмет сочинения и чтения латинских стихотворений и собрали вокруг себя группу учителей-единомышленников, которых восхищало латинское остроумие[3]. Похоже, что грамматические школы Корнхилла продолжали существовать и после смерти Сьюарда и Релика, поскольку есть более поздние упоминания о школь-

[1] Barron C.M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London. P. 455.

[2] Galbraith V.H. John Sewarde and his Circle: Some London Scholars of the Early Fifteenth Century // Medieval and Renaissance Studies. 1941. Vol. 1, № 3. P. 98-99.

[3] Ibid. P. 89-91, 104.

ных учителях в этом районе Лондона[1]. Сам факт наличия в городе не одного знатока латыни, а группы учителей-мирян, преподававших там латынь и писавших на ней в первые годы XV в., говорит о том, что обучение в английской столице шло в ногу со временем и было весьма новаторским.

Возможно, пример Сьюарда побудил Уильяма Бингхэма, настоятеля лондонского прихода Святого Иоанна Захарии[2], обратиться в 1439 г. к Генриху VI Ланкастеру (1422–1461, 1470–1471 гг.) за разрешением основать в Кембридже колледж, состоящий из магистра и 24-х стипендиатов, для подготовки учителей, которые затем преподавали бы в грамматических школах по всей Англии. Любопытно, как Бингхэм оценивал значение латыни: он утверждал, что знание этого языка необходимо не только для изучения Священного Писания, но и для соблюдения законов, ведения торговых дел в королевстве и для того, чтобы англичане могли общаться с иностранцами. С проектом по созданию колледжа для подготовки магистров грамматики в Кембридже Уильяма Бингхэма оказалась связана целая группа настоятелей церквей Лондона — выпускников Кембриджа. Это Уильям Личфилд, настоятель церкви Всех Святых, Джилберт Уортингтон, настоятель церкви Святого Андрея в Холборне, и Джон Кут, настоятель церкви Святого Петра в Корнхилле. К сожалению, все трое умерли до того, как Уильям Бингхэм добился официального утверждения устава об основании «Божьего дома» (позже Колледжа Христа) в Кембридже в апреле 1448 г. Тем не менее, эти кембриджские ученые многое сделали для подготовки учителей и обеспечения грамматических школ в Лондоне[3].

Инициатива по распространению школьного образования (grammar school education) исходила не только от Кембриджа. С 1433 г. Джон Карпентер, оксфордский доктор теологии и ректор Ориел-колледжа, был в то же время настоятелем госпи-

---

[1] Thrupp S.L. The Merchant Class of Medieval London. P. 156, n. 2.

[2] Церковь впервые упоминается в 1181 г.

[3] Barron C.M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London. P. 455.

таля Святого Антония в Лондоне[1]. В 1441 г. Карпентер разработал проект по присоединению к госпиталю близлежащей церкви Святого Бенета (Бенедикта) Финка[2] и использованию полученного таким образом дохода для выплаты зарплаты (16 марок в год) учителю, который до того бесплатно преподавал грамматику в госпитале и поблизости от него «всем мальчикам или другим [людям], которые хотели учиться и стать учителями»[3]. С самого начала Карпентер, по-видимому, предполагал, что при новой грамматической школе должна быть и певческая школа: клирик Джон Бенет получал годовое жалованье в размере 8 марок и 4 ярда ткани за обучение мальчиков пению[4]. Даже после смерти Бенета в 1458 г. репутация тамошних мальчиков-певчих оставалась высокой, как и статус грамматической школы. Отец Томаса Мора, юрист, решил именно туда отправить своего сына изучать латынь, и в школьных диспутах XVI в. мальчики из школы Святого Антония «обычно представляли лучших учеников и получали призы»[5].

Школа Святого Антония была успешной во многом благодаря своему влиятельному основателю, имевшему значительные связи. Но этот успех имел и оборотную сторону, видимо, спровоцировав учителей «старых» грамматических школ на защитные меры. В марте 1446 г. Роберт Гилберт, епископ, который в свое время помогал Карпентеру в основании школы Святого Антония, напомнил всем настоятелям, викариям и капелланам Лондона, что «единственными грамматическими

---

[1] Emden A.B. A Biographical Register of the University of Oxford to AD 1500: in 3 vols. Oxford, 1957. Vol. 1. P. 360-361.

[2] Одна из старейших церквей в Лондоне, построенная, возможно, еще в X в. Самое раннее документированное упоминание о ней относится к 1216 г. «Финк» происходит от имени Роберта Финка (Финча), благотворителя XIII в., на средства которого была восстановлена эта церковь.

[3] Barron C.M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London. P. 455.

[4] Ibid.

[5] Harpsfield N. The Life and Death of Sir Thomas More, Knight / Ed. by K. Stearns, A. Taylor. Irving, 2020. P. 6.

школами, разрешенными в городе, являются школы Святого Павла, Святого Мартина ле Гранда, Святой Марии на Холмах, госпиталя Святого Антония и Святого Данстана в Исте»[1].

В следующем году четверо известных городских настоятелей — Личфилд (церковь Всех Святых), Уортингтон (церковь святого Андрея в Холборне) и горячий сторонник образования и покровитель учителей Кут (церковь Святого Петра в Корнхилле), ранее уже участвовавшие в основании «Божьего дома» в Кембридже, вместе с Джоном Нилом, настоятелем церкви Святой Марии Коулчерч, а также настоятелем госпиталя Святого Томаса — обратились к палате общин в парламенте с петицией о том, чтобы им было разрешено основывать грамматические школы в их приходах. Они указали, что Лондон является «местом, где проживает великое множество молодых людей, не только родившихся и воспитанных в этом городе, но и из многих других частей страны»[2]. Здесь «много учеников и мало учителей, и все ученики вынуждены ходить к одним и тем же немногочисленным учителям, и ни к кому другому», по этой причине «учителя становятся богатыми, а ученики бедными»[3]. Ответ Генриха VI был весьма двусмысленным: он заявил, что у него нет возражений, но оставил решение за архиепископом Кентерберийским, что, по-видимому, обрекло петицию на провал.

Немаловажной причиной отказа в удовлетворении ходатайства, возможно, послужила смерть Уортингтона и Кута, последовавшая вскоре после обращения в парламент. Личфилд умер в 1448 г., а Джон Нил позже, в 1463 г.[4]. Но усилия этих людей не прошли даром. Свидетельств о существовании школ в приходе Святого Андрея в Холборне или при церкви Всех Святых нет. Но вполне возможно, что в других церквах были

[1] Educational charters and documents, 598–1909 / Ed. by A.F. Leach. Cambridge, 1911. P. 418.

[2] Ibidem.

[3] Ibid. P. 419-420.

[4] Barron C.M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London. P. 457.

учителя грамматики. В приходе Святого Томаса через 5 лет после подачи петиции дом напротив госпиталя презентован как «в последнее время занимаемый горожанином Уильямом Шиптоном и учителем грамматики»[1]. К началу XVI в. на территории госпиталя была открыта грамматическая школа, спонсируемая компанией мерсеров. Как мы уже видели, в приходе Святого Петра в Корнхилле грамматические школы существовали с начала XV в., хотя они и не были официально признаны.

«Нелицензированная» школа существовала и при госпитале Святого Варфоломея[2]. В 1444 г. священнослужитель Джон Стаффорд пожертвовал средства на возведение часовни госпиталя; здесь священник обучал мальчиков грамматике и пению и получал за это плату[3]. Первым собственно школьным учителем, видимо, был Джон Рейнолд: в своем завещании, составленном в феврале 1459 г., он описал себя как «magister scolarum hospitalis Sancte Crucis et Sancti Bartholomei» в западном Смитфилде и оставил вдову и «внебрачного сына» Уильяма, которому завещал «восемь лучших из моих книг» («octo optimos libros meos de libris meis»)[4]. Известно, что к 1470-м гг. Джон Баркеби преподавал грамматику в школе Святого Варфоломея, а также держал книжную лавку в приходе Святого Гроба Господня[5].

Фактически церковные власти в лице архиепископа Кентерберийского, епископа Лондонского и настоятеля собора Святого Павла не смогли предотвратить появления «нелицензированных» школ в столице.

---

[1] Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall, 1437–1457 / Ed. by Ph.E. Jones. Cambridge, 1954. P. 120.

[2] С XIII в. в госпитале было принято заботиться о детях-сиротах и, в частности, о младенцах, рожденных матерями в Ньюгейтской тюрьме. Обучение детей, возможно, развилось из этой первоначальной заботы о подкидышах.

[3] Calendar of Wills. Part 2. P. 508.

[4] Barron C.M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London. P. 458.

[5] Memorials of the Book Trade in Medieval London: the archives of Old *London* Bridge / Ed. by C.P. Christianson. Woodbridge, 1987. P. 52.

Важную роль в развитии образования в Лондоне сыграли богатые купцы — представители городской власти. Источники XIV–XVI вв. содержат интересную информацию об основании мэрами и олдерменами школ — как в самом Лондоне, так и за его пределами.

Прежде всего, обратимся к успешному проекту одного из богатейших лондонских купцов и финансистов, торговца шелковыми и бархатными тканями Ричарда Уайттингтона (ум. 1423 г.), олдермена 1393–1423 гг., шерифа в 1393–1394 гг., депутата парламента от столицы в 1416 г., аудитора 1418 г. трижды избиравшегося мэром Лондона: в 1397–1399, 1406–1407, 1419–1420 гг.[1]. В начале XV в. в приходе Святого Михаила он основал колледж Святого Духа и Святой Марии и богадельню «Божий дом» для 13-ти бедняков из компании мерсеров под общим названием «Уайттингтон колледж». Связь между госпиталем и колледжем становилась все более тесной, и в середине XVI в. они представляли собой уже единое целое[2]. При этом несколько удивительно, но сам Уайттингтон не был высоко образованным человеком, интеллектуалом, в его завещании не упоминаются какие бы то ни было книги. Однозначно можно утверждать лишь то, что он умел читать и писать, был знаком с латынью (на его печати была латинская надпись)[3].

---

[1] The Aldermen of the City of London. Vol. 1. P. 71.

[2] Кроме того, важными строительными проектами Уайтингтона были реставрация госпиталя Святого Варфоломея на западе Смитфилда, реконструкция Гилдхолла (он увеличил и остеклил зал Гилдхолла, построил часовню и библиотеку для хранения отчетов и книг, примыкающие к ратуше), выделил средства для возведения нового нефа в Вестминстерском аббатстве, а также спонсировал незамужних матерей в госпитале Святого Томаса в Саутуорке. См.: Яблонская О.В. Благотворители средневековой Англии: Дик Уиттингтон // Британские чтения: материалы II Всероссийский с международным участием научной конференции, посвященной 90-летию проф. М.М. Ябровой (Саратов, 19–20 сентября 2013 г.) / Под ред. Л.Н. Черновой. Саратов, 2014. С. 48, 49, 50.

[3] Barron C.M. Richard Whittington: The Man Behind the Myth // Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron / Ed. by M. Carlin, J.T. Rosenthal. Kalamazoo, 2017. P. 296.

Еще одна очень интересная, но не совсем удачная образовательная инициатива XV в. связана с именем олдермена (1444–1458 гг.) и мэра Лондона (1445 г.) Саймона Эйра, богатого торговца тканями (дрейпера)[1], поднявшегося на торговле с итальянцами: в 1430–1440-х гг. он успешно продавал большие объемы ткани и приобретал красители и специи[2].

Еще в июле 1439 г. из-за нехватки зерна городской совет Лондона решил построить зернохранилище в районе Лиденхолла, располагавшегося между Корнхиллом и Олдгейтом. Саймон Эйр принял непосредственное участие не только в составлении проекта, но и в его реализации. Из прочтения завещания, составленного им в сентябре 1458 г., и двух дополнений к нему становится очевидным, что строительное предприятие в Лиденхолле в 1440–1450-х гг. вышло далеко за рамки возведения зернохранилища[3].

Саймон Эйр руководил строительством в Лиденхолле большого 4-угольного здания вокруг внутреннего двора, с часовней, выступающей с восточной стороны. В своем завещании и дополнениях к нему Эйр ссылается на «часовню и школы» в Лиденхолле, «позднее построенные мной»[4], вообще не упоминая зернохранилище. К 1458 г. он основал в Лиденхолле колледж из 5 священников, 6 клерков и 2 певчих, а также 3 школьных учителей: один преподавал грамматику, другой — письмо, а третий — пение. Для учителя грамматической школы был предусмотрен помощник. Из завещательных распоряжений Эйра создается впечатление, что здание было достроено, и колледж со школами введены в эксплуатацию. Ясно, что, когда

---

[1] The Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 9.

[2] Calendars of Letter-Books of the City of London, arranged in approximate chronological order. Includes editorial introduction and indices : in 11 vols. Vol. 9. Letter-Book I: 1400–1422 / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1909. P. 215; Calendar of Plea and Memoranda Rolls. 1413–1437. P. 226, 292; Calendar of Plea and Memoranda Rolls. 1437–1457. P. 41-42.

[3] Samuel M. The Fifteenth-Century Garner at Leadenhall // Antiquaries Journal. 1989. Iss. lxix, part I. P. 119-153.

[4] Calendar of Wills. Part 2. P. 600.

Эйр составил свое завещание, духовенство колледжа и школьные учителя уже были на месте, «находясь там и занимая указанное место в Лиденхолле»[1]. Но при этом он оставил 3000 марок своим душеприказчикам, чтобы они проследили за созданием «часовни и школ». Он надеялся, что колледж и 3 школы будут находиться в ведении его компании дрейперов или настоятеля монастыря Святой Троицы на Олдгейте. Если бы душеприказчики Эйра преуспели, в Лондоне появилось бы учебное заведение, аналогичное любому из колледжей, которые тогда создавались в Оксфорде и Кембридже. Но, в конечном счете, этот план забуксовал, и распоряжение Саймона Эйра оставалось актуальным вплоть до 1473 г., т.е. и через 15 лет после его смерти.

Почему душеприказчики Эйра не смогли внедрить его образовательную программу? Возможно, Эйр был не так богат, как ему казалось, и у него просто не оказалось достаточно денег для полного финансирования проекта. Но стоит сравнить провал плана Саймона Эйра с успехом колледжа и богаделен Ричарда Уайттингтона, созданных им почти 40 годами ранее.

Оба намеревались, чтобы компании, в которые они входили, управляли оставленными ими пожертвованиями и руководили их благотворительными предприятиями[2]. Но были и различия. У Уайттингтона не было наследников, в то время как Саймон Эйр оставил 2-х сыновей и дочь, которые, возможно, предъявляли претензии на имущество своего отца. Во-вторых, Уайттингтон, в отличие от Эйра, не составлял подробных руководств для осуществления своих замыслов, в результате чего его душеприказчики получили гораздо большую свободу действий, могли своевременно реагировать на различные вызовы, менять стратегии для достижения целей завещателя. В-третьих, Уайттингтон выбрал более эффективных 4-х исполнителей: коллегу-мерсера, священнослужителя, писца и знаменитого Джона Карпентера, городского клерка, человека самостоятель-

[1] Calendar of Wills. Part 2. P. 600.

[2] Samuel M. The Fifteenth-Century Garner at Leadenhall. P. 119-153.

ного, со своими взглядами и собственным видением происходившего. Эйр, напротив, выбрал личного капеллана и 3-х членов своей семьи, возможно, недостаточно известных и влиятельных в городе, а также 6 надзирателей: настоятеля церкви Святой Троицы на Олдгейте, 3-х юристов и 2-х джентльменов. Следовательно, исполнители были слишком незначительны, а надзиратели многочисленны.

Вполне возможно, что реализация плана Эйра встретила противодействие со стороны не только епископа Лондонского, всегда стремившегося защищать монополию признанных городских грамматических школ, но и со стороны нелегальных учителей грамматических школ, мастеров певческих школ и переписчиков — учителей письма, которые небезосновательно опасались снижения своих доходах из-за создания «супершколы» в самом центре города.

В некоторых отношениях план Эйра опередил свое время. Новшеством явилось бы официальное учреждение и наделение полномочиями школьного учителя для обучения письму. Фактически первое официальное назначение учителя письма в Англии, по-видимому, произошло в Олкастере, в Йоркшире, в 1460-х гг.[1] Вторым новым аспектом плана Эйра было его решение доверить управление колледжем и 3-мя школами своей компании дрейперов. С конца XIV в. городские компании (например, мерсеры) все чаще брали на себя долгосрочные благотворительные обязательства, и дрейперы вполне могли бы руководить проектом Эйра. И это была бы первая школа в Лондоне, управлявшаяся таким образом.

Горожане еще долго хранили в памяти имя Саймона Эйра, а его образовательная инициатива, несмотря на неудачу, вдохновила других лондонцев. Так, по завещанию от 17 сентября 1492 г. столичный ювелир Хью Брайс, рыцарь (посвящен в рыцари Ордена Бани в октябре 1485 г.), олдермен 1476–1496 гг.,

[1] Orme N. English Schools in the Middle Ages. N.Y., 1973. P. 63; Miner J.N. The Grammar Schools of Medieval England: A.F. Leach in Historiographical Perspective. Montreal, 1990. P. 220.

шериф 1475–1476 гг., мэр 1485–1486 гг., аудитор 1481–1483 г.[1], распорядился, чтобы приходский священник и старосты церкви Святой Марии на Ломбард-стрит «содержали образованного человека, умеющего хорошо и грамотно говорить, сведущего в ремесле и науке пения, игры на органе и в обучении детей, который будет держать школу и учить детей»[2]. Для этого Брайс завещал им таверну в приходе Святой Марии, которая «прежде принадлежала Саймону Эйру, торговцу тканями, некогда мэру города…»[3]. Конечно, школа Хью Брайса уступала замыслам Саймона Эйра, но заинтересованность этого олдермена и мэра в развитии образования в городе оспаривать не приходится.

Другие богатые купцы основывали школы не в Лондоне, а в сельской местности, откуда они прибыли в столицу. Уильям Севеноук, бакалейщик и олдермен 1411–1432 гг., мэр 1418–1419 гг.[4], выделил средства для основания свободной (бесплатной) грамматической школы в своем родном городе Севеноук, которой должны были управлять викарий и церковные старосты[5]. Спустя 11 лет мерсер Джон Эббот организовал свободную элементарную школу (free elementary school) в Фартинге, в Нортхемптоншире, и передал контроль над пожертвованиями, предназначенными на ее содержание, своей компании[6]. Распоряжение Эббота, возможно, послужило образцом для Саймона Эйра в его попытке передать свои новые школы в Лиденхолле под контроль дрейперов.

И, несмотря на неудачу Эйра, или, скорее, неудачу его душеприказчиков, «корпоративные школы» (company schools) продолжали основываться за пределами Лондона. «Свободная грамматическая школа сэра Эдмунда Шаа», олдермена 1473–1488 гг., мэра 1482–1483 гг.[7], основанная в 1487 г. в его родном

[1] The Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 15.

[2] Calendar of Wills. Part 2. P. 600–601.

[3] Ibid.

[4] The Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 4.

[5] Calendar of Wills. Part 2. P. 484.

[6] Educational charters and documents, 598–1909. P. 244; Orme N. English Schools in the Middle Ages. P. 203, 206, 303.

[7] The Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 14.

городе Стокпорте, находилась в ведении компании ювелиров[1]. Грамматическая школа в Макклсфилде была основана в 1503 г. по завещанию сэра Джона Персиваля, торговца тканями, олдермена 1485–1509 гг., мэра Лондона 1498–1499 гг. И здесь новой школой должна была управлять лондонская компания[2]. Другой богатый ювелир, олдермен 1498–1505 гг., мэр 1502–1503 гг. сэр Бартоломью Ред[3], основал свободную грамматическую школу в своем родном городе Кромер в Норфолке и доверил управление ею также своей компании[4].

Таким образом, у Джона Колета, еще до Реформации основавшего при соборе Святого Павла в Лондоне «школу Святого Павла»[5] — одну из лучших английских грамматических школ для обучения 153 мальчиков, преподавание в которой отличалось гуманностью, а учебный план предполагал изучение текстов классических авторов, и его многочисленных преемников, учредивших школы по всей Англии, было много примеров для подражания и большой опыт, на который можно было опереться[6].

Эти примеры и опыт также оказались востребованы лондонскими купцами и официалами середины — второй половины XVI в. Свидетельства на этот счет — отнюдь не редкость.

Сэр Роланд Хилл, рыцарь (посвящен в рыцари 18 мая 1542 г.), олдермен в 1542–1561 гг., шериф в 1541 г., мэр в 1549 г., депутат парламента от Лондона в 1553 г.[7], в своем завещании от 6 апреля 1551 г. оставил распоряжения относительно создания школы в маноре Драйтон в Хейлзе, графство Сэлоп, в

---

[1] Calendar of Wills. Part 2. P. 617; Educational charters and documents, 598–1909. P. 245.

[2] Educational charters and documents, 598–1909. P. 245; Orme N. English Schools in the Middle Ages. P. 317.

[3] The Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 19.

[4] Educational charters and documents, 598–1909. P. 245–246; Orme N. English Schools in the Middle Ages. P. 310.

[5] Calendar of Wills. Part 2. P. 640.

[6] Picard L. Elizabeth's London. Everyday life in Elizabethan London. P. 220–222.

[7] The Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 31.

усадьбе «Сент-Мэри Холл». На содержание учителей и школы была предусмотрена ежегодная сумма в 16 фунтов 13 шиллингов 4 пенса, «из которых школьный учитель должен получать годовое жалованье в размере 10 фунтов 13 шиллингов 4 пенса, а его помощник — 5 фунтов 6 шиллингов 8 пенсов, а остальные деньги должны храниться в сундуке и при необходимости расходоваться на ремонт»[1]. Управление школой возлагалось на «мэра и общину города Лондона», которым следовало ежегодно передавать означенную денежную сумму старостам приходской церкви в Драйтоне для последующих выплат. Школа была основана в Драйтон-ин-Хейлз по патенту короля Филиппа (1554–1558 гг.) и королевы Марии Тюдор (1553–1558 гг.) от 6 ноября 1555 г. и получила название «Свободная грамматическая школа сэра Роланда Хилла, рыцаря, горожанина и олдермена города Лондона».

В завещании лондонского бондаря и олдермена Джона Чарли, датированном 21 марта 1552 г., речь идет о школе в Рэдклиффе, графство Миддлсекс, построенной скончавшимся к тому времени бакалейщиком Лондона Николасом Гибсоном. Видимо, Чарли был его душеприказчиком, поскольку держал в доверительном управлении усадьбу и верфь в приходе Всех Святых «для исполнения последней воли» почившего бакалейщика. Теперь же по завещанию Джон передавал эту недвижимость компании бондарей для того, чтобы она «содержала грамотного человека, способного обучать грамоте и знанию грамматики, а также обучать маленьких детей азбуке и тому, что должно быть наиболее полезным, в школе… в Рэдклиффе… а также содержали помощника, обученного латыни и грамматике»[2]. Скорее всего, в этой школе обучали не только латыни, но и английскому языку. Интересен также пассаж о полезности того, чему учили детей.

В дополнении к завещанию от 22 июля 1556 г. сэра Уильяма Лэкстона, бакалейщика, олдермена 1536–1556 гг. и мэра

[1] Calendar of Wills. Part 2. P. 651–652.
[2] Ibid. P. 653–654.

Лондона 1544–1545 гг.[1], упоминается «свободная грамматическая школа сэра Уильям Лэкстона-старшего, рыцаря», основанная им в усадьбе в Оунделл. В этой школе, которую он передал под управление своей компании, учитель и его помощник за определенную плату преподавали грамматику «семи бедным и честным людям, проживающим в качестве призреваемых в указанной выше усадьбе»[2].

Сэр Эндрю Джадд, меховщик, олдермен 1541–1558 гг., шериф 1544 г., мэр 1550–1551 гг., казначей госпиталя св. Варфоломея в 1547–1548 гг., главный инспектор госпиталей в 1557–1558 г., в 1553 г. получил от Эдуарда VI (1547–1553 гг.) патент на создание свободной грамматической школы в Тонбридже, графство Кент, известной как «свободная грамматическая школа сэра Эндрю Джадда», и по завещанию от 2 сентября 1558 г. доверил ее содержание своей компании, в частности, поручив мастеру этого братства «ежегодно выплачивать школьному учителю 20 фунтов и младшему учителю 8 фунтов»[3].

Джон Чарли, Уильям Лэкстон и Эндрю Джадд фактически воплощали в жизнь идеи Саймона Эйра, по крайней мере, в той части, которая предусматривала передачу школ под управление лондонских компаний.

В рассмотренных выше случаях речь шла о преимущественно грамматических школах, основанных горожанами Лондона в английских графствах. На этом фоне выделяется сэр Томас Грэшем, богатейший столичный торговец шелковыми и бархатными тканями, и финансист XVI в., в 1575 г. завещавший по 350 фунтов ежегодно на протяжении 50 лет на содержание 7 учителей школы, которая находилась в его собственном доме в Лондоне[4]. Все эти средства, как и сама школа, передавались в доверительное управление компании мерсеров Лондона.

---

[1] The Aldermen of the City of London. Vol. 2. P. 19.
[2] Calendar of Wills. Part 2. P. 665-666.
[3] Ibid. P. 668-669.
[4] Calendar of Wills. Part 2. P. 700.

Из завещания Грэшема мы узнаем, какие предметы преподавали в этой школе: помимо грамматики, это богословие, логика и риторика, астрономия, музыка, геометрия, арифметика, право, метафизика[1]. По сути, учебный план школы Грэшема включал максимально возможный перечень дисциплин, которые преподавали в грамматических школах, и даже выходил за привычные образовательные рамки. Мы видим здесь классический набор тривиума (грамматика, логика и риторика) и квадривиума (арифметика, геометрия, астрономия, музыка). При этом музыку, арифметику, геометрию, астрономию учащиеся классических грамматических школ могли изучать, как правило, за особую плату[2]. В дополнение сэр Томас Грэшем предполагал, что в открытой им школе будут обучать богословию, праву и метафизике, что не было свойственно школам такого уровня.

Таким образом, благодаря благоприятным для развития образования условиям и возросшей потребности в знаниях и навыках в течение XIV–XVI вв. Лондон все больше наполнялся широким спектром школ, которые могли удовлетворить разные по содержанию и уровню запросы горожан. Это были певческие школы, формальные грамматические школы, контролируемые церковными властями, неформальные (нелицензированные) грамматические школы, основанные и управляемые мирянами, и школы письма. Значимую роль в расширении сети школ — как в самом городе, так и за его пределами — играли представители властного Олимпа Лондона — олдермены, мэры, шерифы, принадлежавшие к купеческой элите. Чаще всего они открывали «свободные грамматические школы», передававшиеся впоследствии под управление их профессиональных компаний, в которых обучали не только латыни и латинской грамматике, но также дисциплинам тривиума и квадривиума, а подчас богословию, праву, метафизике и английскому языку.

---

[1] Ibid.

[2] Репина Л.П. «Лучше быть нерожденным, чем необученным» // Раннее Новое время: книга для чтения по истории / отв. ред. проекта В.П. Буданова; рук. проекта А.О. Чубарьян. М., 2007. С. 137.

Это соответствовало социальному запросу горожан, прежде всего богатых купцов, на получение многостороннего образования, разнообразных, в том числе светских, практикоориентированных знаний и навыков. Однако, следует подчеркнуть, что, как правило, это была частная инициатива того или иного официала, а не целенаправленная политика городской власти.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

A Book of London English, 1384–1425 / Ed. by R.W. Chambers and M. Daunt. Oxford, 1931.

Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall. 1413–1437 / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1943.

Calendar of Plea and Memoranda Rolls preserved among the Archives of the Corporation of the City of London at the Guildhall, 1437–1457 / Ed. by Ph.E. Jones. Cambridge, 1954.

Calendar of Select Pleas and Memoranda of the City of London AD 1381–1412 / Ed. by A.H. Thomas. Cambridge, 1932.

Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London, A.D. 1258 — A.D. 1688: in 2 pts. / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1890. Part 2.

Calendar of Wills proved and enrolled in the Court of Husting, London, A.D. 1258 — A.D. 1688: in 2 pts. / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1889. Part 1.

Calendars of Letter-Books of the City of London, arranged in approximate chronological order. Includes editorial introduction and indices : in 11 vols. Vol. 9. Letter-Book I: 1400–1422 / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1909.

Educational charters and documents, 598–1909 / Ed. by A.F. Leach. Cambridge, 1911.

FitzStephen W. Description of London // London 1066–1914: Literary Sources and Documents / Ed. by X. Baron: in 2 vols. Mountfield, 1997. Vol. 1: Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London. 1066–1800. P. 52-60.

Harpsfield N. The Life and Death of Sir Thomas More, Knight / Ed. by K. Stearns, A. Taylor. Irving, 2020. P. 4-64.

Memorials of the Book Trade in Medieval London: the archives of Old *London* Bridge / Ed. by C.P. Christianson. Woodbridge, 1987.

On the death of Richard, son of John le Mazon // Calendar of Coroners rolls of the city of London, A.D. 1300–1378 / Ed. by R.R. Sharpe. L., 1913. P. 25.

Proclamation against Congregations, Covins, and Conspiracies; Proclamation for the free sale offish within the City ; and against Nightwalkers // Memorials of London and London life, in the XIIIth, XIVth, and XVth centuries: Being a series of extracts, local, social, and political, from the early archives of the City of London, A.D. 1276–1419 / Ed. by H. T. Riley. L., 1868. P. 480-482.

Rotuli Parliamentorum ut et petitiones, et placita in Parliamento: in 6 vols. / Ed. by J. Strachey. L., 1771. Vol. 3. Tempore Ricardi R. II.

The Aldermen of the City of London: in 2 vols. / Ed. by A.B. Beaven. L., 1913. Vol. 2.

The Aldermen of the City of London: in 2 vols. / Ed. by A.B. Beaven. L., 1908. Vol. 1.

The Early History of the Goldsmiths' Company 1327–1509 / Ed. by T.F. Reddaway, L. Walker. L., 1975.

The Life of John Isham (Appendix II) // John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London merchant in the reign of Elizabeth I / Ed. by G.D. Ramsey. Gateshead, 1962. P. 167-174.

Исследования / Scientific research

Краснова И.А. Добрый купец и кавалер: выбор социокультурных практик в повседневной жизни флорентийского общества XIV — первой трети XV в. // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения / Гл. ред. В.М. Тюленев. Иваново, 2008. С. 79-100. — Krasnova I.A. Dobryj kupec i kavaler: vybor sociokul'turnyh praktik v povse-dnevnoj zhizni florentijskogo obshhestva XIV — pervoj treti XV v. // Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ja i Vozrozhdenija / Gl. red. V.M. Tjulenev. Ivanovo, 2008. S. 79-100.

Лештаев Д.В. Средневековый Лондон в период эпидемии чумы (1348–1351): некоторые аспекты социальной жизни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 459-468. — https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468. — Leshtaev D.V. Srednevekovyj London v period jepidemii chumy (1348–1351):

nekotorye aspekty social'noj zhizni // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2023. T. 23, vyp. 4. S. 459-468. — https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-459-468.

Репина Л.П. «Лучше быть нерожденным, чем необученным» // Раннее Новое время: книга для чтения по истории / отв. ред. проекта В.П. Буданова; рук. проекта А.О. Чубарьян. М., 2007. С. 131-140. — Repina L.P. «Luchshe byt' nerozhdennym, chem neobuchennym» // Rannee Novoe vremja: kniga dlja chtenija po istorii / otv. red. proekta V.P. Budanova; ruk. proekta A.O. Chubar'jan. M., 2007. S. 131-140.

Чернова Л.Н. Лондонский олдермен XIV века и его супруга: Джон и Джоан Пайел // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 23. С. 32-49. — Chernova L.N. Londonskij oldermen XIV veka i ego supruga: Dzhon i Dzhoan Pajel // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. M., 2008. Vyp. 23. S. 32-49.

Чернова Л.Н. Семейная компания купцов Ишем в деловом мире Лондона второй половины XVI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2010. Т. 10. Вып. 1. С. 68-74. — Chernova L.N. Semejnaja kompanija kupcov Ishem v delovom mire Londona vtoroj po-loviny XVI veka // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2010. T. 10. Vyp. 1. S. 68-74.

Яблонская О.В. Благотворители средневековой Англии: Дик Уиттингтон // Британские чтения: материалы II Всероссийский с международным участием научной конференции, посвященной 90-летию проф. М.М. Ябровой (Саратов, 19–20 сентября 2013 г.) / Под ред. Л.Н. Черновой. Саратов, 2014. С. 46-53. — Jablonskaja O.V. Blagotvoriteli srednevekovoj Anglii: Dik Uittington // Britanskie chtenija: materialy II Vserossijskij s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 90-letiju prof. M.M. Jabrovoj (Saratov, 19–20 sentjabrja 2013 g.) / Pod red. L.N. Chernovoj. Saratov, 2014. S. 46-53.

Barron C.M. The Expansion of Education in Fifteenth-Century London // Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron / Ed. by M. Carlin, J.T. Rosenthal. Kalamazoo, 2017. P. 449-479.

Barron C.M. Richard Whittington: The Man Behind the Myth // Medieval London: Collected Papers of Caroline M. Barron / Ed. by M. Carlin, J.T. Rosenthal. Kalamazoo, 2017. P. 267-333.

Emden A.B. A Biographical Register of the University of Oxford to AD 1500: in 3 vols. Oxford, 1957. Vol. 1.

Galbraith V.H. John Sewarde and his Circle: Some London Scholars of the Early Fifteenth Century // Medieval and Renaissance Studies. 1941. Vol. 1. N. 3. P. 85-104.

Harvey B.F. Living and Dying in England, 1100–1540: The Monastic Experience. Oxford, 1993.

Miner J.N. The Grammar Schools of Medieval England: A.F. Leach in Historiographical Perspective. Montreal, 1990.

Orme N. English Schools in the Middle Ages. N.Y., 1973.

Picard L. Elizabeth's London. Everyday life in Elizabethan London. L., 2004.

Rickert E. Chaucer at School // Modern Philology. 1932. Vol. 29. N. 3. P. 257-274.

Rosser G. Medieval Westminster 1200–1540. Oxford, 1989.

Samuel M. The Fifteenth-Century Garner at Leadenhall // Antiquaries Journal. 1989. Iss. lxix, part I. P. 119-153.

Thrupp S.L. The Merchant Class of Medieval London. Ann Arbor, 1962.

Vale M.G.A. Piety, charity, and literacy among the Yorkshire gentry, 1370–1480 // Borthwick Papers. 1976. N. 50. P. 27. P. 1-32.

Warnicke R.M. William Lambarde. Elizabethan Antiquary, 1536–1601. L., 1973.

М.А. Мухин
(Ростов-на-Дону)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТИ В ПРАВЛЕНИЕ ГЕНРИХА VII

У.С. Черчилль охарактеризовал Генриха VII как «“архитектора” тюдоровской монархии, которому было суждено вывести Англию из средневекового хаоса»[1]. Исследовательница Й. Кар отмечала, что в истории Англии XV век — столетие феодальной анархии и сложившаяся тогда кризисная ситуация была преодолена лишь в период правления Генриха VII (1485–1509 гг.)[2]. Вместе с тем историки в XX в. сделали вывод, что в сущности система управления при Генрихе VII была структурно схожа с властным механизмом, существовавшим в правление монархов из династии Йорков[3]. Если новая система управления не была «изобретена» Генрихом VII, то за счет чего ему удалось укрепить власть?

Властный механизм, сложившийся при Генрихе VII, был замкнут на фигуре монарха. Королём «не руководил никто»[4],

---

[1] Churchill W. S. A History of the English-Speaking Peoples: The New World. New York: Dodd, Mead and Company, 1956. P. 26.

[2] Kar J. Henry VII: The great administrator // Proceedings of the Indian History Congress. 1980. Vol. 41. P. 852.

[3] Elton G. R. The Tudor revolution in government: administrative changes in the reign of Henry VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. P. 19.

[4] Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. Москва: Наука, 1990. С. 144.

он же осуществлял управление государством, одновременно формулируя цели политики и предпринимая значительное участие в их осуществлении. Фрэнсис Бэкон в «Истории правления короля Генриха VII» сообщал следующее о монархе: «…Писал собственной рукой множество заметок и памяток, особенно таких, которые касались людей: кого взять на службу, кого наградить, о ком справиться, кого опасаться, кто от кого зависит, какие были партии, и тому подобное…»[1]. Исследователи Тюдоровской эпохи отмечают значительное участие монарха в системе политического управления. Так, А.А. Бельцер отмечал, что даже критики, отрицательно оценивающие принятые решения монархом, признают его независимость и системообразующую роль в управлении английским государством[2]. Этим Генрих VII отличается от своих предшественников (Генриха VI и Эдуарда IV), которые не были вовлечены в руководство страной в такой степени. Е.Д. Браун писала следующее: «Этот правитель принадлежал уже не Средневековью, а Новому времени, он больше походил не на рыцаря, а на буржуа»[3]. Британский историк Николас Хеншелл даже утверждал, что первый монарх из династии Тюдоров «был самым самостоятельным монархом раннего Нового времени»[4]. То есть Генрих VII был «первым министром» Генриха VII. Сложившееся положение было и силой, и слабостью системы управления, существовавшей в его правление. Властный механизм был чрезвычайно зависим от фигуры короля. Генрих стремился управлять Англией лично, а если и делегировал власть, то лишь лично выбранным доверенным советникам, которые управляли так, как требовал король. Дж. Гай указывал на следующее: «…Брей [канцлер герцогства Ланкастеркого] и дру-

[1] Там же. С. 146.

[2] Бельцер А.А. Эффективный правитель или неумелый король: Генрих VII Тюдор в современной зарубежной историографии // Культурно-исторические исследования в Поволжье. 2013. N. 1. С. 247-252.

[3] Браун Е.Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз. Москва: Вече, 2016. С. 394.

[4] Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб.: Алетейя, 2003. С. 104.

гие, подчиняясь королю, обладали авторитетом, намного превосходящим тот, что подобал им по статусу. Дело в том, что Генрих VII в течение удивительно короткого времени сумел создать сеть финансового и административного контроля, и соответствующие документы никогда не выходили из рук государя и немногих избранных, а методы работы были придуманы исключительно ими»[1]. То есть при первом монархе из династии Тюдоров существенная институционализация системы управления была невозможна, так как она противоречила видению Генрихом VII власти монарха. Вместе с тем деятельное участие короля в системе управления позволяло ему обладать сравнительно детальным представлением об управляемом им государстве и действовать исходя из этого представления.

Вероятно, несвойственное абсолютному большинству монархов участие Генриха в управлении Англией создало иллюзию того, что он — «архитектор» бюрократической системы управления, сложившейся при тюдоровской монархии. Однако властный механизм, функционирующий в его правление, был основан на личном управлении монархом неинституционализированной системы личных взаимодействий. Генрих в сущности управлял Англией как средневековый монарх, но в отличие от абсолютного большинства правителей XV в. он ежедневно деятельно участвовал в реализации властных отношений.

Известно, что в течение XVI в. Королевский совет имел тенденцию к превращению в подлинное правительство. Об этом писали британские историки Джеффри Элтон[2] и Джон Гай[3]. Однако в правление Генриха VII Королевский совет еще не являлся правительством. Дж. Элтон отмечал, что, когда властный институт собирался, то формально его деятельность

[1] The Oxford illustrated history of Britain / Ed. by Morgan K. Oxford; N.Y: Oxford University Press, 1984. P. 233.

[2] Elton G. R. The Tudor revolution in government: administrative changes in the reign of Henry VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. 466 p.

[3] Guy J. Tudor England. Oxford: Oxford University Press, 1988. 582 p.

в основном была связана с судебными вопросами[1] (также он обладал совещательными функциями). При Генрихе в Королевский совет в период его правления в целом входило 227 членов[2]: 43 человека были членами высшего дворянства; 61 человек были представителями духовенства; 49 человек были государственными служащими; 45 человек были нетитулованными дворянами; 27 человек были юристами[3]. В любой конкретный момент правления Генриха VII число членов Королевского совета не превышало 150 человек, но и не было существенно меньше. При этом на заседаниях властного института обычно присутствовало не более сорока человек, остальные отсутствовали. С частью советников, входивших в Королевский совет, король взаимодействовал чаще, чем с другими. Избранных советников монарх назначал на иные должности, но в действительности их власть была более существенной, чем предполагал их формальный статус[4]. В эпоху Генриха VII управление Англией осуществлялось не институциональной организацией, а неформальной группой, влияние которой было основано на личном доверии монарха.

Вероятно, в это время общей тенденцией в изменении значения Королевского совета стало возвышение его ответвлений: Звездной палаты[5] и Совета сведущего в вопросах права[6].

---

[1] Elton G. R. The Tudor revolution in government: administrative changes in the reign of Henry VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. P. 33.

[2] Томсинов В. А. Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров // Проблемы истории государства и права. Сборник научных трудов. Москва: Зерцало-М, 2009. С. 38.

[3] Hunt J., Towle C. Henry VII. Harlow: Longman, 1998. P. 62.

[4] The Oxford illustrated history of Britain / Ed. by Morgan K. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 1984. P. 233.

[5] Pollard A. F. Council, Star Chamber, and Privy Council under the Tudors: II. The Star Chamber // The English Historical Review. 1922. Vol. 37. N. 148. P. 516-539.

[6] Somerville R. Henry VII's 'Council Learned in the Law' // The English Historical Review. 1939. Vol. 54. N. 215. P. 427-442.

Оба института, являвшиеся судами, использовались правителем для того, чтобы ограничить способность аристократии к укреплению властной независимости и оказывать давление на неугодных представителей знати. Так, Совет сведущий в вопросах права в правление Генриха VII отстаивал финансовые и феодальные привилегии монарха перед аристократией[1] (не всегда законно[2]). Институт выявлял игнорирование со стороны знати обязательств перед Генрихом и добивался выплат королю или создания других обязательств перед ним. С учетом того, что монарх стремился выстраивать сложную систему обязательств со стороны аристократов (в частности, Ю.И. Царева выявила, что при Генрихе VII институт залога становится способом принуждения со стороны центральной власти[3]), Совет сведущий в вопросах права и Звездная палата рассматривали значительное число судебных дел. Деятельность институтов была отчасти очернена современниками (Т. Барнс отмечал, что Звездная палата была действенным государственным органом, ограничивающим злоупотребление знати[4]), но Генрих VII действительно использовал их для ограничения властной независимости знати. Способствовало росту судебных дел и то, что в правление монарха были приняты законы, которые аристократия не стремились соблюдать. В частности, была запрещена многочисленная ливрейная свита. В. Штокмар утверждала, что когда Ричард Невилл, граф Уорик («делатель королей»), в правление Эдуарда IV посещал парламент, он имел в сопровождении вооружённый отряд числом 600 человек[5]. Представляется, что столь многочисленная ливрейная свита при неблагоприятных для короля обстоятельствах могла обеспечить

[1] Guy J. Tudor England. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 54.

[2] Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПБ.: Алетейя, 2003. С. 172.

[3] Царева Ю. И. Залог как источник дохода королевской казны в средневековой Англии // Новый ракурс. 2020. N. 3. С. 91-106.

[4] Barnes T. G. Star Chamber Mythology // The American Journal of Legal History. 1961. Vol. 5. N. 1. P. 1-11.

[5] Штокмар В. В. История Англии в Средние века. СПб.: Алетейя, 2005. С. 160.

оппозиции преимущество в Лондоне над сторонниками короля и стать как минимум рычагом значительного давления. Доказательством этой позиции является сам статут, запрещающий вооруженные отряды. «Великие лорды, которые таким образом контролировали военную силу, находились под властью искушения использовать её в частных войнах и в других актах насилия»[1]. Следует отметить, что нет свидетельств, что аристократия абсолютно отказалась от вооружённых отрядов, у существенной части знати они сохранились (А.А. Бельцер предполагает, что Генрих VII и не надеялся ликвидировать ливрейную свиту[2]). Однако, запретив вооруженные отряды (также как и артиллерию), король обладал возможностью оказывать финансовое давление на аристократию в виде штрафов. В итоге, к концу правления короля большинство знати было должно ему большие денежные суммы. Очевидно, что действия, осуществляемые Генрихом, укрепляли его властное и финансовое положение, но они не приводили к структурным изменениям (даже при небольшом ослаблении центральной власти успехи монарха были бы нивелированы). Стремился ли король осуществить структурные изменения и ликвидировать властное влияние аристократии?

Сохранение власти Генриха VII было невозможно без взаимодействия с аристократией. Специфика системы политического управления, складывавшейся в предыдущие столетия в Англии, заключалась в малочисленности бюрократии и отсутствии профессиональной армии (расходы на армию составляли 107.000 фунтов стерлингов в 1491–1500 гг., что было не такой уж значительной суммой)[3]. Генрих VII должен был «дружить» с аристократией, и не мог выступать против неё открыто, так

[1] Tudor constitutional documents, A.D. 1485–1603 / Ed. by J. R. Tanner. Cambridge: Cambridge University Press, 1922. P. 8.

[2] Бельцер А.А. Корона, аристократия и персонал местного управления при первом Тюдоре // Самарский научный вестник (Далее — СНВ). 2013. N. 4 (5). С. 26.

[3] Лахманн Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. Москва: Территория будущего, 2010. С. 195.

как знать составляла основу администрации в условиях плохой коммуникации между центром и окраиной[1]. Представляется, что долгосрочный конфликт короля и аристократией был бы разрушителен, вследствие того что привёл бы к потере монархом контроля над системой политического управления. Интересно, что после казни изменника, Уильяма Стэнли, его родственники не были арестованы или подвергнуты опале. В биографии первого монарха из династии Тюдоров, написанной Бернаром Андре, утверждается, что в предательстве Уильяма Стэнли «никто не должен обвинять его благороднейший род»[2]. Правитель не стремился «сломать колесо», а вёл борьбу с представителями знати, готовыми выступить с оппозицией королю. Характерно, что исходя из исследования В.А. Стасевича при Генрихе VII мировыми судьями в графствах традиционно назначались представители местной титулованной знати[3]. Кроме того, при осуществлении региональной власти он опирался на влияние аристократов: Джон Де Вер, граф Оксфорд — Восточная Англия; Томаса Ховард, граф Сарри — Северная Англия; Джаспер Тюдор — Уэльс и частично Англия; Томас Стэнли — север и северо-запад Англии[4]. Среди советников были незнатные фигуры (к примеру, Ричард Эмпсон являлся «сыном решетника»[5]), но нельзя утверждать, что монарх стремился ликвидировать властное влияние аристократии. Так, А.А. Бельцер отмечал, что указы, ограничивающие аристокра-

---

[1] Бельцер А.А. Корона, аристократия и персонал местного управления при первом Тюдоре // СНВ. 2013. N. 4 (5). С. 24; Lander J. R. The Crown and the Aristocracy in England, 1450–1509 // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. 1976. Vol. 8. N. 3. P. 206.

[2] Андре Б. История жизни и достижений Генриха VII. М.; СПБ.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 96.

[3] Стасевич В.А. Титулованная знать в составе мировых судей при Генрихе VII // Клио. 2013. N. 9 (81). С. 48-53.

[4] Бельцер А.А. Корона, аристократия и персонал местного управления при первом Тюдоре // СНВ. 2013. N. 4 (5). С. 25.

[5] Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. Москва: Наука, 1990. С. С. 128.

тию, как минимум в отдельных случаях, не применялись в отношении сторонников короля (к примеру, Генриха Буршье, графа Эссекса; Джона Де Вера, графа Оксфорда)[1]. Историк Дж. Ландер отмечал, что первый монарх из династии Тюдоров не предпринимал действий, которые ограничивали бы местную власть знати[2]. Таким образом, Генрих VII не стремился ликвидировать власть аристократии и при управлении Англией во многом опирался на нее как и его предшественники. Однако в отличие от них первый монарх из династии Тюдоров сравнительно удачно взаимодействовал со знатью и избежал восстаний со стороны тех аристократов, с помощью которых управлял Англией.

Анализ источников иногда подводит исследователей к выводу, что война Алой и Белой розы, значительно сократила число английской знати. К примеру, дипломат и историк Филипп де Коммин оставил следующее свидетельство: «Насколько мне помнится, в этих английских междоусобицах погибло 80 человек из королевского рода»[3]. Действительно, отдельные аристократические семьи были полностью истреблены («все представители дома Варвика и Сомерсета погибли в сражениях или были обезглавлены»[4]). Однако обращение исследователей к судьбе наиболее знатных фамилий продемонстрировало, что число исчезнувших семейств было невелико[5]. В 1455–1485 гг. в среде английской знати не произошли структурные изменения. При этом, так сложились обстоятельства, что среди знати в момент восшествия на английский престол Генриха VII было лишь небольшое число аристократов, которые могли бы со-

---

[1] Бельцер А.А. Корона, аристократия и персонал местного управления при первом Тюдоре // СНВ. 2013. N. 4 (5). С. 25.

[2] J. R. Lander. The Crown and the Aristocracy in England, 1450–1509 // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. 1976. Vol. 8. N. 3. P. 218.

[3] Де Коммин Ф. Мемуары. Москва: Наука, 1986. С. 28.

[4] Там же. С. 28.

[5] Kington T.L. Was the Old English Aristocracy Destroyed by the Wars of the Roses? // Transactions of the Royal Historical Society. 1872. Vol. 1. P. 351-356.

перничать с монархом. Во-первых, у первого монарха из династии Тюдоров не было братьев и иных близких родственников, которые могли бы сформировать вокруг себя альтернативные центры и претендовать на власть. Во-вторых, существенная часть влиятельных личностей погибла незадолго до или вскоре после восшествия на престол Генриха VII (герцог Бекингем, граф Риверс, барон Гастингс, герцог Норфолк, граф Нортумберленд, граф Эссекс, граф Арундел). Как следствие, Генрих VII обладал определенной независимостью при выстраивании властной системы после восшествия на престол. Обстоятельства сложились так, что в начале правления монарха лишь отдельные влиятельные аристократы могли выступить против него, но структурных изменений к началу правления Генриха VII не произошло.

В течение нахождения у власти монарха происходит уменьшение значения английского парламента в системе управления Англией. Т.Г. Минеева утверждает следующее: «В 1485 г. линия развития парламентского преимущества достигла высшей точки, чтобы вскоре опуститься до ничтожной величины»[1]. Отдельные исследователи делали спорный вывод, что статус Генриха VII как монарха был обусловлен резолюцией парламента («несмотря на близость к Богу, не должны были забывать, что их династия создана парламентом»[2]). Действительно, в начале правления Генрих VII был политически слаб и нуждался в поддержке, но даже в 1485 г. парламент практически без сопротивления действовал в соответствии с целями монарха, которые были сформулированы Ф. Бэконом следующим образом: «Во-первых, обеспечить закрепление короны за собой и своим потомством. Далее, добиться отмены осуждения всех своих сторонников и восстановления их в права, а также осуж-

[1] Минеева Т.Г. Легитимность власти короля при Генрихе VII Тюдоре: Факты и мнения историков права // Российский юридический журнал. 2008. N. 5 (62). С. 167.

[2] Dunham W.H., Wood C.T. The Right to Rule in England: Depositions and the Kingdom's Authority, 1327–1485 // The American Historical Review, 1976. Vol. 81. N. 4. P. 760.

дения активных деятелей из числа противников, в-третьих, провозглашением амнистии успокоить страхи вражеской партии»[1]. С обретением финансовой стабильности и поражением оппозиции (казнь Уильяма Стэнли в 1495 и арест Перкина Уорбека в 1497 году) Генрих стал меньше взаимодействовать с парламентом. Он продолжает существовать, но в последние тринадцать лет правления монарха созывается только два раза. Существуют противоположные мнения насчет того, планировал ли Генрих VII в дальнейшем созывать парламент[2], но однозначных доказательств исследователями приведено не было. Падение значения представительного органа, вероятно, связано с укреплением власти Генриха VII. Последний парламент, созванный им в 1504 году, был под сильным влиянием монарха. Так, «ненавистный всем Дадли был назначен спикером палаты общин»[3]. Кроме того, в 1504 г. Генрих собрал 30.000 фунтов для торжества в честь сына, который к тому времени был уже мертв[4]. При этом монарх не так часто использовал парламент для введения законов, укрепляющих его власть. Чаще он восстанавливал королевские инструменты управления, потерявшие значение в годы войны Алой и Белой розы (1455–1485 гг.). В ходе правления Генриха VII было принято 192 закона, в среднем по 27 законов на сессию парламента[5]. Обращение к актам, принятым в его правление, позволяет сделать вывод, что монарх не стремился, используя парламент, существенно трансформировать финансовые механизмы и систему управления[6]. Отдельные законы, укрепляющие положение монарха,

---

[1] Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. Москва: Наука, 1990. С. 11.

[2] Cunningham S. Reviewed Work: The English Parliaments of Henry VII, 1485–1504 by Paul Cavill Review // Journal of British Studies. 2012. Vol. 51. N. 2. P. 443-445.

[3] Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. Москва: Наука, 1990. С. 131.

[4] Kar J. Henry VII: The great administrator // Proceedings of the Indian History Congress. 1980. Vol. 41. P. 853.

[5] Hunt J., Towle C. Henry VII. Harlow: Longman, 1998. P. 72.

[6] Ibid. P. 73-75.

принимались (к примеру, в 1487 г. была создана Звездная палата), но нет оснований утверждать, что Генрих, используя парламент, действительно стремился существенно трансформировать систему управления.

Таким образом, система политического управления, сложившаяся при Генрихе VII, не являлась революционным сломом, существовавших властных отношений. В течение правления король добился усиления центральной власти, а также её политического и финансового превосходства над аристократами. Однако в целом влияние знати не было уничтожено, структурных изменений в системе управления не произошло: Генрих VII был средневековым монархом.

В биографии Генриха VII, составленной Ф. Бэконом, содержится рассказ об обезьяне, которая уничтожила «дневник мыслей» монарха (с заметками и памятками), в связи с чем двор был «весел»[1]. С нашей точки зрения, история об обезьяне и записной книжке Генриха VII удачно символически демонстрирует всю ненадежность неинституционализированной системы управления первого монарха из династии Тюдоров, выстроенной им вокруг себя.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Андре Б. История жизни и достижений Генриха VII. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 144 с. — Andre B. Istorija zhizni i dostizhenij Genriha VII. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. 144 s.

Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. Москва: Наука, 1990. 323 с. — Bjekon F. Istorija pravlenija korolja Genriha VII. Moskva: Nauka, 1990. 323 s.

Де Коммин Ф. Мемуары. Москва: Наука, 1986. 495 с. — De Kommin F. Memuary. Moskva: Nauka, 1986. 495 s.

Tudor constitutional documents, A.D. 1485–1603 / Ed. by J. R. Tanner. Cambridge: Cambridge University Press, 1922. 636 p.

[1] Бэкон Ф. История правления короля Генриха VII. Москва: Наука, 1990. С. 146.

Исследования / Scientific research

Бельцер А.А. Корона, аристократия и персонал местного управления при первом Тюдоре // Самарский научный вестник (Далее — СНВ). 2013. N. 4 (5). С. 24-27. — Bel'cer A.A. Korona, aristokratija i personal mestnogo upravlenija pri pervom Tjudore // SNV. 2013. N. 4 (5). C. 24-27.

Бельцер А.А. Эффективный правитель или неумелый король: Генрих VII Тюдор в современной зарубежной историографии // Культурно-исторические исследования в Поволжье. 2013. N. 1. С. 247-252. — Bel'cer A. A. Jeffektivnyj pravitel' ili neumelyj korol': Genrih VII Tjudor v sovremennoj zarubezhnoj istoriografii // Kul'turno-istoricheskie issledovanija v Povolzh'e. 2013. N. 1. C. 247-252.

Браун Е.Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз. Москва: Вече, 2016. 432 с. — Braun E. D. Richard III i ego vremja. Rokovoj korol' jepohi Vojn Roz. Moskva: Veche, 2016. 432 s.

Лахманн Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. Москва: Территория будущего, 2010. 456 с. — Lahmann R. Kapitalisty ponevole: konflikt jelit i jekonomicheskie preobrazovanija v Evrope rannego Novogo vremeni. Moskva: Territorija budushhego, 2010. 456 s.

Минеева Т.Г. Легитимность власти короля при Генрихе VII Тюдоре: Факты и мнения историков права // Российский юридический журнал. 2008. N. 5 (62). С. 165-169. — Mineeva T.G. Legitimnost' vlasti korolja pri Genrihe VII Tjudore: Fakty i mnenija istorikov prava // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2008. N. 5 (62). S. 165-169.

Стасевич В.А. Титулованная знать в составе мировых судей при Генрихе VII // Клио. 2013. N. 9 (81). С. 48-53. — Stasevich V.A. Titulovannaja znat' v sostave mirovyh sudej pri Genrihe VII // Klio. 2013. N 9 (81). S. 48-53.

Томсинов В.А. Эволюция государственного строя Англии в эпоху правления династии Тюдоров // Проблемы истории государства и права. Сборник научных трудов. Москва: Зерцало-М, 2009. С. 9-44. — Tomsinov V.A. Jevoljucija gosudarstvennogo stroja Anglii v jepohu pravlenija dinastii Tjudorov // Problemy istorii gosudarstva i prava. Sbornik nauchnyh trudov. Moskva: Zercalo-M, 2009. S. 9-44.

Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб.: Алетейя, 2003. 271 с. — Henshell N. Mif absoljutizma. SPb.: Aletejja, 2003. 271 s.

Царева Ю.И. Залог как источник дохода королевской казны в средневековой Англии // Новый ракурс. 2020. N. 3. С. 91–106. — Careva

Ju. I. Zalog kak istochnik dohoda korolevskoj kazny v srednevekovoj Anglii // Novyj rakurs. 2020. N. 3. C. 91-106.

Штокмар В.В. История Англии в Средние века. СПб.: Алетейя, 2005. — Shtokmar V.V. Istorija Anglii v Srednie veka. SPb.: Aletejja, 2005.

Barnes T.G. Star Chamber Mythology // The American Journal of Legal History. 1961. Vol. 5. N. 1. P. 1-11.

Churchill W.S. A History of the English-Speaking Peoples: The New World. N.Y.: Dodd, Mead and Company, 1956. 433 p.

Cunningham S. Reviewed Work: The English Parliaments of Henry VII, 1485–1504 by Paul Cavill Review // Journal of British Studies. 2012. Vol. 51. N. 2. P. 443-445.

Dunham W.H., Wood C.T. The Right to Rule in England: Depositions and the Kingdom's Authority, 1327–1485 // The American Historical Review, 1976. Vol. 81. N. 4. P. 738-761.

Elton G.R. The Tudor revolution in government: administrative changes in the reign of Henry VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 1959. 466 p.

Guy J. Tudor England. Oxford: Oxford University Press, 1988. 582 p.

Hunt J., Towle C. Henry VII. Harlow: Longman, 1998. 126 p.

Kar J. Henry VII: The great administrator // Proceedings of the Indian History Congress. 1980. Vol. 41. P. 852-860.

Kington T.L. Was the Old English Aristocracy Destroyed by the Wars of the Roses? // Transactions of the Royal Historical Society. 1872. Vol. 1. P. 351-356.

Lander J. R. The Crown and the Aristocracy in England, 1450–1509 // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. 1976. Vol. 8. N. 3. P. 203-218.

Pollard A.F. Council, Star Chamber, and Privy Council under the Tudors: II. The Star Chamber // The English Historical Review. 1922. Vol. 37. N. 148. P. 516-539.

Somerville R. Henry VII's 'Council Learned in the Law' // The English Historical Review. 1939. Vol. 54. N. 215. P. 427-442.

The Oxford illustrated history of Britain / Ed. by Morgan K. Oxford; New York: Oxford University Press, 1984. 640 p.

М.А. Ковалёв
(Владимир)

УИЛЬЯМ УИНДХЭМ И ПОЛЕМИКА В ПАРТИИ ВИГОВ ВОКРУГ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(1792–1793 ГОДЫ)

Современные политические идеологии ведут своё происхождение от Французской революции, вернее, от различных интерпретаций её событий. Несмотря на то, что основы консервативной идеологии связывают с последними работами Э. Бёрка 1790–1797 годов, истоки его мировоззрения, а также рецепция его идей довольно туманны. Существуют методологические проблемы в определении как содержания, так и происхождения консерватизма. Ещё С. Хантингтон обозначил три способа его понимания, лишь один из которых связывается с аристократической реакцией на события конца XVIII в. во Франции и в мире[1].

Главная сложность в изучении политической идеологии консерватизма заключается ретроспективном характере подобного исследования. Консервативная партия Великобритании создана Р. Пилем только в 1834 г. Первенство в употреблении понятия «консерватизм» ранее приписывалось французскому писателю Р. де Шатобриану. Как было доказано позднее, оно принадлежит английскому поэту Р. Саути[2]. Период между по-

[1] Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51. N. 2. P. 454-455.

[2] Sack J J. From Jacobite to Conservative. Reaction and Orthodoxy

ражением традиционного монархического движения в 1745–1746 гг. (якобиты) и возникновением современной Консервативной партии в 30-х гг. XIX в. историк Сэк считает «эмбриональным» этапом развития консерватизма. Но в данный отрезок времени существовали различные группы, слабо связанные, зачастую конфликтные друг другу: остатки якобитов, тори, бьютиты, нортиты, питтиты, бёркианцы, веллингтоницаны, «высокоцерковники» и прочие[1].

Прояснить сущность процесса генезиса консерватизма помогло бы выявление взаимосвязей между фракциями, которые по тем или иным причинам принято относить к предшественникам консерватизма. С этой точки зрения было бы небезынтересно проследить взгляды того круга лиц, который непосредственно привнёс взгляды Э. Бёрка в сферу практической политики. Среди них сложно найти выдающихся теоретиков, однако именно «воинствующая фракция» Бёрка-Уиндхэма сыграла огромную роль в вовлечении Англии в многолетние войны с революционной, затем наполеоновской Францией[2]. Помимо собственно Уильяма Уиндхэма, о котором пойдёт речь, к последователям знаменитого основоположника консерватизма относились: Уильям Эллиот, Филип Лоуренс, Уильям Кавендиш-Бентик, 3-й герцог Портленд, Уильям Фицуильям, 4-й граф Фицуильям и другие.

Фракция откололась от партии вигов в начале 1793 г. и перешла на лояльные торийскому кабинету позиции из-за несогласия по ряду вопросов, среди которых — парламентская реформа, отмена тест акта 1790 г., но главным образом — отношение к Французской революции и вступление Англии в войну. Определяющую роль в этих событиях сыграли, с одной стороны, сторонник реформ Ч. Дж. Фокс, с другой — У. Уиндхэм (1750–1810). Последний — довольно активный

in Britain. 1760–1832. Cambridge: Cambridge University Press. 2004. P. 5.

[1] Ibid. P. 1-2.

[2] O'Gorman F. The Whig Party and the French Revolution. N.Y.: St. Martin's Press. 1967. P. XIV-XV.

политический деятель конца XVIII – нач. XIX в. Поначалу вместе с Фоксом и Бёрком поддерживал маркиза Рокингема. С 1794 г. занимал пост военного министра, в последние годы жизни (1806–1810) — министр по военным и колониальным делам[1]. Как сторонник эмансипации католиков он в 1801 г. подал в отставку вместе с правительством У. Питта Младшего после провала соответствующего билля.

Таким образом, предмет нашей статьи составляют идейные взгляды «третьей партии» в лице её основоположника У. Уиндхэма на этапе её формирования. Если обозначать хронологические рамки точнее, они охватывают промежуток времени от начала революционных войн 20 апреля 1792 г., когда Законодательное собрание Франции объявило войну Леопольду II Габсбургу, до вступления в них Англии 9 февраля 1793 г. В качестве источников будут использованы парламентские выступления и переписка У. Уиндхэма.

К сожалению, работ, посвящённых У. Уиндхэму, его политическим взглядам и биографии, нет ни в зарубежной, ни в отечественной историографии. Он упоминается, как правило, в контексте политической истории Британии рубежа XVIII–XIX вв.[2] и иногда — в работах о британском консерватизме[3].

Начало Французской революции 1789 г. виги восприняли в целом благожелательно. Однако Э. Бёрк, уже с момента взя-

---

[1] Айзенштат М.П. Американская война в парламентских дебатах 1770-1790-х годов // Люди и тексты. Исторический альманах. 2021. № 14. С. 305-306.

[2] См., напр.: O'Gorman F. The Whig Party and the French Revolution. N.Y.: St. Martin's Press. 1967; Mitchell L. G. Charles James Fox and the Disintegration of the Whig Party. 1782–1794. Oxford: Oxford University Press. 1971; Айзенштат М. П. Американская война в парламентских дебатах 1770–1790-х годов // Люди и тексты. Исторический альманах. 2021. № 14. С. 295-308; Егоров А.А. Питт Младший: политическая биография. Дис… д.и.н. Ставрополь, 2001.

[3] Hearnshaw F.J.C. Conservatism in England. An Analytical, Historical, and Political Survey. L.: Macmillan and Co. 1933. P. 164; Sack J.J. From Jacobite to Conservative. Reaction and Orthodoxy in Britain. 1760–1832. Cambridge: Cambridge University Press. 2004. P. 92-95.

тия Бастилии 14 июля обеспокоенный вспышками насилия[1], в ноябре следующего года опубликовал памфлет «Размышления о революции во Франции». Защитники свободы разделились на тех, кто приемлет революционный путь её достижения и тех, кто отвергает. К концу 1791 г., уже после превращения Франции в конституционную монархию, Уиндхэм солидаризовался с оценками Бёрка.

30 апреля 1792 г., спустя десять дней после начала революционных войн в Европе, Уиндхэм участвовал в дебатах, касающихся давно назревшей парламентской реформы. Британский парламент XVIII в. — закрытая корпорация, контролируемая несколькими сотнями лендлордов, с избирательным цензом, связанная сетью патерналистских связей, не имевшая адекватного территориального представительства, где дискуссии не были публичными[2].

Уиндхэм выставляет себя как сторонника реформ в принципе. Однако в текущих условиях считает их неуместными. В этом смысле он сопоставляет себя с Бёрком, утверждая, что оба они не меняли своих взглядов на демократические права и свободы. Отсылая к событиям последних лет во Франции, он указывает на гибельность реформаторского пути в неподходящей для того ситуации. Действительно, реформы Неккера и созыв Генеральных штатов в дальнейшем обусловили сползание страны к политическому кризису. Возможно, расширение круга избирателей в парламент, а также сокращение срока его полномочий, в дальнейшем обернётся свержением правительства — считает он[3].

Другой важный аргумент политика против революции — различие условий двух стран. Сами по себе принципы Французской революции он не считает вредными. Другое дело, что их невозможно применить в своей стране. Историками было

[1] Morley J. Burke. L.: Macmillan and Co. 1909. P. 146.

[2] Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М.: Наука. 2005. С. 23, 25, 27.

[3] Windham W. To W.J. Gurney. May, 2, 1792 // Windham W. The Windham Papers. In 2 vol. Vol. I. L., 1913. P. 100-101.

отмечено различие между английским и французским вариантами Просвещения. Если первое характеризуется лояльностью к религии, эмпиризмом, практической направленностью, то французская мысль склонна к абстрактному рационализму и утопизму[1]. Вот почему британский консерватизм и Просвещение оказались вполне совместимыми интеллектуальными течениями, в то время как французское вольнодумство развивалось в конфликте с властями. Уиндхэм актуализирует критику крайностей рационализма, которую развивали представители раннего и зрелого Просвещения: Дж. Свифт, Д. Юм, а также Э. Бёрк в ранние годы своего творчества. Он настаивает на эволюционном пути развития, непременным условием которого считает «успокоение народа», а характерной чертой — постепенное исправление общественных зол. Конкретная болезнь имеет своё лекарство — завершает мысль Уиндхэм[2].

Вигский политик, используя свой опыт пребывания в оппозиции, критикует и само британское правительство за те неразумные действия, которые привели к революционному сценарию в Северной Америке. Интересно, что в данном контексте он упоминает и Ирландию. По-видимому, речь идёт о формировании там ополчения в 1776 г., формально — для защиты острова от интервенции. Политизация волонтёров привела к расширению автономии Ирландии (так называемая «конституция» 1782 г.)[3]. Прозорливость Уиндхэма позволила ему предсказать ирландское восстание 1798 г., лидеры которого координировали свои действия с Французской республикой.

Буквальное применение доктрины естественного права в его понимании гибельно. Ведь любую власть, сколь бы демократичной она не была, можно счесть узурпацией прав челове-

---

[1] Просветительское движение в Англии / Под ред. Н.М. Мещеряковой. М.: Изд-во МГУ. 1991. С. 8.

[2] Windham W. To W.J. Gurney. May, 2, 1792 // Windham W. The Windham Papers. In 2 vol. Vol. I. L., 1913. P. 101, 103.

[3] Грудзинский В. В. Имперская проблема и англо-ирландская уния 1801 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24 (379). История. Вып. 66. С. 129.

ка. Своё рассуждение Уиндхэм поясняет на примере различных трактовок понятия «равенство». Во-первых, равенство в голосовании и равенство в собственности — не одно и то же. О котором из них говорят реформаторы? Очевидно, речь идёт о демократизации парламента. Но, во-вторых, если равенство в электоральном процессе установлено, что мешает его адептам требовать дальнейшего уравнения и в других сферах? Таким образом, несвоевременные реформаторские решения могут толкнуть общество на путь передела собственности и гражданской войны. Здесь важно понимать, что как тори, так и виги представляли собой политическую и социальную элиту британского общества. Поэтому риторика Уиндхэма должна была серьёзно задевать вигских лордов. Если они судят о справедливости во власти, то почему отрицают право народа судить о справедливости в собственности? — задавался парламентарий риторическим вопросом[1].

Следуя подобной же логике, французское правительство отменило титулы и сословные различия (4 августа 1789 г.). Не являются ли эти новые законы самоуправством? Каким образом такое положение дел выводится из естественного права? Можно сказать, что общественный строй у Уиндхэма органичен, свобода и порядок, по его словам, неразрывно взаимосвязаны друг с другом.

Оппозиционный политик завершает свою речь против революции похвалой общественному строю Англии, который как раз и демонстрирует реализацию его собственных идеалов. Он полагает, что при всех недостатках, его страна наслаждается такими благами, которые не доступны большинству соседних держав. Рисковать ими, подвергая Британию анархии, было бы безумием[2]. В целом можно утверждать, что на данном этапе Уиндхэм вторил своему наставнику Э. Бёрку.

В конце лета – начала осени 1792 г. ситуация во Франции существенно обостряется. После штурма Тюильри 10 августа

[1] Windham W. To W.J. Gurney. May, 2, 1792 // Windham W. The Windham Papers. In 2 vol. L., 1913. Vol. I. P. 102-103.

[2] Ibid. P. 104-105.

Людовик XVI был отстранён от власти и арестован. Сентябрь принёс новые изменения: начало месяца ознаменовано резнёй аристократов в Париже и других городах, а конец — битвой при Вальми, первой крупной победой республиканской армии над союзниками[1]. В течение всего лета 1792 г. Фокс, непримиримый противник правительства Питта, старался не высказывался на тему событий во Франции, поскольку хотел удержать партию вигов в единстве. У. Портленд и У. Фицуильям — другие значимые представители вигов — полагали, что развитие кризиса в августе-сентябре подвигнет Фокса к коалиции с Питтом.

Однако часть вигской оппозиции со своей стороны была не удовлетворена политикой кабинета. Министерство ничего не делало для поддержки французских эмигрантов. Поэтому Бёрк прибег к частной дипломатии. Годом ранее, в 1791 г. он отправил своего сына Ричарда с миссией в Кобленц, где находился штаб эмигрантской армии. По возвращению оттуда Ричарду довелось поучаствовать в деятельности Католического комитета в Ирландии, созданного ещё в 50-е гг. XVIII в. для защиты прав католиков. Правительство Питта раздражала такого рода самодеятельность семейства Бёрков. Тем более что тори опирались на англиканское большинство, а симпатии Бёрка к католикам были известны[2].

С конца 1791 г. во многих городах Великобритании возникали корреспондентские общества, участники которых были вдохновлены идеями Французской революции[3]. Среди сторонников лояльности короне и «высокой церкви» (официальное англиканство) распространялись, наоборот, идеи заговора, инспирируемого и финансируемого из Парижа и направленного против британского правительства. Возникали и соответствующие организации. Такого рода теории имели народную

[1] Ревуненков В.Г. История Французской революции. СПб.: Изд-во СЗАГС. 2003. С. 193-195, 217-218, 220.

[2] O'Gorman F. The Whig Party and the French Revolution. N.Y.: St. Martin's Press. 1967. P. 100-102, 105.

[3] Манфред А.З. Великая Французская революция. М.: Наука. 1983. С. 106.

почву и существовали в отрыве от идеологии Просвещения[1]. В то же время, есть смысл говорить об инфильтрации теории заговора в сочинения интеллектуалов того времени. Есть работы, полностью выдержанные в подобном духе, например, «Мысли об английском правительстве» ирландского юриста Дж. Ривза[2]. В построениях утончённого философа, авторитетного вига Э. Бёрка таких концепций нет. Но всё же, основоположник консерватизма опасался распространения революционных принципов в Англии. Со своими единомышленниками он предлагал сформировать партийную коалицию против якобинства — как зарубежного французского, так и внутреннего. Трещина между Бёрком и Фоксом возникла ещё в феврале 1790 г., когда первый публично огласил свою контрреволюционную позицию. Кроме того, его настораживало влияние, оказываемое Фоксом на некоторых сторонников, в частности, Портленда. Поэтому Бёрк не считал возможным включить непримиримого оппозиционера в коалицию тори и вигов против экспансии якобинства[3].

Министры опасались не теорий, а вещей более приземлённых — войны с Францией и иностранного вторжения. Они прекрасно понимали, что вигские лорды не позволят республиканским принципам восторжествовать даже в оппозиции. Если Бёрк неустанно пытался склонить консервативных вигов порвать с реформаторами, то его последователи вели себя поразному. Уиндхэм, пусть и поддерживал коалицию, в то же время продолжал контактировать с Фоксом[4]. Портленд же не

[1] Sack J.J. From Jacobite to Conservative. Reaction and Orthodoxy in Britain. 1760–1832. Cambridge: Cambridge University Press. 2004. P. 31.

[2] См.: Ковалёв М.А. Политическая полемика в Великобритании в 90-е годы XVIII века (по материалам памфлета Дж. Ривза «Мысли об английском правительстве») // Британские исследования / С.Н. Гаврилов (Ред.). М.: Аквилон, 2022. Вып. VII. С. 244-260.

[3] Morley J. Burke. L.: Macmillan and Co. 1909. P. 149-150; O'Gorman F. The Whig Party and the French Revolution. N.Y.: St. Martin's Press. 1967. P. 105-106.

[4] Ibid. P. 107-108.

был уверен в необходимости вторжения на континент. Существование республиканской армии вдали от английской границы, напротив, послужило бы поводом для сплочения нации. Он выражает уверенность в экономическом потенциале страны и боеспособности английской армии, необходимых для обороны. Главную задачу правительства на данном этапе он видел в борьбе с революционными идеями и ассоциациями у себя на родине. В этом он пытался убедить своего коллегу Уиндхэма[1].

Что касается Фокса, то он считал главной опасностью развитие торийских принципов и, как следствие, расширение полномочий правительства и сокращение гражданских прав. Несколькими годами позднее в Великобритании действительно произойдёт приостановление действия Хабеас корпус акта, выйдет ряд других репрессивных законов[2]. Подвигнутый такого рода соображениями, Фокс уже 4 декабря 1792 г. произносит в вигском клубе речь, направленную против лоялистских ассоциаций. В дальнейшем он будет отстаивать свою позицию в парламенте. 13 декабря ему пришлось выступить с критикой законопроекта об иностранцах (“aliens bill”). В Англию из-за нестабильной обстановки на континенте прибывало много беженцев, и правительство нуждалось в усилении контроля над ними.

Возражение Уиндхэма вновь состояло в апелляции к текущим условиям. Он напомнил слушателям, как в 1784 г. после провала коалиции Фокса и Ф. Норта главой правительства стал Питт. Не обладая большинством голосов, он, опираясь на поддержку короля и отчасти общественного мнения, распустил парламент[3]. Тогда сложилась система, которую критикуют ре-

[1] Bentick W. The Duke of Portland to William Windham. Oct., 13, 1792 // Windham W. The Windham Papers. In 2 vol. Vol. I. L., 1913. P. 106-107.

[2] Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя. 2012. С. 220-221.

[3] Kelly. P. British Politics, 1783–4: the Emergence and Triumph of the Younger Pitt’s Administration // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1981. Vol. 54. N. 123. P. 77.

форматоры. На протяжении долгих лет Уиндхэм, входя в круг приближённых маркиза Рокингема, оппонировал этому режиму. Сейчас же ситуация беспрецедентная, а потому требует особых мер[1].

Далее оратор представил теорию заговора: революционные ассоциации в Великобритании поддерживают связь с парижским конвентом. Национальный конвент, однако, контролировался на тот момент жирондой, а не якобинцами. Вообще, понятие «якобинцы» из обозначения политической фракции превратилось в ярлык, которым клеймили всех сторонников Французской революции. Оттуда в страну якобы направляются брошюры, агенты, финансы. Существует целый план по изменению британской конституции. Участвовавший в дебатах Бёрк поинтересовался об источниках информации. На что Уиндхэм заявил, будто его проинформировал некий член палаты общин, на тот момент отсутствовавший. Имени его выступающий называть не стал, а Бёрк по-видимому, удовлетворился таким ответом[2].

Оставшаяся часть речи Уиндхэма позволяет пролить свет на его понимание причин порочности революционно-демократического мировоззрения. В идеях распространения просвещения и реформ он не находит ничего дурного. Однако с церковной кафедры каждый человек слышит, что путь к общественному благополучию — послушание законам. «Якобинцы» же проповедуют неповиновение. Поэтому секуляризованное понимание высоких христианских истин превращается в начётничество, в набор общих утверждений о правах и свободах. Таким образом, Уиндхэм считает нелегитимным суверенитет народа, провозглашённый явочным порядком. Совершенно необходимым ему представляется постепенная трансформация существующего общественного организма, чьи нормы укоренены в христианских ценностях.

---

[1] Windham W. Revolutionary Principles. Dec. 13, 1792 // Windham W. Speeches in Parliament of the Right Honourable William Windham. In 3 volumes. L. 1812. Vol. 1. P. 215, 217.

[2] Ibid. P. 218-219.

Политик подробно описывает и стратегию действия своих противников. Потакая людским страстям разговорами о свободе и справедливости, они сперва входят в доверие слушателей. Затем вербуют среди них своих сторонников, вовлекая в антиправительственные заговоры. Для пресечения этих действий Уиндхэм считает допустимым расширение запретительных мер, включая ограничение свободы слова. Ни в одной, даже самой свободной стране, аргументирует он, закон не позволяет проповедовать какие вздумается доктрины и привлекать сколько угодно сторонников. Он не считает большой потерей, если запретят проповедовать сложные философские теории неграмотным людям и обсуждать политику в пабах[1].

Но всё-таки как просвещённый человек с политической биографией вига он не отказывается от свободы дискуссий полностью. Что же должно послужить границей допустимого в распространении тех или иных взглядов? Уиндхэм считает таким оселком намерение изменить государственный строй. В противном случае британцы получили бы конституцию Венеции, а не Англии. За парламентской реформой последовало бы отмена права наследования, отмена частной собственности и т.д. Выступление оратора поддержал Э. Бёрк, а кроме того — министр внутренних дел из кабинета Питта Г. Дандас, позднее ставший 1-м виконтом Мельвиллем[2].

Очевидно, к концу 1792 г. принципы Уиндхэма претерпели значительные изменения. Можно отчётливо наблюдать, как к сложным интеллектуальным изысканиям Бёрка стали примешиваться вульгарные теории заговора, распространившиеся в обществе из-за вспышки насилия во Франции и появления корреспондентских обществ в английских городах.

Французская революция тем временем развивалась по восходящей линии. Суд над королём, продолжавшийся с конца 1792 г., завершился смертным приговором и казнью 21 января

[1] Windham W. Revolutionary Principles. Dec. 13, 1792 // Windham W. Speeches in Parliament of the Right Honourable William Windham. In 3 volumes. L. 1812. Vol. 1. P. 220-221.

[2] Ibid. P. 221-224.

1793 г.[1]. Виги-реформаторы, однако, не желали примкнуть к коалиции. В одном из своих писем Фокс высказал сожаление насчёт того, что французы запятнали благородное дело, но от революционных принципов отказываться не спешил[2]. Отношения между Англией и Францией продолжали накаляться. 1 февраля 1793 г. Французская республика объявила войну Великобритании. Аналогичный акт со стороны Британии вызвал ожесточённые дискуссии в парламенте, где Уиндхэм принял самое деятельное участие.

Вопрос о войне поднимался им к тому времени уже неоднократно. Ещё в речи 13 декабря предыдущего года коммонер выдвигает идею превентивного удара. Конечно, он сделал оговорку о недопустимости вмешательства во внутренние дела других стран. Однако французы сами провоцируют интервенцию. Они обещали дать свободу выбора формы правления всем на всех территориях, где победит их оружие. И в то же время занимаются насаждением удобных им политических режимов[3]. Мысль Уиндхэма выглядит резонной с той точки зрения, что после перехода республиканской армии в контрнаступление, французское правительство занималось созданием дочерних республик (в 1792 г. — Майнцская, Рауракская).

15 декабря дебатировался вопрос о посылке в Париж дипломата. После штурма Тюильри и ареста Людовика XVI британский посол Дж. Левесон-Гоуэр, позже ставший 1-м герцогом Сазерлендом, был отозван. Уиндхэм высказался против посольства, поскольку дипломатическое признание Франции способствовало бы отдалению Англии от её союзников[4]. К тому времени

---

[1] Ревуненков В. Г. История Французской революции. СПб.: Изд-во СЗАГС. 2003. С. 243, 248.

[2] O'Gorman F. The Whig Party and the French Revolution. N.Y.: St. Martin's Press. 1967. P. 117.

[3] Windham W. Revolutionary Principles. Dec. 13, 1792 // Windham W. Speeches in Parliament of the Right Honourable William Windham. In 3 volumes. L. 1812. Vol. I. P. 223.

[4] Windham W. Motion for the Embassy to France. Dec. 15, 1792 // Windham W. Speeches in Parliament of the Right Honourable William Windham. In 3 volumes. L. 1812. Vol. I. P. 226-227.

Британия, формально не участвуя в конфликте, уже выстраивала отношения со странами континента. С марта 1793 г. действовала англо-русская конвенция о взаимопомощи[1].

Февральские дебаты в Вестминстере о войне начались с провокационного на фоне недавнего цареубийства заявления Фокса в начале месяца о суверенитете народа и выборности всякой монархии. Выступление Уиндхэма строилось на противопоставлении двух типов войн — межнациональных и идеологических. Нынешняя Франция, полагает он, ненавидит Британию не из-за давнего соперничества держав, а из-за противоречия во взглядах на общественный строй. Гипотетический захват Англии Бурбонами принёс бы людские потери и хозяйственную разруху. Но поражение в «войне принципов» привело бы к катастрофическим последствиям. Ведь «якобинцы» желают ниспровергнуть мораль, религию и все устои общества. Хотя зло войны велико, экспансии «якобинства» нужно противодействовать вооружённым путём[2].

Аргументация Бёрка, Уиндхэма и их единомышленников взяла верх. 9 февраля Англия в ответ объявила войну Французской республике. На следующий день «воинствующая партия» собралась у Уиндхэма и провозгласила своё отделение от фокситов. Себя они позиционировали не как предателей или раскольников, а как сплочённую группу, объединённую общими взглядами. Их оппозиционная деятельность с целью сместить правительство Питта была приостановлена[3]. Возник феномен «консервативных вигов», а концепция Бёрка, теоретически выраженная в «Размышлениях о революции во Франции» (1790 г.) получила продолжение в практической политике.

---

[1] Гребенщикова Г.А. Россия и Англия в конце XVIII – начале XIX века: от союза к войне // Военно-исторический журнал. 2020. № 9. С. 32.

[2] Windham W. War with France. Feb. 1, 1793 // Windham W. Speeches in Parliament of the Right Honourable William Windham. In 3 volumes. L. 1812. Vol. I. P. 230-231, 232-233.

[3] O'Gorman F. The Whig Party and the French Revolution. N.Y.: St. Martin's Press. 1967. P. 119-120.

Но всё же, говорить о последовательном применении бёрковской философии людьми его круга не приходится. Уже родоначальник «третьей партии» Уиндхэм смешивал их с вульгарными теориями заговора. Чем дальше обострялся кризис в отношениях с Францией, тем большую роль в его аргументации играли «образы врага» и «сильной руки» правительства. Поддержка цензуры, превентивной войны, лоялизм и «высокоцерковничество» имели мало общего с консервативной рефлексией идей Просвещения и традиций вигизма.

Однако почему сам Бёрк поддержал такие взгляды? Считал ли он это адаптацией, приспособлением к нуждам текущей политики своих сложных философских концепций? На данный вопрос можно ответить лишь после сравнительного анализа произведений позднего Бёрка и работ его современников из контрреволюционного лагеря, что выходит за рамки настоящей статьи.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Bentick W. The Duke of Portland to William Windham. Oct., 13, 1792 // Windham W. The Windham Papers. In 2 vol. L., 1913. Vol. I. P. 106-107.

Windham W. Motion for the Embassy to France. Dec. 15, 1792 // Windham W. Speeches in Parliament of the Right Honourable William Windham. In 3 volumes. L. 1812. Vol. I. P. 225-228.

Windham W. Revolutionary Principles. Dec. 13, 1792 // Windham W. Speeches in Parliament of the Right Honourable William Windham. In 3 volumes. L. 1812. Vol. I. P. 215-224.

Windham W. To W.J. Gurney. May, 2, 1792 // Windham W. The Windham Papers. In 2 vol. L., 1913. Vol. I. P. 100-106.

Windham W. War with France. Feb. 1, 1793 // Windham W. Speeches in Parliament of the Right Honourable William Windham. In 3 volumes. L., 1812. Vol. I. P. 229-233.

Исследования / Scientific research

Айзенштат М.П. Американская война в парламентских дебатах 1770–1790-х годов // Люди и тексты. Исторический альманах. 2021. № 14. С. 295-308. — Ajzenshtat M.P. Amerikanskaja vojna v

parlamentskih debatah 1770–1790-h godov // Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah. 2021. № 14. S. 295-308.

Гребенщикова Г.А. Россия и Англия в конце XVIII – начале XIX века: от союза к войне // Военно-исторический журнал. 2020. № 9. С. 27-39. — Grebenshhikova G.A. Rossija i Anglija v konce XVIII – nachale XIX veka: ot sojuza k vojne // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2020. № 9. S. 27-39.

Грудзинский В.В. Имперская проблема и англо-ирландская уния 1801 года // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24 (379). История. Вып. 66. С. 122-136. — Grudzinskij V.V. Imperskaja problema i anglo-irlandskaja unija 1801 goda // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 24 (379). Istorija. Vyp. 66. S. 122-136.

Егоров А.А. Питт Младший: политическая биография. Дис… д.и.н. Ставрополь, 2001. 677 с. — Egorov A.A. Pitt Mladshij: politicheskaja biografija. Dis… d.i.n. Stavropol', 2001. 677 s.

Ковалёв М.А. Политическая полемика в Великобритании в 90-е годы XVIII века (по материалам памфлета Дж. Ривза «Мысли об английском правительстве») // Британские исследования / С.Н. Гаврилов (Ред.). М.: Аквилон, 2022. Вып. VII. 342 с. С. 244-260. — Kovaljov M.A. Politicheskaja polemika v Velikobritanii v 90-e gody XVIII veka (po materialam pamfleta Dzh. Rivza «Mysli ob anglijskom pravitel'stve») // Britanskie issledovanija / S.N. Gavrilov (Red.). M.: Akvilon, 2022. Vyp. VII. 342 s. S. 244-260.

Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя. 2012. 304 с. — Labutina T.L., Il'in D.V. Anglijskoe Prosveshhenie: obshhestvenno-politicheskaja i pedagogicheskaja mysl'. SPb.: Aletejja. 2012. 304 s.

Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М.: Наука. 2005. 458 с. — Labutina T. L. Kul'tura i vlast' v jepohu Prosveshhenija. M.: Nauka. 2005. 458 s.

Манфред А.З. Великая Французская революция. М.: Наука. 1983. 431 с. — Manfred A.Z. Velikaja Francuzskaja revoljucija. M.: Nauka. 1983. 431 s.

Просветительское движение в Англии / Под ред. Н.М. Мещеряковой. М.: Изд-во МГУ, 1991. 444 с. — Prosvetitel'skoe dvizhenie v Anglii / Pod red. N.M. Meshherjakovoj. M.: Izd-vo MGU, 1991. 444 s.

Ревуненков В.Г. История Французской революции. СПб.: Изд-во СЗАГС. 2003. 776 с. — Revunenkov V.G. Istorija Francuzskoj revoljucii. SPb.: Izd-vo SZAGS. 2003. 776 s.

Hearnshaw F.J.C. Conservatism in England. An Analytical, Historical, and Political Survey. L.: Macmillan and Co., 1933. 322 p.

Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51. N. 2. P. 454-473.

Kelly. P. British Politics, 1783–4: the Emergence and Triumph of the Younger Pitt's Administration // Bulletin of the Institute of Historical Research. 1981. Vol. 54. N. 123. P. 62-78.

Mitchell L.G. Charles James Fox and the Desintegration of the Whig Party. 1782–1794. Oxford: Oxford University Press. 1971. 318 p.

Morley J. Burke. L.: Macmillan and Co. 1909. 220 p.

O'Gorman F. The Whig Party and the French Revolution. N.Y.: St. Martin's Press. 1967. 270 p.

Sack J.J. From Jacobite to Conservative. Reaction and Orthodoxy in Britain. 1760–1832. Cambridge: Cambridge University Press. 2004. 306 p.

О.И. Рудая
(Ростов-на-Дону)

БРИТАНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ КУЛЬТУРЫ И МИРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

«Наука впервые со времён Ренессанса кажется в опасности»

Джон Бернал, сентябрь 1938 г.

Во второй половине 1930-х годов главной политической проблемой, волновавшей общественность Великобритании, являлась борьба с фашизмом. В условиях социально-экономической нестабильности в стране и усиления фашистской агрессии на континенте многие интеллектуалы начали проявлять интерес к международным событиям и открыто выражать свое неприятие праворадикальной доктрины.

В июне 1935 г. в Париже состоялся Первый международный конгресс писателей в защиту культуры. Его участниками стали 230 литераторов из 35 стран. Это были люди, придерживавшиеся разных художественных направлений и политических взглядов, но имевшие общую цель — защитить культуру и цивилизацию от войны и фашизма. Английскую делегацию представляли Дж. Стрэчи, Э.М. Форстер, А.У. Эллис, О. Хаксли, а также Дж. Б. Пристли, Б. Рассел и В. Вулф. Советский писатель И. Эренбург, занимавшийся подготовкой конгресса, с со-

жалением констатировал, что организаторам не удалось привлечь к его деятельности «знаменитых Г. Уэллса и Б. Шоу»[1].

Перед участниками межнационального конгресса стояли масштабные задачи, продиктованные стремительно менявшейся обстановкой в мире. Им необходимо было рассмотреть такие проблемы, как культурное наследство и роль писателя в обществе, достоинство мысли и творчества, гуманизм, нация и защита культуры.

Публицист и экономист Дж. Стрэчи в своём выступлении на тему: «Культурное наследство» акцентировал внимание делегатов на то, «что в некоторых странах рулем государства завладели очевидные и явные враги всякой культурной деятельности». Публицист с горечью признавал, что эти правители «разрушают основы европейской культуры», и задача писателей состояла в том, чтобы «понять характер опасности и выяснить породившие ее причины»[2].

Романист Э.М. Форстер, делавший доклад по проблеме свободы и творчества деятелей культуры, говорил о необходимости предоставить им «больше свободы». Её «сохранность и расширение» он закономерным образом связывал с формой правительства. Характеризуя политическую ситуацию, Э.М. Форстер подчеркивал значимость того факта, что в Англии, где «традиция и свобода тесно связаны», «диктатура» все еще рассматривалась «как нечто, противное джентельменству, еврейские погромы — как непристойность». Писатель полагал, что «опасность фашизма, — разве если будет война, тогда может случиться что угодно», в Британии «незначительна». По его мнению, стране угрожал «диктаторский дух», «фабианский фашизм» — «традиционный английский метод, которым ведется атака на свободу»[3].

---

[1] Рудая О.И. Первый международный конгресс писателей в защиту культуры от фашизма и британские интеллектуалы // Современные проблемы и пути их решения в науке, производстве и образовании. Темрюк, 2016. С. 98-100.

[2] Стрэчи Дж. Культурное наследство. // Международный конгресс писателей в защиту культуры М., 1936. С. 105-110.

[3] Форстер Э.М. Свобода и культурное наследство в Англии //

Подобно другим участникам конгресса Э.М. Форстер высказывал опасения по поводу новой войны. В частности, он отмечал, что народам, которые уже примерно год «нагромождают оружие», «обязательно придётся избавиться от всей этой дряни»[1]. Романист также утверждал, что его «тревожат мысли о войне чаще, чем мысли о собственной смерти». Однако он продолжал оставаться оптимистом, искренне веря в «мужество»: «если писатель смел и умеет чувствовать, то он исполнил свой общественный долг» — подытожил свое выступление Э.М. Форстер.[2]

В ходе работы конгресса делегаты договорились о создании постоянного Бюро международной ассоциации писателей в защиту культуры. От Великобритании в состав его президиума вошли Э.М. Форстер, О. Хаксли и Б. Шоу, а также Л. Вульф, Д. Хенли, Дж. Б. Присли, Дж. Стрэчи и А.У. Эллис, избранные в качестве членов секретариата.

На заключительном заседании конгресса была принята резолюция, в которой указывалась, что Бюро писателей, представлявших «различные философские, литературные и политические направления», будет бороться не только «в области культуры против войны и фашизма», но и «против всякой опасности, угрожающей цивилизации»[3].

Парижский конгресс, продемонстрировавший решимость литераторов защищать культурное наследство, стал важным событием исторического значения. Вопросы международной безопасности приобретали особую актуальность и выходили на передний план.

Так, борьба за сохранение цивилизации от угрозы новой войны являлась главной задачей национального конгресса мира, проходившего в июне 1936 г. в одном из крупнейших городов Англии — Лидсе. Его подготовкой и проведением зани-

---

Международный конгресс писателей в защиту культуры. М., 1936. С. 58-60.

[1] Там же. С. 63.

[2] Там же. С. 64.

[3] Литературная газета. 1935. 30 июня.

мался Национальный совет мира, к которому примыкали 40 общенациональных и 30 местных организаций. Среди членов совета было много либералов, лидеров лейбористского движения, видных писателей и религиозных деятелей, в том числе архиепископ Йоркский[1].

Проблема войны и мира находилась в центре внимания Пен-клуба — международной ассоциации писателей, поэтов и журналистов, созданной в Великобритании в октябре 1921 г. Его основателем и первым руководителем являлся Дж. Голсуорси. Пен-клуб объединял писателей самых разных направлений, устраивал собрания и дискуссии. Он провозглашал полную «бесконтрольность» литературы и индивидуализм «людей слова».

Однако в 1930-е годы в связи с изменением международной ситуации в Европе в основу устава Пен-клуба были положены принципы преданности делу мира, порицание всякой воинственной литературы. С 1933 г. председателем организации стал Г. Уэллс. Пен-клуб быстро превратился во всемирную ассоциацию, в состав которой в 1936 г. входили 56 секций, представлявших писателей 44 стран[2].

Идейную трансформацию Пен-клуба отчетливо продемонстрировал XIV международный конгресс, проходивший летом 1936 г. в Буэнос-Айресе. Его делегаты подвергли резкой критике заявление «апостола футуризма и фашизма» — итальянского писателя Ф. Маринетти о том, что «война есть единственная гигиена мира». Г. Уэллс в своей речи выразил сочувствие немецким литераторам, эмигрировавшим из Германии или находившимся в концлагерях. Аргентинский конгресс принял воззвание «К правительствам и народам», призывая их сделать всё возможное для сохранения мира[3]. Данный документ свидетельствовал о решительном повороте писателей, в том числе и британских, к борьбе против фашизма, несшего реальную угрозу новой войны.

---

[1] Движение за мир — за народный фронт в Англии // Коммунистический Интернационал. 1936. N. 13. С. 89.

[2] Интернациональная литература. 1936. N. 11. С. 210.

[3] Там же.

Тем не менее в середине 1930-х годов деятельность английской интеллигенции нередко вызывала порицание со стороны её зарубежных коллег. Так, советский исследователь Т. Мотылёва в 1934 г. отмечала пассивность британцев и, в частности, английского антивоенного и антифашистского комитета. Она писала, что «огромное поле деятельности, какое представляет эта страна, до сих пор недостаточно используется антивоенным и антифашистским движением»[1].

В 1936 г. аналогичное замечание последовало и от немецкого поэта Э. Толлера, председательствовавшего на проходившем в июне в Лондоне пленуме Международной ассоциации писателей. Э. Толлер говорил, что Англия духовно разобщена с континентом и в то время как Европа борется за разрешение социальных и духовных проблем, она производит впечатление страны, находящейся в состоянии полного покоя. На самом деле это было только поверхностное видение вещей, так как под внешностью «покоя» и в Великобритании нарастали возмущение и протест, особо ярко выражаемые группой молодых литераторов[2].

Периодом наивысшей активности английской интеллигенции стала гражданская война в Испании, где развернулось первое международное столкновение сил демократии с фашизмом. Для многих интеллектуалов эта война ознаменовала начало политической деятельности. Даже блумсберийцы — представители элитарной группы писателей и художников, державшиеся долгое время в стороне от политики, сплотились вокруг испанской республики.

Гражданская война, развязанная франкистами, наглядным образом продемонстрировала истинную сущность фашизма и оказала огромное воздействие на деятелей британской культуры. Как констатировал член «оксфордской группы поэтов» Дж. Леман, «оно с невидимой силой побудило английского писателя — «островитянина», индивидуалиста по всему своему скла-

[1] Мотылёва Т. Борьба против империалистической войны и фашизма // Коммунистический Интернационал. 1934. N. 22. С. 59.

[2] Интернациональная литература. 1936. N. 9. С. 175.

ду — заинтересоваться международным движением в защиту культуры от угрозы фашизма»[1].

В Британии развернулось широкое общественное движение в поддержку республиканской Испании. По всей стране прошли массовые митинги и манифестации солидарности с испанским народом. В Лондоне состоялись большие демонстрации протеста перед итальянским, немецким и португальским посольствами. Представители интеллигенции создавали различные Комитеты помощи или Комитеты защиты Испании, которые проводили собрания, сборы денежных средств и продовольствия.

Немалый вклад в организацию финансовой помощи внесли члены британской секции Международной организации писателей под председательством С. Дей-Льюиса, а также общества «За интеллектуальную свободу». По сообщениям А.У. Эллис, только за 1937 г. им удалось собрать 200 фунтов стерлингов в поддержку испанского народа[2].

В декабре 1936 г. была организована выставка «Художники за Испанию», на которой представлялись работы О. Джона, Б. Хепуорт, Л. Писсаро, Д. Эпштейна, П. Нэша, Э. Джилла, Д. Гранта, В. Белла, Б. Николсона, Э. Боудена и других деятелей искусства. Деньги, полученные от продажи картин, пошли на закупку продовольствия для Интернациональных бригад[3].

Многие интеллектуалы отправились в качестве добровольцев на фронт в Испанию. Комиссаром первой английской роты, сформированной осенью 1936 г., стал писатель и критик Р. Фокс. Вскоре его примеру последовали У. Маккартни, Т. Уинтринхэм, Б. Александр, Дж. Корнфорд, К. Кодуэлл, Д. Белл, Д. Оруэлл и другие представители умственного труда.

Британские литераторы приняли активное участие во Втором международном конгрессе писателей в защиту культу-

---

[1] Леман Дж. Левая литература современной Англии (1935–1938) // Интернациональная литература. 1938. N. 5. С. 164-165.

[2] Интернациональная литература. 1938. N. 4. С. 205-206.

[3] Fyrth J. The Signal was Spain. The Spanish Aid Movement in Britain, 1936–1939. L., 1986. P. 41-42.

ры, который проходил в июле 1937 г. Он начал свою работу в Валенсии, продолжил в Мадриде и Барселоне, а завершил — в Париже. Девизом конгресса, проводившегося под яростными обстрелами со стороны франкистов, заставлявших его участников неоднократно спускаться в бомбоубежище, стали слова: «Культура в опасности».

На одном из первых заседаний съезда писателей выступил Г. Уэллс. Осудив политику британского правительства и его постановления о запрещении отправки английских добровольцев в Испанию, литератор справедливо отметил, что данная позиция может рассматриваться «как молчаливое попустительство военной авантюре мятежников, как поощрение фашистских правительств их едва-едва замаскированной интервенции»[1].

Многие доклады участников конгресса были посвящены борьбе испанского народа против франкистов. О его «невиданном мужестве», отваге и «героизме» говорили писатель Р. Бэйтс, поэт С. Спендер и представители других стран[2]. Результатом их выступлений стало принятие «Воззвания к писателям, к интеллигенции и трудящимся всего мира о помощи республиканской Испании».

Особое внимание в работе конгресса было уделено консолидации литераторов в борьбе за мир. Провозгласив фашизм главным врагом культуры, которую они обязались защищать, делегаты обещали бороться против него всеми имеющимися в их распоряжении средствами, и подтвердили немыслимость и невозможность никакого нейтралитета в такой войне[3]. Для координации этой деятельности конгресс выбрал Бюро Международной ассоциации писателей для защиты культуры, в состав которого вошли британские литераторы Дж. Б. Шоу, Р. Леманн и Э.М. Форстер.

Рост международной напряженности обязывал английских интеллектуалов присутствовать и на проходившей в июле

[1] Литературная газета. 1937. 5 июля.
[2] Литературная газета. 1937. 10 июля, 20 июля.
[3] Литературная газета. 1937. 20 июля.

1938 г. в Париже Международной конференции в защиту культуры. «Страх, отвращение и просто физические страдания сплачивают воедино всех нас, людей мыслящих и рассуждающих… Наступление фашизма вызывает… повышенный интерес к политическим проблемам… большую солидарность. Общая опасность дала всем нам общую цель. Теперь мы думаем о фашизме, анализируем, разоблачаем его»[1], — так характеризовал настроения и цели своих коллег ирландский романист Д. Феллан. С докладами на конференции также выступили С. Спендер, С. Дей-Льюис и Р. Уорнер.

По итогам встречи в Париже все участники обязались содействовать установлению всеобщего мира: пропагандировать культуру народов, ставших жертвами агрессии, и тех, кому она угрожала. Они обещали организовывать индивидуальную помощь писателям, учёным и деятелям искусства республиканской Испании, устраивать встречи интеллигенции, вынужденной покинуть родину[2].

Таким образом, к концу 1930-х годов деятели британской культуры окончательно осознали угрозу фашизма и реальную возможность нового мирового конфликта. Они включились в международное движение в защиту цивилизации и приняли активное участие в разоблачении фашистской агрессии. Переход от игнорирования и пассивности к открытому противодействию фашизму стал закономерным результатом политизации английской интеллигенции.

Проблема войны и мира превратилась в глобальную, касавшуюся всех стран и наций. Так, британский актёр и кинорежиссер Ч. Чаплин, проживавший в те годы в США, в своих мемуарах свидетельствовал о невозможности «придумывать романтический сюжет и любовные эпизоды, когда это чудовище в человеческом облике — Адольф Гитлер — снова нёс в мир безумие?»[3]. С помощью киноискусства Ч. Чаплину уда-

---

[1] Интернациональная литература. 1938. N. 11. С. 164.

[2] Садуль Ж. Международная конференция писателей в защиту культуры // Интернациональная литература. 1938. № 9. С. 206-211.

[3] Чаплин Ч. Моя биография. М., 1966. С. 388.

лось передать дух эпохи, показать истинную сущность нацизма. Он создал антифашистский фильм «Великий диктатор», сыграв в нём главную роль — диктатора, чей образ позволил «высмеять бредовую идею о чистокровной расе»[1]. Это была политическая сатира на германский фашизм и его фюрера, премьерный показ которой состоялся в октябре 1940 г.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Интернациональная литература. 1936. N. 9.

Интернациональная литература. 1938. N. 4.

Интернациональная литература. 1938. N. 11.

Коммунистический Интернационал. 1936. N. 13.

Литературная газета. 1935. 30 июня.

Литературная газета. 1937. 5 июля, 10 июля, 20 июля.

Стрэчи Дж. Культурное наследство // Международный конгресс писателей в защиту культуры. М., 1936. С. 105-110.

Форстер Э. М. Свобода и культурное наследство в Англии // Международный конгресс писателей в защиту культуры. М., 1936. С. 57-64.

Чаплин Ч. Моя биография. М., 1966.

Исследования / Scientific research

Леман Дж. Левая литература современной Англии (1935–1938) // Интернациональная литература. 1938. N. 5. — Leman Dzh. Levaia literatura sovremennoi Anglii (1935–1938) // Internatsional'naia literatura. 1938. N. 5.

Мотылёва Т. Борьба против империалистической войны и фашизма // Коммунистический Интернационал. 1934. N. 22. — Motyleva T. Bor'ba protiv imperialisticheskoi voiny i fashizma // Kommunisticheskii Internatsional. 1934. N. 22.

Рудая О.И. Первый международный конгресс писателей в защиту культуры от фашизма и британские интеллектуалы // Современные проблемы и пути их решения в науке, производстве и образовании. Темрюк, 2016. С. 98-100. — Rudaia O.I. Pervyi mezhdunarodnyi

[1] Там же. С. 390.

kongress pisatelei v zashchitu kul'tury ot fashizma i britanskie intellektualy // Sovremennye problemy i puti ikh resheniia v nauke, proizvodstve i obrazovanii. Temriuk, 2016. S. 98-100.

Садуль Ж. Международная конференция писателей в защиту культуры // Интернациональная литература. 1938. N. 9. С. 206-211. — Sadul' Zh. Mezhdunarodnaia konferentsiia pisatelei v zashchitu kul'tury // Internatsional'naia literatura. 1938. N. 9. S. 206-211.

Fyrth J. The Signal was Spain. The Spanish Aid Movement in Britain, 1936–1939. L., 1986.

М.В. Кирчанов
(Воронеж)

ОБРАЗЫ АНГЛИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОГО БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В современном мире политика памяти или историческая политика вошла в число тех универсалий, которые активно используются как правящими политическими элитами, так и различными общественными активистами, вовлеченными в процессы формирования, воспроизводства и изменения канонов национальной коллективной исторической памяти. Не является исключением и современная Великобритания, одним из исторических регионов которой является Англия. Особое место в английской исторической политике занимают проблемы, связанные с историей раннего Нового времени и английской революции. Уникальное значение в этой ситуации имеет политический опыт Английской Республики, в отношении которой в историографии сложилась несколько парадоксальная ситуация, связанная с тем, что сам факт существования в Англии республики интегрируется в более широкий контекст истории революции, и в этой ситуации политический опыт Англии как республики, попытки развития и построения английской государственности через призму республиканской идеологии и политической системы пребывают в тени других сюжетов, связанных с фактами насилия в ходе революции, попытками

реставрации, локальный и региональной историей Англии, которые оказались в большей степени отражены и зафиксированы в коллективной мемориальной культуре британского общества.

В центре авторского внимания в представленной статье будут проблемы образа и восприятие Английской Республики в современной мемориальной культуре Великобритании. Прежде чем рассматривать трансформацию выше заявленных образов в мемориальной традиции следует очертить общие рамки исследования. В данной статье мемориальная культура редуцируется до ее массовых форм, представленных современными виртуальными пространствами. Академическая историография, которая внесла большой вклад в изучение Английской Республики, не рассматривается как форма исторической политики и как проявление мемориальной культуры. Кроме того, автор полагает, что с методологической точки зрения, подобная статья может быть основана на принципах междисциплинарной историографии памяти, предложенных в рамках мемориального поворота.

Английская Республика воспринимается как коллективное место памяти и как проявление исторического опыта англичан в XVII в., а ее образы анализируются через призму теории изобретения традиции, что крайне важно для попыток современных историков проследить ранний этап формирования английской модерновой нации в качестве воображаемого сообщества. Цель статьи — изучение восприятия образов Английской Республики в современной мемориальной политике, представленной массовой культурой, ограниченной сферой доминирования виртуальных сред. В число задач автора входит: во-первых, анализ восприятия Английской Республики в современной мемориальной культуре, во-вторых, выявление основных направлений, в рамках которых изменяются образы Английской Республики в современной коллективной памяти и, в-третьих, прогнозирование векторов и траекторий возможной трансформации образов Республики в современной мемориальной культуре.

Английская Республика оказывается крайне противоречивой проблемой для современного английского массового исторического самосознания. История подвержена политизации

и идеологизации, а «историки регулярно ставят под сомнение собственное и чужое понимание прошлого, делая это не ради развлечения, но полагая, что их обязанностью является создание понимания прошлого, которое бы говорило с живыми»[1]. На решение последних задач в большинстве обществ направлена политика памяти, формирующая мемориальную культуру. Не является исключением и Великобритания, особое место в коллективной исторической памяти которой занимают образы Английской Республики.

В Англии существует развитая академическая историография, сфокусированная на изучении истории английской революции и такого ее этапа как республика. Вместе с тем, во внимание следует принимать, что большинство подобных работ носят почти исключительно академический характер и предназначены для академического исторического сообщества. Поэтому Английская Республика оказывается «выпавшим» компонентом в национальной исторической памяти. Английская Республика в гораздо меньшей степени фигурируют в коллективных нарративах исторической памяти Англии, чем другие сюжеты, связанные как с более ранней, так и поздней историей Англии в составе Великобритании.

Анализируя феномен, место и роль Английской Республики, а также ее восприятие в памяти и академической традиции, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с развитием исторического воображения в современной Великобритании, где британскость уверенно «вытесняет национальное прочтение прошлого, ранее доминировавшее в исторической науке двадцатого и начала двадцать первого века»[2].

---

[1] Banner J.M. Jr. All History Is Revisionist History: Ever since Thucydides dismissed Herodotus, historians have differed about the past // Humanities. Magazine of the National Endowment for the Humanities. 2022. Summer. — https://www.neh.gov/article/all-history-revisionist-history (апрель, 2024).

[2] Edgerton D. The Nationalisation of British History: Historians, Nationalism and the Myths of 1940 // The English Historical Review. 2021. Vol. 136. N. 581. P. 950-985. —https://doi.org/10.1093/ehr/ceab166 (апрель, 2024).

Академическое изучение истории Английской Республики в значительной степени монополизировано академическим сообществом. В условиях монополии профессиональных историков в изучении республики проблемы, связанные с ее историей, оказались в тени других сюжетов, которые были подвергнуты ассимиляции со стороны массовой культуры как основного пространства функционирования коллективной исторической памяти, что позволило их интегрировать в современное массовое историческое самосознание. «Мемориализация опыта» политической истории английской революции, как подчеркивала Энн Хьюз, «часто была связана с конкретными местами и вещами, как и следовало ожидать от общих исследований памяти»[1], но Республика из подобной логики развития коллективной исторической памяти часто «выпадала».

Английская Республика стала объектом различных манипулятивных стратегий, направленных на формирование коллективной исторической памяти, которые на современном этапе проводятся не академической историографией, но альтернативными агентами памяти, представленными различного рода общественными и культурными активистами, использующими самый широкий спектр возможных тактик и стратегий для формирования, развития и продвижения образа Английской Республики в современной коллективной исторической памяти англичан.

Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что в XXI веке историческая память постепенно меняет формы своей пространственной и культурной локализации. Вместо традиционных аналоговых сфер развития коллективной памяти, представленных академической историографией, культурой и литературой, коллективные представления о прошлом постепенно мигрируют в направлении разного рода виртуальных пространств, что превращает память и образы Английской Республики в достаточно подвижные эластичные предметы,

[1] Hughes A. ‘The Accounts of the Kingdom’: Memory, Community and the English Civil War // Past and Present. 2016. Vol. 230. N. 11. P. 311-329. —https://academic.oup.com/past/article/230/suppl_11/311/2884260 ; https://doi.org/10.1093/pastj/gtw025 (апрель, 2024).

которые постепенно меняются и трансформируются в современном коллективном историческом опыте Англии. В этой ситуации в коллективной памяти и в сложившейся мемориальной культуре образ Английской Республики актуализирует такое качество как альтернативность и чрезвычайную эластичность и подвижность исторического сознания общества потребления.

Для современного британского социума, подобно другим обществам постпостмодерна, характерна смена пространственной и культурной локализации коллективной исторической памяти, что проявляется в ее постепенной миграции из аналоговых сфер в виртуальные среды. Коллективные представления об историческом опыте, связанном с республикой, виртуализируются, что актуализирует системные характеристики памяти в обществе потребления — подвижность, эластичность, изменчивость, редактируемость и фальсифицируемость. Виртуальное пространство представляет пользователям различные возможности актуализации памяти тех групп и сообществ, к которым они принадлежат.

Современные попытки сконструировать образ Республики в исторической памяти носят в значительной степени ревизионистский характер. Ревизионизм следует относить к числу важных инструментов политики коллективной памяти, так как «ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым источникам, лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной «истины» о событиях прошлого и их значении… Без историков-ревизионистов, которые проводили исследования новых источников и задавали новые и острые вопросы, мы бы так и погрязли в тех или иных стереотипах»[1]. Пересмотр истории, роли и места Республики

[1] McPherson J. Revisionist Historians // Perspectives on History. The newsmagazine of the American Historical Association. 2003. Vol. 41. N. 6. P. 1.

в английской коллективной памяти в значительной степени отягощен доминированием консервативной инерции в историографии, унаследованной от более раннего периода, когда Республика ассоциировалась преимущественно с фигурой О. Кромвеля. Дискуссии относительно его роли содействовали тому, что сам республиканский эксперимент отодвигался на задний план.

В рамках альтернативной версии мемориальной культуры, продвигаемой сторонниками пересмотра ее более ранней формы, Республика не только ассоциируется почти исключительно с фигурой О. Кромвеля, но и воспринимается через призму политической модернизации, так как «смела последние остатки феодализма из Англии, проложив путь к демократии, свободе и толерантности»[1]. Подобная точка зрения явно не устраивает консервативные круги современного британского общества, которые склонны маргинализировать образы Республики в коллективной памяти. Поэтому, в 2004 г. ими была выдвинута инициатива, направленная на демонтаж статуи О. Кромвеля, расположенной в Вестминстере, и ее уничтожение[2].

Британский аналитик Тео Хобсон подчеркивает важность и необходимость пересмотра более ранних интерпретаций истории Республики, связанных с Оливером Кромвелем, фигура которого нередко демонизировалась, так как историография могла быть отягощена политическими и идеологическими предпочтениями историков. Т. Хобсон полагает, что необходимо подвергнуть пересмотру точку зрения, согласно которой О. Кромвель и учрежденная им Республика склонялись к авторитарной модели, основанной на подавлении лоялистов и ирландских католиков. По мнению Т. Хобсона, «существовало

[1] Vallely P. The Big Question: Was Cromwell a revolutionary hero or a genocidal war criminal? // Independent. 2008. September 4. — https://www.independent.co.uk/news/uk/this-britain/the-big-question-was-cromwell-a-revolutionary-hero-or-a-genocidal-war-criminal-917996.html (апрель, 2024).

[2] Oliver Cromwell statue moving // News of the World. 2004. May 16. P. 29.

множество свидетельств новаторской приверженности Кромвеля к толерантности, но историки склонны преуменьшать ее, поддерживая консервативную карикатуру. Для среднестатистического тори этот пуританский авторитарный лидер является воплощением узкого реформаторского рвения, предшественником Робеспьера и Ленина… республиканский эксперимент был первым проектом либерального государства»[1]. Такое сравнение в современной мемориальной культуре воспринимается некоторыми активистами политики памяти как доказательство прогрессивного характера действий О. Кромвеля и запущенного им республиканского эксперимента.

Одной из классических форм трансформации коллективной исторической памяти, ее ситуативного и нестабильного характера является Википедия, представляющая классический срез массовых представлений о прошлом, адаптированных под запросы общества потребления. Статья «Commonwealth of England» представляет собой уникальный симулякр, который показывает, как функционирует историческая память общества, подвергнутого виртуализации, и каким образом такой социум выстраивает мемориальную культуру, основанную на ассимиляции более ранних исторических представлений, заимствованных из академической историографии[2]. Современная Википедия в репрезентации памяти о Республике неоригинальна, так как фактически воспроизводит раннее сложившийся на нее взгляд, основанный на восприятии этого государственного образования через призму политических институтов.

Доминирование именно государственной парадигмы в предшествующей историографии[3] содействовало маргинали-

---

[1] Hobson T. Oliver Cromwell was a liberal pioneer ahead of his time // The Spectator. 2022. August 2. — https://www.spectator.co.uk/ article/oliver-cromwell-was-a-liberal-pioneer-ahead-of-his-time/ (апрель, 2024).

[2] Scott J. Commonwealth Principles. Republican Writing of the English Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 402 p. — https://doi.org/10.1017/CBO9780511490736 (апрель, 2024).

[3] Barnard T. English Republic 1649–1660. L., NY.: Taylor & Francis Ltd., 1997. 120 p.

зации республиканского опыта в исторической памяти и мемориальной культуре, в которой республика редуцируется до вынужденной предыстории последующей британской политики. В то время, как «литература Тюдоров и ранних Стюартов в Англии создавала новый или, по крайней мере, более четко определенный образ английскости и английской национальной идентичности»[1], то Республика, порожденная революцией оказалась не в состоянии продолжить это начинание, что привело к подмене английской идентичности британской, доминированию второй и, соответственно, маргинализации первой, ограниченной преимущественно культурным дискурсом.

В современной мемориальной политике особое внимание привлекает политический радикализм республиканского эксперимента, который и стал стимулом для последующей маргинализации наследия Республики в британской коллективной памяти, основанной на концептах «империя», что предусматривало вытеснение «английских» нарративов из политического языка. Как полагает Т. Хобсон, вытеснение республиканских образов на периферию исторической памяти стало следствием того, что они «ставят под сомнение всю нашу политическую традицию, так как основаны на идее, что истинные либеральные ценности совместимы с высоким консерватизмом монархии и официальной церкви. Развитию такого нарратива не способствует тот факт, что главный пионер либерального государства был против епископов и королей»[2]. В этой ситуации маргинализация республиканского наследия в исторической памяти носила направляемый характер, стимулируясь идеологическими предпочтениями правящих элит и тех интеллектуальных сообществ, которые легитимировали восприятие

[1] Kumar K. English or British? National Identity in Early Modern Britain. Kumar on Schwyzer, 'Literature, Nationalism and Memory in Early Modern England and Wales' // H-Albion. 2005. November. — https://networks.h-net.org/node/16749/reviews/17930/kumar-schwyzer-literature-nationalism-and-memory-early-modern-england (апрель, 2024).

[2] Hobson T. Oliver Cromwell was a liberal pioneer ahead of his time // The Spectator. 2022. August 2. — https://www.spectator.co.uk/article/oliver-cromwell-was-a-liberal-pioneer-ahead-of-his-time/ (апрель, 2024).

истории, написанной в большей степени в британской, нежели английской системе координат.

Для одних акторов исторической политики Республика или «Содружество, фактически являвшееся республикой», фигурирует как «политическая структура», положенная в основу «Английского государства»[1], образ которого в исторической памяти конструируется в категориях нестабильности. Другие авторы маргинализируют республиканский опыт, полагая, что английский национальный проект не выдержал конкуренции с британским[2]. Английский историк Блэр Уордэн и вовсе создает образ Английской Республики как республики без республиканцев[3]. Столь негативное отношение в массовом историческом сознании как пространстве бытования памяти к Республике стало следствием того, что оно ассимилировало достижения предшествующей историографии, в которой высказывались мнения, что английскость была маргинализирована не просчетами элит республики, но утратила свое значение, не выдержав конкуренции с британскостью, уже при Тюдорах[4].

Конструирование двух этих образов республики в коллективной памяти вынуждает историков констатировать то, что «Республика была созданием меньшинства внутри меньшинства, и ее шансы на успех были очень малы, но необходимо по-

---

[1] Commonwealth of England. — https://en.wikipedia.org/wiki/Commonwealth_of_England (апрель, 2024).

[2] Kenny M. English Nationalism in Historical Perspective // Governing England: English Identity and Institutions in a Changing United Kingdom / Eds. by M. Kenny, I. McLean, A. Paun. L.: British Academy, 2018. P. 271-288. — https://doi.org/10.5871/bacad/9780197266465.003.0013 (апрель, 2024).

[3] Worden B. Oliver Cromwell and Parliament. The Cromwell Collection Lecture, November 2013. — https://www.olivercromwell.org/wordpress/articles/oliver-cromwell-and-parliament/ (апрель, 2024).

[4] Schwyzer P. Spenser's spark: British blood and British nationalism in the Tudor era // Literature, Nationalism, and Memory in Early Modern England and Wales / Ed. by P. Schwyzer. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 13-48. — https://doi.org/10.1017/CBO9780511483950.003 (апрель, 2024).

нять не причины, по которым Республика пала, но осознать, почему республиканский эксперимент продолжался так долго»[1]. Вероятно, отчасти именно поэтому в британском дискурсе доминировала имперская риторика, основанная на недооценке того факта, что «Англия — особая, образцовая, даже провиденциальная нация, отличающаяся от других»[2], так как Великобритания нуждалась в легитимации себя как империи, но не Англии как своего географического ядра. Несмотря на такое отношение к Республике, которое виртуализированная память унаследовала от академической историографии, в виртуальных средах заметны тенденции к позитивной идеализации Республики, что проявляется, например, в современных переизданиях ее законов, намеренно сопровождаемых официальной символикой, что стимулирует идеологически маркированную ностальгию по собственным политическим институтам (например, отдельному английскому парламенту[3]), которые Англия утратила в результате ее трансформации в Великобританию.

Маргинальность и невидимость Республики в мемориальной культуре Англии стала следствием особенностей ее развития в составе Великобритании, которая, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, как классических государств исторической политики, не получила опыт национального авторитаризма. Если, с одной стороны, историки, интеллектуалы и активисты памяти в Европе были вынуждены «на основе строгих марксистско-ленинских правил интерпретировать социалистическую революцию и коммунистическое пра-

[1] Edwards P. The English Republic // The Making of the Modern English State, 1460 — 1660. L.: Palgrave, 2001. P. 372-392. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-333-99383-5_12 (апрель, 2024).

[2] Marquand D. Britain's problem is not with Europe, but with England // The Guardian. 2017. December 19. — https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/dec/19/britain-problem-not-europe-england-brexit-englishness (апрель, 2024).

[3] File: An Act Declaring and Constituting the People of England to be a Commonwealth and Free-State (1649). — https://en.wikipedia.org/wiki/File:An_Act_Declaring_and_Constituting_the_People_of_England_to_be_a_Commonwealth_and_Free-State_(1649).pdf (апрель, 2024).

вительство как высшую и наиболее прогрессивную стадию исторического развития»[1], что после демократизации легитимировало национализацию прошлого через поиск государств-предшественников, то их английские историки с такими идеологическими предписаниями не сталкивались, что содействовало прогрессу исторической эпистемологии. В рамках различных подходов, предлагаемых последней, история Англии интерпретировалась через призму марксизма, либерализма, новой социальной истории или других теоретических моделей, что избавляло историков от необходимости национализации исторических государств, включая Республику.

В британской историографии 1990-х гг., которая в большей степени функционировала в рамках академической парадигмы, но не исторической политики, начавшейся десятилетием позднее, высказывалось допущение, что история английской революции XVII века представляет собой едва ли не единственный нарратив, сконструированный в англоцентричной системе координат[2]. В тех случаях, когда участники исторической политики начинают обсуждать проблемы Республики в коллективной памяти и политическом воображении современного британского общества, происходит терминологическая подмена: вместо исторического термина «Commonwealth», представленного в оригинальных источниках[3], используется более современный и отягощенный другими социальными смыслами и культурными значениями термин

[1] Kopeček M. In Search of “National Memory”. The Politics of History, Nostalgia and the Historiography of Communism in the Czech Republic and East Central Europe // Past in the making. Historical revisionism in Central Europe after 1989 / Ed. by M. Kopeček. Budapest: Central European University Press, 2008. P. 75-92. — https://books.openedition.org/ceup/1591 (апрель, 2024).

[2] Hirst D. The English Republic and the Meaning of Britain // The Journal of Modern History. 1994. Vol. 66. N. 3. P. 451-486. — https://doi.org/10.1086/244882 (апрель, 2024).

[3] Commonwealth: the social, cultural, and conceptual contexts of an early modern keyword // The Historical Journal. 2011. Vol. 54. N. 3. P. 659-687.

«Republic». Такая подмена стала возможной в силу того, что некоторыми представителями академической науки в 1990-е гг. использовался ресурс ревизионизма. Последний стимулировал пересмотр негативных образов Республики через призму актуализации ведущей роли Англии в истории республиканской политической мысли в XVII столетии[1].

Кроуфорд Гриббен в 2018 г., описывая реалии и опыт республиканского эксперимента периода революции игнорирует историзм «Commonwealth», предпочитая более современную дефиницию «Republic»[2]. Лавирование между исторической британской и в большей степени континентальной европейской терминологией вынуждает участников мемориальной политики актуализировать альтернативные уровни истории Английской Республики, что воспринимается ими как, с одной стороны, восстановление политической справедливости, а, с другой, «возвращение» Англии если не в Европу, то в более широкие контексты европейской истории.

Смешение понятий «Commonwealth» и «Republic» стало следствием изменения тех смыслов, которые приписывались концептам «английскость» и «британскость». Ситуация усугублялась и тем, что категории «империя» и «нация»[3] также в значительной степени оказались связанными, но семантическая связь между ними была основана на доминировании концепта «империя», что маргинализировала ее английское наполнение. По мнению австралийского историка Б. Вэллингса, исторически «английскость воспринималась как “отсутствие”,

[1] Worden B. English Republicanism // The Cambridge History of Political Thought 1450–1700 / Eds. by M. Goldie, J. Burns. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 443-476. — https://doi.org/10.1017/CHOL9780521247160.017 (апрель, 2024).

[2] Gribben C. The End of the English Republic. The English republic was brought down by the same forces that brought it to power // History Today. 2018. Vol. 68. N. 10. — https://www.historytoday.com/history-matters/end-english-republic (апрель, 2024)

[3] Wellings B. Empire-nation: national and imperial discourses in English nationalism // Nations and Nationalism. 2002. Vol. 8. N. 1. P. 95-109.

что представляло собой неисторическое понимание английского национализма, основанное на узком понимании национализма как преимущественно сепаратистского явления. Согласно этой концепции, Англия должна была выглядеть и вести себя как Шотландия. Но исторически английский национализм никогда не был направлен на сепаратизм или даже на объединение. В годы своего становления “английские националисты” занимались легитимизацией британского суверенитета в Соединенном Королевстве и на всей территории Империи. Это способствовало размытию границ, из-за чего английскость и британскость было труднее отличить, чем другие национализмы в Великобритании и по всей Империи»[1]. В рамках такой интеллектуальной в целом и историографической динамики в частности концепты «английскости» подверглись маргинализации, став жертвами исторической амнезии, что и привело к вытеснению памяти об Англии как республике и Английской Республике как именно английском государстве на периферию исторической коллективной памяти и мемориальной культуры.

По мнению Джэреми Блэка, английский национализм «был спровоцирован и частично навязан Англии» внутренними миноритарными националистическими движениями, включая ирландский, валлийский и шотландский национализмы, которые посягали не на английскость, но «подрывали более широкую британскую идентичность»[2]. В этой ситуации несколько парадоксально выглядит то, что английские националисты в своей мемориальной политике не сделали ставку на воображение и изобретение советующего образа Английской Республики, хотя история европейских национализмов свидетельствует

[1] Wellings B. English Nationalism and Brexit // H-Nationalism. H-Net's network on nationalism across time and space. 2018. May 3. — https://networks.h-net.org/node/3911/discussions/1469347/english-nationalism-and-brexit (апрель, 2024).

[2] Cesario B. Book review: Jeremy Black. English Nationalism: A Short History. L.: Hurst Publishers, 2018. 219 p. // H-Nationalism. H-Net's network on nationalism across time and space. 2022. May 2. — https://networks.h-net.org/node/3911/reviews/10309806/cesario-black-english-nationalism-short-history (апрель, 2024).

о том, что опыт исторических государственностей может быть положен в основу изобретения эффективных политических традиций.

Такая модель мемориальной культуры позволяет проецировать на несостоявшийся проект Английской Республики те атрибуты, которые формально составляют основу европейской модели развития. В современной коллективной памяти, основанной на ревизионизме в его неакадемической форме, предлагается несколько вариантов возможного развития Англии в том случае, если бы сохранилась Республика. Одна из таких альтернативных памятей конструирует образ Английской Республики как государства близкого к современной французской модели, основанной на принципах политической нации, что предусматривает как доминирование английского гражданского национализма, так и ассимиляцию национальных периферий[1]. Подобная динамика развития памяти, основанная на пересмотре предшествующих интерпретаций, указывает на то, что «исторический ревизионизм, похоже, не ограничивается небольшими группами “отрицателей”, но занимает сильную позицию в публичных исторических дискурсах во многих странах и регионах»[2], к которым мы можем отнести и Великобританию, где объектом ревизии становится история Англия, пересматриваемая таким образом, чтобы актуализировать и визуализировать английскость, что превращает Республику в чрезвычайно привлекательный объект для манипуляций.

По мнению сербского историка В. Петровича, «в отличие от радикальных постмодернистских подходов, репрезентации прошлого имеют пределы»[3], что не вписывается в логику анг-

[1] The British Republic — what if Cromwell's Republic survived? — https://www.reddit.com/r/AlternateHistory/comments/orfpqr/the_british_republic_what_if_cromwells_republic/?rdt=54493 (апрель, 2024).

[2] Kopeček M. Preface // Past in the making. Historical revisionism in Central Europe after 1989 / Ed. by M. Kopeček. Budapest: Central European University Press, 2008. P. VII-X. — https://books.openedition.org/ceup/1581 (апрель, 2024).

[3] Petrović V. From Revisionism to “Revisionism”. Legal Limits to Historical Interpretation // Past in the making. Historical revisionism in

лийской мемориальной политики, в рамках которой прошлое оказывается интегрированным в неакадемический дискурс альтернативной истории. В рамках такой версии коллективной памяти Английская Республика ограничена историческими границами Королевства Англия. Предполагается, что такая Англия, пережив, подобно странам Европы, опыт правого авторитаризма в форме национальной версии фашизма[1], воспринималась не в британской, но в европейской системе координат как «суверенное государство в Западной Европе и страна-соосновательница Европейского Союза»[2]. Подобная альтернативная память основана на актуализации воображаемой и конструируемой английскости, которой приписываются одновременно политические, социальные и культурные функции, что фактически предусматривает деконструкцию британскости.

Все эти проявления политики памяти в отношении истории Английской Революции в целом и Республики в частности могут быть восприняты как реакция английского общества на политические трансформации государственной модели в конце XX – начале XXI века, когда Шотландия и Уэльс получили собственные парламенты, что, в сравнении с Англией, существенно повысило их статус. Англия из этого процесса, по мнению националистов, оказалась исключена. Дискурс нации в этой ситуации из сферы политики мигрирует в пространства мемориальности, стимулируя среди акторов, вовлеченных в процесс, «отбор и структурирование событий, которые требуют ощущения смысла или значимости исторического процесса… восприятие значимости событий пересматривается

Central Europe after 1989 / Ed. by M. Kopeček. Budapest: Central European University Press, 2008. P. 19-34. — https://books.openedition.org/ceup/1584 (апрель, 2024).

[1] England (Long Live The Republic). — https://althistory.fandom.com/wiki/England_(Long_Live_The_Republic) (апрель, 2024).

[2] United Republic of Britannia (Long Live The Republic). — https://althistory.fandom.com/wiki/United_Republic_of_Britannia_(Long_Live_The_Republic) (апрель, 2024).

в результате исторических изменений»[1]. Последствия такого пересмотра в современной мемориальной английской культуре в 2020-е гг. пока малозаметны, хотя не представляется возможным исключать инструментализацию прошлого и его политически мотивированное использование в последующие десятилетия.

Английская Республика, в отличие от других сюжетов истории XVII века, которые вошли в коллективную память, принадлежит к числу относительно маргинальных мест современной мемориальной традиции, которые привлекают гораздо меньше внимание со стороны профессиональных историков в сравнении с другими сюжетами английской истории, предшествующего или последующего периодов в целом. Несмотря на определенную маргинальность Республики в коллективной памяти, она важна, так как актуализирует фактические «вспоминание» общества Англии об одной из последних попыток утвердить английские политические институты, включая саму государственность и парламент.

Образы Английской Республики интегрированы в более широкие контексты функционирования мемориальной культуры, связанные с воспроизводством и изменением образов английской революции в современной коллективной исторической памяти Англии. В целом следует принимать во внимание и то, что сюжеты, связанные с Английской Республикой, в мемориальной культуре английского общества были подвергнуты ассимиляции со стороны массовой культуры, что породило значительное число попыток ревизии исторической памяти путем применения сценариев, предложенных в рамках альтернативной истории.

Поэтому мы можем наблюдать не только ситуацию подвижности исторического сознания в условиях общества постпостмодерна, но также попытки отдельных английских интеллектуалов и активистов памяти интегрировать нереализованные,

[1] Tucker A. Historiographic Revision and Revisionism. The evidential difference // Past in the making. Historical revisionism in Central Europe after 1989 / Ed. by M. Kopeček. Budapest: Central European University Press, 2008. P. 1-14. — https://books.openedition.org/ceup/1582 (апрель, 2024).

фактически альтернативные, варианты развития Английский Республики в более широкие европейские континентальные контексты. Таким образом, в современной мемориальной культуре образы Английской Республики принадлежат, хотя и к маргинальным, но показательным и значимым для выявления основных тенденций, в рамках которых развивается современная мемориальная культура Англии. Основными особенностями последней становятся постепенная виртуализация, миграция образов, связанных с исторической памятью из аналоговых пространств в виртуальной среды, что превращает историю республики в пространство политических и культурных спекуляций, в крайне эластичный материал, используемый разного рода активистами исторической политики, что указывает на важность и необходимость дальнейшего анализа образов Английской Республики и других, более широких, контекстах развития памяти.

В целом, в современной мемориальной культуре Великобритании, как английской, так и британской, Английская Республика может быть определена как одна из раннее подвергнутых забыванию и маргинализации, малоизученных изобретённых традиций английской исторической политики, что подчеркивает необходимость ее дальнейшего изучении в рамках междисциплинарных исследований коллективной памяти.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники / Sources

Commonwealth and Free-State (1649). — https://en.wikipedia.org/wiki/File:An_Act_Declaring_and_Constituting_the_People_of_England_to_be_a_Commonwealth_and_Free-State_(1649).pdf (апрель, 2024).

Commonwealth of England. — https://en.wikipedia.org/wiki/Commonwealth_of_England (апрель, 2024).

England (Long Live The Republic). — https://althistory.fandom.com/wiki/England_(Long_Live_The_Republic) (апрель, 2024).

An Act Declaring and Constituting the People of England to be a The British Republic — what if Cromwell's Republic survived? — https://www.reddit.com/r/AlternateHistory/comments/orfpqr/the_british_republic_what_if_cromwells_republic/?rdt=54493 (апрель, 2024).

Hobson T. Oliver Cromwell was a liberal pioneer ahead of his time // The Spectator. 2022. August 2. — https://www.spectator.co.uk/article/oliver-cromwell-was-a-liberal-pioneer-ahead-of-his-time/ (апрель, 2024).

Marquand D. Britain's problem is not with Europe, but with England // The Guardian. 2017. December 19. — https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/dec/19/britain-problem-not-europe-england-brexit-englishness (апрель, 2024).

Oliver Cromwell statue moving // News of the World. 2004. May 16. P. 29.

United Republic of Britannia (Long Live The Republic). — https://althistory.fandom.com/wiki/United_Republic_of_Britannia_(Long_Live_The_Republic) (апрель, 2024).

Vallely P. The Big Question: Was Cromwell a revolutionary hero or a genocidal war criminal? // Independent. 2008. September 4. — https://www.independent.co.uk/news/uk/this-britain/the-big-question-was-cromwell-a-revolutionary-hero-or-a-genocidal-war-criminal-917996.html (апрель, 2024).

Исследования / Scientific research

Banner J.M. Jr. All History Is Revisionist History: Ever since Thucydides dismissed Herodotus, historians have differed about the past // Humanities. Magazine of the National Endowment for the Humanities. 2022. Summer. — https://www.neh.gov/article/all-history-revisionist-history (апрель, 2024).

Barnard T. English Republic 1649–1660. L., NY.: Taylor & Francis Ltd., 1997. 120 p.

Cesario B. Book review: Jeremy Black. English Nationalism: A Short History. L.: Hurst Publishers, 2018. 219 p. // H-Nationalism. H-Net's network on nationalism across time and space. 2022. May 2. — https://networks.h-net.org/node/3911/reviews/10309806/cesario-black-english-nationalism-short-history (апрель, 2024).

Commonwealth: the social, cultural, and conceptual contexts of an early modern keyword // The Historical Journal. 2011. Vol. 54. N. 3. P. 659-687.

Edgerton D. The Nationalisation of British History: Historians, Nationalism and the Myths of 1940 // The English Historical Review. 2021. Vol. 136. N. 581. P. 950-985. — https://doi.org/10.1093/ehr/ceab166 (апрель, 2024).

Edwards P. The English Republic // The Making of the Modern English State, 1460 — 1660. L.: Palgrave, 2001. P. 372-392. — https://doi.org/10.1007/978-0-333-99383-5_12 (апрель, 2024).

Gribben C. The End of the English Republic. The English republic was brought down by the same forces that brought it to power // History Today. 2018. Vol. 68. N. 10. — https://www.historytoday.com/history-matters/end-english-republic (апрель, 2024).

Hirst D. The English Republic and the Meaning of Britain // The Journal of Modern History. 1994. Vol. 66. N. 3. P. 451-486. — https://doi.org/10.1086/244882 (апрель, 2024).

Hughes A. 'The Accounts of the Kingdom': Memory, Community and the English Civil War // Past and Present. 2016. Vol. 230. N. 11. P. 311-329. — https://academic.oup.com/past/article/230/suppl_11/311/2884260 ; https://doi.org/10.1093/pastj/gtw025 (апрель, 2024).

Kenny M. English Nationalism in Historical Perspective // Governing England: English Identity and Institutions in a Changing United Kingdom / Eds. by M. Kenny, I. McLean, A. Paun. L.: British Academy, 2018. P. 271-288. — https://doi.org/10.5871/bacad/9780197266465.003.0013 (апрель, 2024).

Kopeček M. In Search of "National Memory". The Politics of History, Nostalgia and the Historiography of Communism in the Czech Republic and East Central Europe // Past in the making. Historical revisionism in Central Europe after 1989 / Ed. by M. Kopeček. Budapest: Central European University Press, 2008. P. 75-92. — https://books.openedition.org/ceup/1591 (апрель, 2024).

Kopeček M. Preface // Past in the making. Historical revisionism in Central Europe after 1989 / Ed. by M. Kopeček. Budapest: Central European University Press, 2008. P. VII-X. — https://books.openedition.org/ceup/1581 (апрель, 2024).

Kumar K. English or British? National Identity in Early Modern Britain. Kumar on Schwyzer, 'Literature, Nationalism and Memory in Early Modern England and Wales' // H-Albion. 2005. November. — https://networks.h-net.org/node/16749/reviews/17930/kumar-schwyzer-literature-nationalism-and-memory-early-modern-england (апрель, 2024).

McPherson J. Revisionist Historians // Perspectives on History. The newsmagazine of the American Historical Association. 2003. Vol. 41. N. 6. P. 1.

Petrović V. From Revisionism to “Revisionism”. Legal Limits to Historical Interpretation // Past in the making. Historical revisionism in Central Europe after 1989 / Ed. by M. Kopeček. Budapest: Central European University Press, 2008. P. 19-34. — https://books.openedition.org/ceup/1584 (апрель, 2024).

Schwyzer P. Spenser's spark: British blood and British nationalism in the Tudor era // Literature, Nationalism, and Memory in Early Modern England and Wales / Ed. by P. Schwyzer. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 13-48. — https://doi.org/10.1017/CBO9780511483950.003 (апрель, 2024).

Scott J. Commonwealth Principles. Republican Writing of the English Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 402 p. — https://doi.org/10.1017/CBO9780511490736 (апрель, 2024).

Tucker A. Historiographic Revision and Revisionism. The evidential difference // Past in the making. Historical revisionism in Central Europe after 1989 / Ed. by M. Kopeček. Budapest: Central European University Press, 2008. P. 1-14. — https://books.openedition.org/ceup/1582 (апрель, 2024).

Wellings B. Empire-nation: national and imperial discourses in English nationalism // Nations and Nationalism. 2002. Vol. 8. N. 1. P. 95-109.

Wellings B. English Nationalism and Brexit // H-Nationalism. H-Net's network on nationalism across time and space. 2018. May 3. — https://networks.h-net.org/node/3911/discussions/1469347/english-nationalism-and-brexit (апрель, 2024).

Worden B. English Republicanism // The Cambridge History of Political Thought 1450–1700 / Eds. by M. Goldie, J. Burns. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 443-476. — https://doi.org/10.1017/CHOL9780521247160.017 (апрель, 2024).

Worden B. Oliver Cromwell and Parliament. The Cromwell Collection Lecture, November 2013. — https://www.olivercromwell.org/wordpress/articles/oliver-cromwell-and-parliament/ (апрель, 2024).

АННОТАЦИИ / SUMMARY

Атапин Евгений Александрович

ДЭВИД КЭМЕРОН

ЗАЛОЖНИК СОБСТВЕННЫХ ОБЕЩАНИЙ ИЛИ ЖЕРТВА «ЕВРОПЕЙСКОГО ВОПРОСА»?

Дэвид Кэмерон стал для Британии премьер-министром, приведшим ее к референдуму по вопросу членства в Европейском союзе, на котором с небольшим перевесом было принято решение о выходе государства из интеграционного объединения. В статье рассматривается отношение Д. Кэмерона к «европейскому вопросу» в период его пребывания на Даунинг-стрит с 2010 по 2016 гг. Анализируется влияние евроскептического крыла Консервативной партии на подход Д. Кэмерона к проблемам взаимоотношений Великобритании и Евросоюза. Делается попытка установить причины его многочисленных обещаний относительно проведения всенародного голосования по вопросу членства Соединенного Королевства в ЕС. Особое внимание уделяется Блумбергской речи Д. Кэмерона, в которой он дал официальное обещание провести плебисцит. Кроме того, затрагиваются особенности кампании британского референдума 2016 г. и объясняется влияние его итогов на отставку Д. Кэмерона с поста премьер-министра.

Ключевые слова: референдум о членстве в ЕС, евроскептики, Дэвид Кэмерон, Консервативная партия, Блумбергская речь, обещания.

Evgenii A. Atapin

DAVID CAMERON

A HOSTAGE TO HIS OWN PROMISES OR A VICTIM OF THE “EUROPEAN QUESTION”?

David Cameron’s premiership was marked by a referendum on Britain’s membership in the European Union. During this popular vote the decision was made by a small margin to withdraw the UK from the European integration association. The article examines D. Cameron’s attitude to the “European question” during his tenure as Prime Minister from 2010 to 2016. The influence of the eurosceptic wing of the Conservative Party on D. Cameron’s approach to the problems of relations between Great Britain and the European Union is analyzed. The author attempts to find out the reasons for his numerous promises to hold a referendum on the issue of the United Kingdom’s membership in the EU. Particular attention is paid to

D. Cameron's Bloomberg speech in which he made an official promise to hold a plebiscite. In addition, the features of the 2016 British referendum campaign are characterized and the influence of its results on the resignation of D. Cameron is explained.

Keywords: EU referendum, eurosceptics, David Cameron, Conservative Party, Bloomberg speech, promises.

Гаврилов Сергей Николаевич

КОРОЛЕВСКИЙ ФЛОТ ЭПОХИ ТЮДОРОВ

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ

Военно-морской флот тюдоровского периода традиционно приковывал к себе внимание историков. С момента зарождения исторической науки сменилось несколько научных подходов в исследовании этого предмета: от «героического» до «институционального». Казалось бы, тюдоровский флот — одна из самых исследованных тем, поэтому профессиональным историкам на современном этапе трудно внести в нее что-то новое. Однако, это не так. Сегодня мы становимся очевидцами зарождения новых научных подходов, дающих возможность посмотреть на знакомый предмет исследования с иных сторон. В данной статье рассматривается как смена научных подходов в истории изучения королевского флота династии Тюдоров, так и уделяется внимание зарождающимся новым, имеющим большие перспективы в научных исследованиях.

Ключевые слова: Флот Тюдоров, научные подходы, «героический», «административный», «институциональный», «клиентско-патронажный», «история снизу», «культурный феномен эпохи».

Sergey N. Gavrilov

THE TUDOR NAVY

SCIENTIFIC APPROACHES TO THE STUDY

The Tudor navy has traditionally attracted the attention of historians. Since the birth of historical science, several scientific approaches have changed in the study of this subject: from the "heroic" to the "institutional". It would seem that the Tudor navy is one of the most researched topics, so it is difficult for professional historians at the present stage to introduce something new into it. However, it is not so. Today we are witnessing the

emergence of new scientific approaches that make it possible to look at a familiar subject of research from other angles. This issues examines both the change of scientific approaches in the history of the study of the Royal Navy of the Tudor dynasty, and pays attention to emerging new ones that have great prospects in scientific research.

Keywords: The Tudor Fleet, scientific approaches, «heroic», «administrative», «institutional», «client-patronage», «history from below», «cultural phenomenon of the epoch».

Кирчанов Максим Валерьевич

ОБРАЗЫ АНГЛИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОГО БРИТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Автор в представленной статье анализирует особенности восприятия и развития образов Английской Республики в мемориальной британской культуре. Проблемы роли и места Республики в мемориальной культуре современного британского общества анализируются в контекстах тех методологических подходов, которые сформировались в современной междисциплинарной историографии памяти и исторической политики в рамках инвенционистского и имагинативного поворотов. Автор полагает, что, во-первых, республиканские образы маргинальны в контекстах большей значимости, которая предписывалась другим событиям истории английскими политиками и интеллектуалами; во-вторых, республиканские образы не имеют самостоятельного значения в контекстах коллективной памяти об Английской революции в целом; в-третьих, игнорирование академическими интеллектуалами потенциала исторического воображения в контекстах Республики привело к ассимиляции ее образов массовой культурой; в-четвертых, история Республики стала стимулом для развития исторического воображения и коллективной памяти общества потребления, стимулируя неакадемические интерпретации в контекстах «альтернативной истории». Показано, что образы Республики в современном историческом воображении и мемориальной культуре британского общества могут быть проанализированы как коллективное место памяти и изобретенная традиция. В целом, предполагается, что образы Республики в исторической памяти маргинальны в сравнении с другими сюжетами предшествующей или последующей политической истории Англии, которая была ассимилирована общест-

вом потребления и интегрированы им в своих тактики и стратегии исторического воображения.

Ключевые слова: Англия, революция, историческая память, Английская Республика, массовая культура, ассимиляция памяти, виртуализация памяти.

Maksym W. Kyrchanoff

IMAGES OF THE ENGLISH COMMONWEALTH IN HISTORICAL MEMORY OF MODERN BRITISH SOCIETY

The author in this article analyzes the peculiarities of the perception and development of images of the English Republic in memorial British culture. The problems of the role and place of the Republic (Commonwealth) in the memorial culture of modern British society are analyzed in contexts of methodological approaches proposed in the modern interdisciplinary historiography of memory and historical policy within the framework of interventionist and imaginative turns. The author believes that republican images are marginal in contexts of greater significance, which was prescribed to other historical events by English politicians and intellectuals; republican images do not have independent significance in the contexts of collective memory of the English Revolution in general; academic intellectuals ignore the potential of historical imagination in the contexts of the Republic led to the assimilation of its images by popular culture; the history of the Republic became a stimulus for the development of historical imagination and collective memory of the consumer society, stimulating non-academic interpretations in the contexts of “alternative history”. It is shown that images of the Republic in the modern historical imagination and memorial culture of British society can be analyzed as collective lieu *de mémoire* and an invented tradition. In general, it is assumed that the images of the Republic in historical memory are marginal in comparison with other subjects of the previous or subsequent political history of England, which was assimilated by consumer society and integrated into its tactics and strategies of historical imagination.

Keywords: England, revolution, historical memory, English Commonwealth, mass culture, assimilation of memory, virtualization of memory.

КИСЕЛЕВ Александр Александрович

МАРТИН ФРОБИШЕР И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНГЛИЙСКОЙ КАТАЙСКОЙ КОМПАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1570-Х ГОДОВ

Статья посвящена судьбе Катайской компании — акционерного предприятия, созданного в Англии во второй половине 1570-х гг. с целью поисков морского Северо-Западного прохода в Китай (англичане называли эту страну «Катаем») и колонизации Баффиновой Земли в Северной Америке. Во главе компании стояли мореплаватель Мартин Фробишер и купец Майкл Лок, бросившие вызов Московской торговой компании в борьбе за монополию на исследование арктических морей. Основной источниковой базой для исследования послужили документы (хартии, отчеты, письма, петиции, трактаты), имеющие непосредственное отношение к Катайской компании и её создателям. Хотя компания была образована как исследовательский проект для поисков значимого северного морского пути в азиатские страны, географические открытия, сделанные М. Фробишером в полярных водах Америки в ходе трех экспедиций 1576–1578 гг., побудили акционеров решиться на колонизацию найденных северных земель. Главной причиной основания колонии «Мета Инкогнита» — первой английской колонии в Северной Америке - стала перспектива обнаружения золота на острове Баффинова Земля. Опираясь на материалы британского Национального архива, Британской библиотеки и опубликованные источники, автор анализирует причины неудач компании, в том числе провала создания колонии «Мета Инкогнита». Комплексный анализ архивных и опубликованных материалов дает возможность выявить роль английской Катайской компании в изучении и формировании географических знаний о Северной Америке в последней четверти XVI в.

Ключевые слова: Англия, Тюдоры, Катайская компания, Московская компания, Северо-Западный проход, Баффинова Земля, Фробишер, Лок, колонизация.

Aleksandr A. KISELEV

MARTIN FROBISHER AND THE ACTIVITIES OF THE ENGLISH COMPANY OF CATHAY IN THE SECOND HALF OF THE 1570 S.

The article is devoted to the fate of the Company of Cathay, a joint-stock company established in England in the second half of the 1570s to

search for the Northwest Passage to China (the English called this country "Cathay") and to colonise Baffin Land in North America. The company was headed by the navigator Martin Frobisher and merchant Michael Lock, who challenged the Muscovy Company for a monopoly on the exploration of the Arctic seas. The documents (charters, reports, letters, petitions, treatises) directly related to the Company of Cathay and its founders served as the main source base for the study. Although the company was formed as a research project to find a significant northern sea route to Asian countries, the geographical discoveries made by Martin Frobisher in the polar waters of the Americas during three expeditions between 1576 and 1578 led shareholders to decide to colonise the northern lands found. The main reason for founding the colony of Meta Incognita, the first English colony in North America, was the prospect of discovering gold on Baffin Land. Based on materials from the National Archives at Kew, the British Library and published sources, the author analyses the reasons for the company's failures, including the failure to establish the colony of Meta Incognita. A comprehensive analysis of archival and published materials makes it possible to identify the role of the Company of Cathay in the study and formation of geographical knowledge about North America in the last quarter of the 16th century.

Keywords: England, Tudors, Company of Cathay, Muscovy Company, Northwest Passage, Baffin Land, Frobisher, Lok, colonization.

Ковалёв Максим Александрович

УИЛЬЯМ УИНДХЭМ И ПОЛЕМИКА В ПАРТИИ ВИГОВ ВОКРУГ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(1792–1793 ГОДЫ)

В ходе партийной полемики вокруг Французской революции к 1793 г. в Англии сформировалась «третья партия» между оппозиционными вигами и возглавлявшими правительство тори. «Третья партия» представлена вигами, сторонниками Э. Бёрка (Уильям Уиндхэм, Уильям Эллиот, Филип Лоуренс, герцог Портленд и другие), и занимала воинствующие позиции по отношению к Франции. Мы рассмотрели взгляды лидера данной фракции — У. Уиндхэма и пришли к выводу, что он лишь избирательно использовал идеи своего учителя Э. Бёрка. Уиндхэм не стремился обратиться к политэкономическим рассуждениям мыслителя, к его юридической аргументации и тонко-

му анализу политической ситуации. Напротив, политик сделал ставку на привлечение популярных идей о международном якобинском заговоре против христианства, обратился к образам врага и призвал консолидировать силы вокруг правительства. Тем самым, основоположник идеологии консерватизма оказывался в политическом одиночестве, тогда как британская политика в отношении Франции в тот период двигалась совершенно иными мотивами. Нами также была проанализирована эволюция взглядов Уиндхэма, его сближение с Бёрком, а затем и расхождение с ним.

Ключевые слова: Тори, виги, консерватизм, Французская революция, Войны с революционной Францией, «третья партия», У. Уиндхэм, Э. Бёрк, теория заговора.

Maxim A. KOVALEV

WILLIAM WINDHAM AND THE CONTROVERSY IN THE WHIG PARTY AROUND THE FRENCH REVOLUTION

(1792–1793 YEARS)

During the party controversy around the French Revolution, by 1793 year, a “third party” had formed in England between the opposition Whigs and the Tories leading the government. The “third party” is represented by Whigs, supporters of E. Burke (William Wyndham, William Elliot, Philip Lawrence, Duke of Portland and others), and took militant positions towards France. We examined the views of the leader of this faction, W. Windham, and came to the conclusion that he selectively used the ideas of his mentor E. Burke. Windham did not seek to address the thinker's political economic reasoning, his legal argumentation and subtle analysis of the political situation. On the contrary, the politician relied on attracting popular ideas about an international Jacobin conspiracy against Christianity, turned to images of the enemy and called for consolidating forces around the government. Thus, the founder of the ideology of conservatism found himself in political loneliness, while British policy towards France at that time was driven by completely different motives. We also analyzed the evolution of Windham's views, his rapprochement with Burke, and then divergence from him.

Keywords: Tories, Whigs, conservatism, French Revolution, Wars with revolutionary France, “third party”, W. Wyndham, E. Burke, conspiracy theory.

ЛАБУТИНА Татьяна Леонидовна

АНГЛИЙСКИЙ ПОСОЛ ЭД. ФИНЧ О СВЕРЖЕНИИ Э.И. БИРОНА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ)

В статье в рамках известного направления в современной исторической науке — имагологии освещаются события, связанные с арестом фаворита российской императрицы Анны Иоанновны — Э.И. Бирона, ставшие известными английскому послу Эд. Финчу. Чрезвычайный посол Великобритании прибыл ко двору российской императрицы в мае 1740 г. с поручением заключить оборонительный договор с Россией. Свою миссию дипломат выполнил успешно: российско-британский союзный договор был подписан в 1741 г., однако его реализация замедлилась из-за дворцового переворота, в результате которого к власти пришла дочь Петра I — Елизавета Петровна. Так волей случая Финч оказался свидетелем этого события, а также предшествующего ему свержения бывшего фаворита Анны Иоанновны. О случившемся посол подробно информировал в своих депешах госсекретаря Великобритании лорда Гаррингтона. Хотя биография и деятельность Бирона основательно изучены отечественными историками, дипломатическая переписка Финча, в котором описывались указанные события, привлекалась учеными лишь фрагментарно. Автор предпринял попытку восполнить существующую лакуну, обращаясь к анализу свидетельств дипломата. Учитывая, что секретная информация собиралась и передавалась послом в Лондон по заданию короля Великобритании, можно предположить, что она носила по большей степени объективный характер и отличалась достоверностью. По сути дела, сведения Финча сделались одними из первых достоверных источников о свержении Бирона, и в этом их безусловная историческая ценность.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, 1740–1741 гг., российско-британские отношения, история дипломатии, императрица Анна Иоанновна, фаворит Э.И. Бирон, чрезвычайный посол Эд. Финч, имагология.

Tatiana L. LABUTINA

ENGLISH AMBASSADOR ED. FINCH ON THE OVERTHROW OF E.I. BIRON

(BASED ON DIPLOMATIC CORRESPONDENCE)

The article, within the framework of a widespread trend in modern historical science — imagology, highlights the events associated with the arrest of the favorite of the Russian Empress Anna Ioannovna — E.I. Biron, who became known to the English ambassador Ed. Finch. The British Ambassador Extraordinary arrived at the court of the Russian Empress in May 1740 with instructions to conclude a defensive treaty with Russia. The diplomat completed his mission successfully: the Russian-British alliance treaty was signed in 1741, but its implementation was slowed down due to a palace coup, as a result of which the daughter of Peter I, Elizaveta Petrovna, came to power. So, by chance, Finch turned out to be a witness to this event, as well as the previous overthrow of the former favorite Anna Ioannovna. The ambassador informed the British Secretary of State Lord Harrington in detail about what had happened in his dispatches. Although Biron's biography and activities have been thoroughly studied by Russian historians, Finch's diplomatic correspondence, which described these events, was attracted by scientists only fragmentarily. In his article, the author attempted to fill the existing gap by turning to the analysis of the diplomat's evidence. Considering that secret information was collected and transmitted by the ambassador to London on the instructions of the King of Great Britain, it can be assumed that it was largely objective and reliable. In fact, Finch's information became one of the first reliable sources about the overthrow of Biron, and this is their unconditional historical value.

Keywords: Russia, Great Britain, 1740–1741 years, Russian-British relations, history of diplomacy, Empress Anna Ioannovna, favorite E.I. Biron, Ambassador Extraordinary Ed. Finch, imagology.

ЛАГОШИНА Наталия Анатольевна

«БОГАТСТВО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕЧНЫМ СПУТНИКОМ БЛАГОРОДСТВА»

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ИРЛАНДСКИХ ДЖЕНТРИ В XVIII ВЕКЕ

В статье анализируется статус католических джентри в Ирландии XVIII века, выявляется их роль в обществе и способы адаптации к но-

вым политическим реалиям. Несмотря на то, что потомки гэльской аристократии были низведены до положения посредников и крупных фермеров, они имели большой авторитет в сфере политической и народной культуры в западных графствах. Католические джентри сформировали новую систему аренды, позволяющую контролировать поместья, утраченные в результате введения Карательных законов и конфискации Кромвеля. Выступая в качестве посредников между английскими лендлордами и крестьянскими арендаторами, они обеспечивали эффективное управление землями в Ирландии. Автор выделяет основные черты мировоззрения ирландских джентри, среди которых — неустанное следование традициям, вовлеченность в народную культуру, память о благородном происхождении, пронизывающая все общество, и покровительство. В заключении утверждается, что в начале XIX в. ирландские джентри-посредники, являющиеся носителями элитарной и народной культуры, сформировали слой крупных католических фермеров, более консервативное дворянство, которое процветало и пользовалось прочным положением в обществе.

Ключевые слова: статус ирландских джентри, гэльская аристократия, патронажные связи, идентичность, земельный вопрос в Ирландии, коллективная память.

Natalia L. LAGOSHINA

"WEALTH IS NO LASTING COMPANION TO NOBILITY"

ON THE ISSUE OF THE STATUS OF THE IRISH GENTRY IN THE 18TH CENTURY

The article analyzes the status of the Catholic gentry in Ireland in the 18th century, identifying their role in society and ways of adapting to new political realities. Although the descendants of the Gaelic aristocracy were relegated to the position of middlemen and large farmers, they played an important role as leaders of political and popular culture in the western counties. The Catholic gentry formed a new tenancy system to control the estates lost to Cromwell's Punitive Laws and confiscations. Acting as intermediaries between English landlords and peasant tenants, they ensured the efficient administration of land in Ireland. The author highlights the main features of the worldview of the Irish gentry, among which are the tireless adherence to traditions, involvement in folk culture, the memory of noble origins that permeate the entire society, and patronage. In conclusion, it is stated that at the beginning of the 19th century. Irish gentry mid-

dlemen, carriers of elite and popular culture, formed a layer of large Catholic farmers, a more conservative nobility that prospered and enjoyed a strong position in society.

Keywords: status of the Irish gentry, Gaelic aristocracy, patron-client relationship, identity, the Irish Land Question, collective memory.

ЛАСКОВА Наталья Васильевна

ШОТЛАНДСКИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ ДАТСКО-РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВЕКОВ

На фоне развития датско-русских дипломатических контактов конца XV – первой четверти XVI вв. анализируется участие в переговорах на высшем уровне датского посла Дэвида Кокрана. Поскольку в документальных источниках и исторических исследованиях его посольства в Россию представлены, как правило, в свете развития русско-датских отношений, акцентируется внимание на биографии «герлада Давида» и факте признания его шотландского происхождения. На основе русского, датского и шотландского документального материала сделан вывод о том, что в 90-е годы XV века и в первой четверти XVI столетия послом «о любви и дружбе» от датских монархов Иоганна и Кристиана II в Московии являлся шотландец по происхождению, называемый в русских летописях Давыд или Давид. Датский герольд-шотландец имел непосредственное отношение к процессу развития внешнеполитических связей Дании и России в конце XV– нач. XVI вв., являясь связующим звеном между Копенгагеном и Москвой. С одной стороны, данное обстоятельство позволило дополнить сведения о британцах, посещавших Московию до официального установления англо-русских дипломатических контактов в XVI в., с другой — проследить основания, способствовавшие факту признания в историографии данного лица в качестве первого шотландца, побывавшего в России.

Ключевые слова: посол, шотландец Дэвид Кокран, Россия, Шотландия, Дания, Иоганн, Кристиан II, Иван III, датско-русские посольства, шотландцы в России.

Natalia L. Laskova

THE SCOTTISH TRACE IN THE HISTORY OF DANISH-RUSSIAN DIPLOMACY OF THE END OF THE XV – FIRST QUARTER OF THE XVI CENTURIES

Against the background of the development of Danish-Russian diplomatic contacts at the end of the XV – first quarter of the XVI centuries, the participation of Danish Ambassador David Cochran in high-level negotiations is analyzed. Since documentary sources and historical studies of his embassies to Russia are presented, as a rule, in the light of the development of Russian-Danish relations, attention is focused on the biography of "Gerlad David" and the fact of recognition of his Scottish origin. Russian, Danish and Scottish documentary material led to the conclusion that in the 90s of the XV Century and in the first quarter of the XVI Century, the ambassador of "love and friendship" from the Danish monarchs Johann and Christian II in Muscovy was a Scot by origin, called David in Russian chronicles. The Danish herald-Scotsman was directly involved in the development of foreign policy relations between Denmark and Russia at the end of the XV – beginning XVI century, being a link between Copenhagen and Moscow. On the one hand, this circumstance allowed us to supplement information about the British who visited Muscovy before the official establishment of Anglo-Russian diplomatic contacts in the XVI century, on the other hand, to trace the grounds that contributed to the fact of recognition in historiography of this person as the first Scot to visit Russia.

Keywords: ambassador, Scotsman David Cochran, Russia, Scotland, Denmark, Johann, Christian II, Ivan III, Danish-Russian embassies, Scots in Russia.

Мирошников Александр Викторович

ПАЛИТРА ИРЛАНДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА КОНЦА XVIII ВЕКА

В статье анализируются причины зарождения ирландского национализма в конце XVIII века. Выявлены факторы проявления национального самосознания среди протестантского населения Ольстера. Исследованы истоки индифферентного отношения католиков Ирландии к вопросам государственного самоуправления. Показаны важность и ограниченность «Конституционной революции» 1782 года.

Особое внимание в статье уделено проблемам мировоззренческой модернизации политической элиты Ирландии, вызванной усилением внутри неё идей Просвещения, адаптацией примеров и опыта Американской и Французской революций XVIII столетия. Анализируется комплекс причин, вызвавших переход части представителей радикального протестантского национализма от реформаторского движения к революционному. В центре внимания автора находится идеология и практика общества «Объединённых ирландцев» и концептуальные установки его руководителя У. Тоуна. Восстание «Объединённых ирландцев» 1798 года впервые установило в ирландском национализме принцип «физической силы» и идеи республиканизма, стремясь достичь таким образом полной независимости страны. Лидеры восстания также впервые обратились за поддержкой к иностранным государствам, к республиканской Франции, пытаясь использовать в своих интересах противоречия между Англией и Францией. Поражение восстания, с одной стороны, прервало линию революционного направления в Ирландии, с другой, заставило Британию приступить к реализации Унии между Соединённым Королевством и Ирландией, завершив, таким образом, существование автономного ирландского парламента, Дойла, рождённого «Конституционной революцией».

Ключевые слова: Ирландия, национализм, Ольстер, «Конституционная революция», Просвещение, Франция, У. Тоун, «Объединённые ирландцы», восстание 1798 года, «физическая сила», республиканизм.

Alexander V. MIROSHNIKOV

THE PALETTE OF LATE 18TH CENTURY IRISH NATIONALISM

The article analyzes the reasons for the emergence of Irish Nationalism at the end of the 18th century. Factors in the manifestation of national identity among the Protestant population of Ulster have been identified. The origins of the indifferent attitude of Catholics in Ireland to issues of state self-government are explored. The importance and limitations of the «Constitutional Revolution» of 1782 are shown. Particular attention is paid in the article to the problems of ideological modernization of the political elite of Ireland, caused by the strengthening of the ideas of the Enlightenment within it, the adaptation of examples and experience of the American and French revolutions of the 18th century. The complex of reasons that caused the transition of some representatives of radical Protestant Nationalism from the reform movement to the revolutionary is analyzed. The au-

thor focuses on the ideology and practice of the United Irishmen society and the conceptual guidelines of its leader Th. W. Tone. The United Irishmen's Rebellion of 1798 established for the first time the principle of «physical force» and the idea of republicanism in Irish Nationalism, thus seeking to achieve complete Independence for the country. The leaders of the Rebellion also for the first time turned to foreign countries for support, to Republican France, trying to take advantage of the contradictions between England and France. The defeat of the Rebellion, on the one hand, interrupted the line of revolutionary direction in Ireland, on the other, forced Britain to begin implementing the Union between the United Kingdom and Ireland, thus ending the existence of the autonomous Irish parliament, Dóyle, born of the «Constitutional Revolution».

Keywords: Ireland, Nationalism, Ulster, «Constitutional Revolution», Enlightenment, France, Th. W. Tone, «United Irishmen», Uprising of 1798, «Physical force», Republicanism.

Мухин Максим Андреевич

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТИ В ПРАВЛЕНИЕ ГЕНРИХА VII

В статье рассматривается система управления Англией, функционирующая в правление Генриха VII. Утверждается, что личное участие Генриха VII в управлении Англией, не свойственное абсолютному большинству монархов, создало иллюзию того, что он — «архитектор» бюрократической системы управления. Отмечается, что сложившейся властный механизм был основан на личном управлении монархом неинституционализированной системы личных взаимодействий. Выявляется, что Генрих VII не стремился ликвидировать власть аристократии, и при управлении Англией во многом опирался на нее как и его предшественники. При этом к концу правления короля большинство знати было должно ему большие денежные суммы. Нет свидетельств, что, используя парламент или другие институты, Генрих VII стремился существенно трансформировать систему управления. Делается вывод, что, хотя первый монарх из династии Тюдоров добился усиления центральной власти, а также её политического и финансового превосходства над аристократами, Генрих VII был средневековым монархом, и структурная трансформация власти в правление короля осуществлена не была.

Ключевые слова: Генрих VII, Тюдоры, 1485–1509 гг., система управления Англией, английский парламент, Совет сведущий в вопросах права, английская аристократия.

Maxim A. MUKHIN

ON THE TRANSFORMATION OF THE POWER STRUCTURE DURING THE REIGN OF HENRY VII

The article examines the system used to rule England during the reign of Henry VII. It is argued that Henry VII's uncharacteristic involvement in ruling the country created an illusion that he was the "architect" of the bureaucratic government system. It is noted that the established power mechanism had been based on the monarch's personal management of a non-institutionalised system of person-to-person relations. It is pointed out that Henry VII did not seek to eliminate the power of the aristocracy, and in ruling England relied on it to a large extent, as had done his predecessors. At the same time, by the end of his reign, most of the nobility owed him large sums of money. There is no evidence that Henry VII utilised parliament or other institutions to significantly transform the government system. It is concluded that although the first Tudor monarch strengthened the central power and reinforced its political and financial superiority over the aristocrats, Henry VII was still a medieval monarch, and the power structure did not undergo any significant transformation during his reign.

Keywords: Henry VII, the Tudors, 1485–1509, English government system, Parliament of England, Council Learned in the Law, English aristocracy.

РУДАЯ Ольга Ивановна

БРИТАНСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ КУЛЬТУРЫ И МИРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГОДОВ

В статье рассматривается участие британских интеллектуалов в организации и деятельности международного движения в защиту культуры и цивилизации от фашизма. Особое внимание автор уделяет характеристике международных конгрессов и конференций, проходивших в Европе во второй половине 1930-х годов, а также роли гражданской войны в Испании в политизации интеллигенции Велико-

британии. Показан вклад ее представителей в защиту культуры и мира от фашистской идеологии и агрессии.

Ключевые слова: Великобритания, Испания, Международный конгресс писателей в защиту культуры, Пен-клуб, фашизм, война, Э. Дж. Стрэчи, Г. Уэллс, Э. М. Форстер, Дж. Леман.

Olga I. Rudaya

BRITISH INTELLECTUALS AND THE INTERNATIONAL MOVEMENT FOR CULTURE AND PEACE IN THE SECOND HALF OF THE 1930 S

The article examines the participation of British intellectuals in the organization and activities of the international movement for the protection of culture and civilization from fascism. The author pays special attention to the characteristics of international congresses and conferences held in Europe in the second half of the 1930s, as well as the role of the Spanish Civil War in the politicization of the British intelligentsia. The contribution of its representatives to the protection of culture and peace from fascist ideology and aggression is shown.

Keywords: Great Britain, Spain, International Congress of Writers in Defense of Culture, Pen Club, fascism, war, E. J. Meetings, G. Wells, E.M. Forster, J. Lehman.

Склярова Елена Константиновна

ГРАФ АЛБЕМАРЛ — ИНИЦИАТОР САНКЦИЙ ПРОТИВ РОССИИ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются особенности жизни и деятельности графа Албемарла — инициатора введения санкций против России в период Крымской войны. Актуальность исследования его деятельности обусловлена необходимостью её изучения в контексте деятельности британского парламента, эволюции санкций, Крымской войны и внешней политики Великобритании. Различные аспекты международных отношений и Крымской войны являются объектом исследований в университетах России и Британии. Однако в российской историографии нет комплексных исследований, посвящённых

деятельности этого влиятельного политика, а также проблеме санкций. Делается вывод, что, будучи прагматиком, граф поддержал мнение Торгового совета Великобритании, что морская блокада портов России и Чёрного моря была неэффективна в годы Крымской войны. Учитывая совершенствование транспортной системы, хранения и транспортировки продуктов питания, он считал фарсом невыгодную для предпринимателей Великобритании морскую блокаду, которая провоцировала Пруссию на вступление в Крымскую войну. Для Великобритании было бессмыслицей терять свои доходы и торговлю, а Россия могла бы обойтись без экспорта Англии. Граф считал, что трудности с поставками русского сала, конопли или льна, которые стали объектом санкций, не могли конкурировать с кровью его соотечественников, пролитой в период Крымской войны.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, Пруссия, санкции, парламент, Крымская война.

Elena K. SKLYAROVA

COUNT ALBEMARLE — INITIATOR OF SANCTIONS AGAINST RUSSIA DURING THE CRIMEAN WAR

The article examines the features of the life and work of Count Albemarle, the initiator of the imposition of sanctions against Russia during the Crimean War. The relevance of the study of his activities is due to the need to study it in the context of the activities of the British Parliament, the evolution of sanctions, the Crimean War and British foreign policy. Various aspects of international relations and the Crimean War are the subject of research at universities in Russia and Britain. However, there are no comprehensive studies in Russian historiography devoted to the activities of this influential politician, as well as the problem of sanctions. It is concluded that, being a pragmatist, the count supported the opinion of the British Trade Council that the naval blockade of the ports of Russia and the Black Sea was ineffective during the Crimean War. Given the improvement of the transport system, storage and transportation of food, he considered the naval blockade, unprofitable for British entrepreneurs, to be a farce, which provoked Prussia to join the Crimean War. It was nonsense for Great Britain to lose its income and trade, and Russia could have done without England's exports. The count believed that the difficulties with the supply of Russian lard, hemp or flax, which became the object of sanctions, could not compete with the blood of his compatriots shed during the Crimean War.

Keywords: Great Britain, Russia, Prussia, sanctions, Parliament, Crimean War.

Чернова Лариса Николаевна

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ЛОНДОНЕ XIV–XVI ВЕКОВ И ГОРОДСКИЕ ОФИЦИАЛЫ

В статье выявляется роль должностных лиц Лондона в развитии образования в городе в XIV–XVI вв. Показано, что в рассматриваемый период английская столица в силу сложившихся здесь условий все больше наполнялась широким спектром школ, которые могли удовлетворить разные по содержанию и уровню запросы горожан. Значимую роль в расширении сети школ играли олдермены, мэры, шерифы, принадлежавшие к купеческой элите. Чаще всего они открывали «свободные грамматические школы», в которых обучали не только латыни и латинской грамматике, но также дисциплинам тривиума и квадривиума, а подчас богословию, праву, метафизике и английскому языку. Однако, как правило, это была частная инициатива того или иного официала, а не целенаправленная политика городской власти.

Ключевые слова: Лондон, XIV–XVI вв., школьное образование, официальные школы, нелицензированные школы, «корпоративные» школы, купечество, церковь, олдермены, мэры, шерифы.

Larisa N. Chernova

THE EXPANSION OF EDUCATION IN LONDON OF THE XIV–XVI CENTURIES AND CITY OFFICIALS

The article reveals the role of London officials in the expansion of education in the city in the XIV–XVI centuries. It is shown that during the period under review, the English capital, due to the prevailing conditions here, was increasingly filled with a wide range of schools that could satisfy the demands of citizens of different content and level. Aldermen, Mayors and Sheriffs belonging to the merchant elite played a significant role in the expansion the number of schools. Most often, they opened «free grammar schools» in which they taught not only Latin and Latin grammar, but also the disciplines of trivium and quadrivium, and sometimes theology, law,

metaphysics and English. However, as a rule, it was a private initiative of one or another official, and not a purposeful policy of the city government.

Keywords: London, XIV–XVI centuries, grammar-school education, official schools, unlicensed schools, «company» schools, merchants, Church, Aldermen, Mayors, Sheriffs.

Шишкина Ирина Борисовна

ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ АКТА ОБ УПРАВЛЕНИИ ИРЛАНДИЕЙ 1914 ГОДА

(ТРЕТЬЕГО ГОМРУЛЯ)

Статья посвящена рассмотрению проблем, возникающих при принятии третьего гомруля Парламентом Соединенного Королевства. Анализируются условия, сложившиеся в Парламенте, с выделением важности «Акта о Парламенте 1911 года», который сделал возможным обойти право вето Палаты Лордов, настроенной против законопроекта. Отмечается сложное отношение к ирландскому вопросу в британских политических кругах, что вызывало в ряде случаев смягченную реакцию на действия ольстерских юнионистов. Рассмотрена проблема оппозиции ольстерских юнионистов, намеренных не допустить реализации гомруля в случае его принятия. Обращается внимание, что итогом стал Ольстерский кризис, включающий в себя как юнионистскую оппозиционную активность в информационном и правовом поле, так и подготовку к силовому противостоянию, что отчасти использовалось как элемент давления на Лондон. Отмечено формирование военизированных организаций юнионистов и националистов. Рассматриваются непосредственный процесс принятия гомруля и его контуры, а также компромиссные условия его реализации.

Ключевые слова: Гомруль, Акт об управлении Ирландией, Ирландская Парламентская Партия, Ольстерская Юнионистская Партия.

Irina B. Shishkina

PROBLEMS OF ADOPTION OF THE GOVERNMENT OF IRELAND ACT 1914

(THIRD HOME RULE)

The article is devoted to the consideration of problems arising when the Third Home Rule was adopting by the Parliament of the United Kingdom.

On the one hand, the conditions prevailing in Parliament are analyzed, highlighting the importance of the "Parliament Act 1911", which made it possible to bypass the veto power of the House of Lords, which was opposed to the bill. There is a complex attitude towards the Irish question in British political circles, which in some cases caused a softened reaction to the actions of the Ulster Unionists. The problem of the opposition of Ulster Unionists, who intend to prevent the implementation of Home Rule if it is adopted, is considered. It is noted that the result was the Ulster crisis, which included both unionist opposition activity in the information and legal field, and preparation for a military confrontation, which was partly used as an element of pressure on London. The formation of paramilitary organizations of unionists and nationalists was noted. The direct process of adopting Home Rule and its contours, as well as compromise conditions for its implementation, are considered.

Keywords: Home Rule, Government of Ireland Act, Irish Parliamentary Party, Ulster Unionist Party.

Авторы / Contributors

Атапин Евгений Александрович
Преподаватель кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Воронежский государственный университет (Воронеж); atapinvrn@mail.ru

Evgenii A. Atapin
Lecturer, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Voronezh State University (Voronezh); atapinvrn@mail.ru

Гаврилов Сергей Николаевич
Кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); sngavrilov@sfedu.ru

Sergey N. Gavrilov
PhD (History), Associate Professor of Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); sngavrilov@sfedu.ru

Кирчанов Максим Валерьевич
Доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Исторического факультета Воронежского государственного университета (Воронеж); maksymkyrchanoff@gmail.com

Maksym W. Kyrchanoff
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries of the Faculty of International Relations, Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies of Historical Faculty. Voronezh State University (Voronezh); maksymkyrchanoff@gmail.com

Киселев Александр Александрович
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета (Волгоград); alkiselev@mail.ru

Aleksandr A. KISELEV
Candidate of History, Associate Professor of Department of History and International Relations, Volgograd State University (Volgograd); alkiselev@mail.ru

КОВАЛЁВ Максим Александрович
Кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории, археологии и краеведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир); mkovalyov.89@mail.ru

Maxim A. KOVALEV
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Archeology and Local History, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs (Vladimir); mkovalyov.89@mail.ru

ЛАБУТИНА Татьяна Леонидовна
Доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока Института всеобщей истории РАН (Москва); tlabutina2007@yandex.ru

Tatiana L. LABUTINA
Dr. Hab. in History, Professor, Main Researcher Fellow, Heard of the Center "History of cross-cultural communications of the West and East". Institute of World History. Russian Academy of Sciences (Moscow); tlabutina2007@yandex.ru

ЛАГОШИНА Наталия Анатольевна
Кандидат исторических наук, преподаватель кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); lagoshina@sfedu.ru

Natalia L. LAGOSHINA
PhD (History), Lecturer, Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); lagoshina@sfedu.ru

ЛАСКОВА Наталья Васильевна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); nvlaskova@sfedu.ru

Natalia L. LASKOVA
PhD (History), Associate Professor of Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); nvlaskova@sfedu.ru

МИРОШНИКОВ Александр Викторович
Доктор исторических наук, профессор. Заведующий кафедрой истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета (Воронеж); miroshnikovav@mail.ru

Alexander V. MIROSHNIKOV
Doctor of Science (Hist.), Professor. Head of History of Foreign States and Oriental Studies Department. Voronezh State University (Voronezh); miroshnikov_av@mail.ru

МУХИН Максим Андреевич
Ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); mmuhin@sfedu.ru

Maxim A. MUKHIN
Assistant Lecturer, Institute of History and International Relations of South Federal international relations Institute of Southern Federal University (Rostov-on-Don); mmuhin@sfedu.ru

РУДАЯ Ольга Ивановна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону); oiru2011@yandex.ru

Olga I. RUDAYA
PhD (History), Associate Professor of Department of History and Cultural Studies, Don State Technical University (Rostov-on-Don); oiru2011@yandex.ru

СКЛЯРОВА Елена Константиновна
доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений ЮФУ (Ростов-на-Дону); affina18@mail.ru

Elena K. SKLYAROVA
Doctor of History, PhD, Professor of Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); affina18@mail.ru

ЧЕРНОВА Лариса Николаевна
Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов); larisachernova@mail.ru

Larisa N. CHERNOVA
Dr. Sc (in History), Professor, Head of the Department of World History of Saratov State University (Saratov); larisachernova@mail.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции..... 5

«TERRA HIBERNICA»

Лагошина Н.А. (Ростов-на-Дону)
«Богатство не является вечным спутником благородства»: к вопросу о статусе ирландских джентри в XVIII веке..... 15

Мирошников А.В. (Волгоград)
Палитра ирландского национализма конца XVIII века..... 33

Шишкина И.Б. (Волгоград)
Проблемы принятия Акта об управлении Ирландией 1914 года (третьего Гомруля)..... 54

«ПРАВЬ, БРИТАНИЯ, МОРЯМИ!»

Киселев А.А. (Волгоград)
Мартин Фробишер и деятельность английской Катайской компании во второй половине 1570-х годов..... 71

Гаврилов С.Н. (Ростов-на-Дону)
Королевский флот эпохи Тюдоров: научные подходы в изучении..... 90

БРИТАНИЯ И МИР

Ласкова Н.В. (Ростов-на-Дону)
Шотландский след в истории датско-русской дипломатии конца XV – первой четверти XVI веков..... 110

Лабутина Т.Л. (Москва)
Английский посол Эд. Финч о свержении Э.И. Бирона (по материалам дипломатической переписки)..... 119

Склярова Е.К. (Ростов-на-Дону)
Граф Албемарл — инициатор санкций против России в период Крымской войны..... 140

Атапин Е. А. (Воронеж)
Дэвид Кэмерон: заложник собственных обещаний или жертва «европейского вопроса»?..... 151

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ И ИНСТИТУТЫ

Чернова Л.Н. (Саратов)
Развитие образования в Лондоне XIV–XVI веков и городские официалы..... 170

Мухин М.А. (Ростов-на-Дону)
К вопросу о структурной трансформации власти в правление Генриха VII..... 200

ОБРАЗЫ, ИДЕИ И ЦЕННОСТИ

Ковалёв М.А. (Владимир)
Уильям Уиндхэм и полемика в партии вигов вокруг Французской революции (1792–1793 годы)..... 213

Рудая О.И. (Ростов-на-Дону)
Британские интеллектуалы и международное движение в защиту культуры и мира во второй половине 1930-х годов..... 229

Кирчанов М.В. (Воронеж)
Образы Английской республики в исторической памяти современного британского общества..... 239

Аннотации / Summary..... 259

Авторы / Contributors..... 279

Contents..... 285

CONTENTS

NOTE FROM THE EDITORS……. 5

«TERRA HIBERNICA»

N. LAGOSHINA (Rostov-on-Don)
"Wealth is no lasting companion to nobility":
on the issue of the status of the Irish gentry
in the 18th century…… 15

A. MIROSHNIKOV *(Volgograd)*
The palette of late 18th century Irish nationalism……. 33

I. SHISHKINA *(Volgograd)*
Problems of adoption of the government of Ireland Act
1914 (third home rule)…….. 54

«RULE THE SEAS, BRITAIN»

A. KISELEV (Volgograd)
Martin Frobisher and the activities of the English company
of Cathay in the second half of the 1570s……. 71

S. GAVRILOV (Rostov-on-Don)
The Tudor Navy: scientific approaches to the study……. 90

BRITAIN AND THE WORLD

N. LASKOVA (Rostov-on-Don)
The Scottish trace in the history of Danish-Russian diplomacy
of the end of the 15 – first quarter of the 16 centuries……... 110

T. LABUTINA (Moscow)
English ambassador Ed. Finch on the overthrow of E.I. Biron
(based on diplomatic correspondence)…….. 119

E. SKLYAROVA (Rostov-on-Don)
Count Albemarle — initiator of sanctions against Russia
during The Crimean war……... 140

E. ATAPIN (Voronezh)
David Cameron: a hostage to his own promises
or a victim of the "European question"?..... 151

SOCIAL AND POLITICAL PRACTICES AND INSTITUTIONS

L. CHERNOVA (Saratov)
The expansion of education in London of the 14–16 centuries and city officials……... 170

M. MUKHIN (Rostov-on-Don)
On the transformation of the power structure during the reign of Henry VII……... 200

IMAGES, IDEAS AND VALUES

M. KOVALYOV (Vladimir)
W. Windham and the controversy in the Whig party around the French revolution (1792–1793 years)……. 213

O. RUDAYA (Rostov-on-Don)
British intellectuals and the international movement for culture and peace in the second half of the 1930s……... 229

M. KYRCHANOFF (Voronezh)
Images of the English commonwealth in historical memory of modern British society…….. 239

SUMMARY……. 259

CONTRIBUTORS……. 279

Поиск DOI: http://rads-doi.org/data/

БРИТАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Выпуск VIII (2024)

От редакции (С.Н. Гаврилов)
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.011

Лагошина Н.А.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.012

Мирошников А.В.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.013

Шишкина И.Б.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.010

Киселев А.А.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.008

Гаврилов С.Н.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.009

Ласкова Н.В.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.014

Лабутина Т.Л.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.015

Склярова Е.К.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.003

Атапин Е.А.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.001

Чернова Л.Н.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.016

Мухин М.А.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.002

Ковалев М.А.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.004

Рудая О.И.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.006

Кирчанов М.В.
10.21267/AQUILO.2024.VIII.VIII.005

БРИТАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЫПУСК VIII

Главный редактор
Сергей Николаевич Гаврилов

Утверждено к печати Институтом истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) 29 мая 2024 г.

Рецензенты
Ольга Владимировна Дмитриева
доктор исторических наук, доцент
профессор Московского государственного университета
имени М.В Ломоносова

Мария Александровна Пономарева
доктор исторических наук, доцент
директор Института истории и международных отношений
Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Адрес редакции
Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
Электронная почта: british.stud@yandex.ru

Издательство «Аквилон»
Электронная почта: aquilopress@gmail.com
Сайт: aquilopress.com

Подписано к печати 31.05.2024 г.
Формат 60x90/16. Гарнитура Times. Печать цифровая
Усл.-печ. л. 20. Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru Сайт: www.onebook.ru

На обложке
Фрагмент статуи с аллегорическим изображением Британии, установленной в Плимуте 13 июня 2008 года

Изображение находится в открытом доступе, на основании лицензии:
Creative Commons Attribution 3.0 Unported
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Britannia-Statue.jpg (май, 2024)

ISBN 978-5-6050283-6-9

9 785605 028369 >